ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИИ»

На правах рукописи

БАХРИЕВ Бахри Хуршедович

РОЛЬ МЕХАНИЗМОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Специальность: 23.00.04 - Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
к.полит.н., профессор
Боришполец К.П.

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 29

1.1. Эволюция научных представлений о понятии публичной дипломатии 31
1.2. Идентификация акторов современной публичной дипломатии 52
1.3. Феномен публичной дипломатии в центральноазиатском исследовательском дискурсе 62

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ, АКТОРЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ 74

2.1. Государства Центральной Азии как объекты публичной дипломатии членов мирового сообщества 75
2.2. Становление акторности государств Центральной Азии в сфере публичной дипломатии 105

ГЛАВА III. ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК РЕСУРСА РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ 131

3.1. Концептуальные аспекты анализа публичной дипломатии как механизма международного сотрудничества с учетом центральноазиатской проблематики 131
3.2. Механизмы публичной дипломатии как фактор развития международного сотрудничества государств центральноазиатского региона 141
3.3. Возможности ресурсов публичной дипломатии в урегулировании региональных конфликтов в Центральной Азии 148
3.4. Потенциал публичной дипломатии Таджикистана в интересах укрепления внешнеполитических позиций страны и повышения ее имиджа на международной арене 159

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 185

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 195

ПРИЛОЖЕНИЯ 240

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. В последнее десятилетие наблюдается повышение научного внимания к феномену публичной дипломатии и рост практического интереса к его прикладному применению. Данный тренд объясняется как развитием новых коммуникационных технологий, так и стремлением различных государств к диверсификации форматов трансграничных коммуникаций, активизации деятельности по повышению привлекательности своей внешней политики в глазах зарубежной общественности, улучшению своего международного имиджа и, в конечном итоге, к достижению желаемого внешнеполитического поведения «целевых» акторов.

Актуальность темы исследования заключается в том, что регион Центральной Азии, несмотря на преодоление статуса периферийного сегмента мировой политики, остается сложным и неоднородным в плане политических процессов, экономики, безопасности и т.д. Он до сих пор не сложился как пространство стабильных отношений, формированию которого во многом препятствуют внутрирегиональные противоречия. Хотя в последние годы наблюдаются позитивные тенденции в отношениях между странами региона, однако надежные площадки регулярного конструктивного диалога между его странами до сих пор отсутствуют, неразвитыми остаются и механизмы публичной дипломатии, которые играют все б*о*льшую роль в других регионах мира.

На этом фоне публичная дипломатия представляется тем ресурсом, привлечение которого могло бы способствовать решению многих центральноазиатских проблем. Более того, нейтрализация новых вызовов, исходящих от нетрадиционных акторов мировой политики, актуализирует применение не только «жесткой силы», но и использование несиловых инструментов. Публичная дипломатия в контексте Центральной Азии является дополнительным «мягким» средством как в урегулировании традиционных

конфликтов, так и в борьбе с новыми вызовами. Однако, следует отметить и то, что на современном этапе можно наблюдать и другой тренд, связанный с аппликацией ресурсов публичной дипломатии в комплексной стратегии осуществления «жесткосиловых» сценариев в узконациональных интересах отдельных государств[1]. Этот тренд актуализирует вопрос о потенциальной роли публичной дипломатии как авангардного инструмента «жесткой силы».

Степень актуальности исследования представляется еще выше с учетом фактора евразийской интеграции, к которой государства региона Центральной Азии, так или иначе, имеют отношение. Интеграция предполагает не только экономические и политические шаги, но и развитие контактов по линии публичной дипломатии. Одновременно потенциал публичной дипломатии позволяет расширять возможности сотрудничества центральноазиатских государств с самым широким кругом международных партнеров.

Степень разработанности проблемы. Изучению феномена публичной дипломатии в современной политологической науке посвящено достаточно много исследований. Однако, исходя из специфики темы настоящего диссертационного исследования, использованную при ее подготовке научную литературу автор разделяет на **четыре группы**:

Первую группу формируют работы, которые посвящены изучению концептуально-теоретических основ феномена публичной дипломатии, эволюции научных представлений о понятии публичной дипломатии и ее акторах. Так, феномен публичной дипломатии как инструмент распространения и усиления

[1] Примечательно, что данная тенденция была зафиксирована в Концепции внешней политики РФ от 2013 года, которая, признавая значимость «мягкой силы» в международной политике, тем не менее предупреждала, что «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом». *См.*: Концепция внешней политики Российской Федерации.Утверждена Указом Президента Российской В.В.Путиным от 12 февраля 2013 г. (утратила силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186. Из обновленной Концепции внешней политики РФ (2016) данное уточнение исчезло, но с учетом ухудшения обстановки в мире, детериорации отношения России с странами Запада и различного рода давления на РФ, можно прогнозировать «возвращение» упомянутой оговорки в новую Концепцию внешней политики РФ.

«мягкой силы» исследуются в работах одного из классиков теории международных отношений Дж. Ная[2]. В исследовании эволюции самого понятия «публичная дипломатия» классической уже стала работа известного американского ученого Н. Калла[3]. Особенности эволюции теоретических оснований и практики публичной дипломатии анализируются в работах Я.Мелиссена[4], Э.Гилбоа[5], В.Робертса[6], Дж.Р.Кейли[7], Дж.Берриджа[8], А.Хенриксона[9], К.Бёрнса[10], К.Дж.Айхана[11], А.Долинского[12], Н.Цветковой[13], М.Харкевича и др[14]. Изменение характеристики традиционной публичной дипломатии, эволюция расширения ее субъектного поля рассматриваются в исследованиях Н.Сноу[15], Р.С. Захарны[16], П. ван Хэма[17],

---

[2] Joseph S. Nye, Jr. Soft Power. *Foreign Policy*, no. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990).; Nye Joseph. *Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power*, NY.: Basic Books, 1991. – 336 p.; Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008), pp. 94-109.; Joseph S. Nye Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs.* July-August 2009.; Joseph S. Nye, *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York: Oxford University Press, 2003.; Nye S.J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004.191 p.; Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy. *Public Diplomacy Magazine*, 2010, issue 3, pp.120-124.; Nye J. *The Future of Power*. New York, NY: PublicAffairs, 2011. – 320 p.

[3] Nicholas J. Cull. Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase. Nancy Snow and Philip M. Taylor (eds), *Routledge handbook of public diplomacy*. New York, NY: Routledge, 2009. pp. 19-23.

[4] Melissen J. (ed) *The new public diplomacy: Soft power in international relations*. N.Y.: Palgrave McMillan, 2005. 221 p.

[5] Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No 616(1), pp.55-77.

[6] Walter R. Roberts. What Is Public Diplomacy? Past Practices, Present Conduct, Possible Future. *Mediterranean Quarterly*, 2007. No18:4, pp. 36-52.

[7] Kelley J. R. The New Diplomacy: Evolution of a Revolution. *Diplomacy and Statecraft*. 2010. Vol. 21(2), pp.286-305.

[8] Berridge G. *Diplomacy: theory and practice*, 4th Edition/Basingstoke, New York: Palgrave, 2010. 282p.

[9] Henrikson A. What Can Public Diplomacy Achieve? Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations -"Clingendael", 2006. 38p. [Electronic resource]. — Mode of access:https://www.diplomatie .gouv.fr/IMG/pdf/publicdiplo.pdf (accessed:12.07.2018).

[10] Caitlin B. Public Diplomacy and Constructivism: A Synergistic and Enabling Relationship// International Studies Association Annual Conference, San Diego, 1-4 April 2012. [Electronic resource]. — Mode of access: http://files. isa net.org/ConferenceArchive/c0f3deebd76244828cc6ed1c12810555.pdf (accessed: 12.12.2017).

[11] Ayhan K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives. *International Studies Perspectives*. 2018. No 1, pp.1-21.

[12] Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – Выпуск № 2. – С. 275-280.

[13] Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Тамбов: Грамота. – 2015. – № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. – С. 186-189.

[14] Харкевич М.В. Формы публичной дипломатии и типы государств. // Политика и Общество. – 2016. – № 9. – С.1244-1255. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.9.16271; Харкевич М.В. Военное измерение публичной дипломатии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С.21-35.

[15] Snow N. Rethinking Public Diplomacy. *Routledge handbook of public diplomacy*, ed. Nancy Snow and Philip M. Taylor, New York, NY: Routledge, 2009, pp. 3-11.; Nancy Snow. Anti-Americanism and the Rise of Civic Diplomacy. Foreign Policy in Focus. Dec. 13, 2006. [Electronic resource]. — Mode of access: https://fpif.org/anti-americanism_and_ the_rise_of_ civic_ diplomacy/

[16] Zaharna R. S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frame-works. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. N. Snow, Ph. M. Taylor. L. – N. Y.: Routledge, 2009. P. 86-100.

[17] Van Ham P. Place Branding: The State of the Art. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616, pp. 126-149.

Э.Гуиджа[18], М.Лебедевой[19], Н.Цветковой[20], Т.Зоновой[21], А.Подберезкина[22], Ш.Мюллера[23], Дж.Паммента[24], Б.Грегори[25]. Ла Порте[26], Г.Лии и К.Айхена[27], О.В.Столетова и И.А.Чихарева[28]. Учитывая размытость понятийного аппарата публичной дипломатии и частое употребление данного термина в качестве синонима для других близких категорий, автор при анализе соотношения термина «публичная дипломатия» со смежными понятиями опирался на работы Дж. Кинга[29], М.Лебедевой[30], Е.В.Василенко[31], А.Долинского[32], А.Боброва[33],

[18] Huijgh E. Changing Tunes for Public Diplomacy: Exploring the Domestic Dimension. Exchange. *The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2: Iss. 1, Article 6. pp. 62-73.
[19] Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С.8-20.
[20] Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С.109-122.
[21] Зонова Т.В. Дипломатия будущего. Российский совет по международным делам. 20.04.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-budushchego /?sphrase_id=1784643; Зонова Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы. РСМД. 07.08. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/; Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Дипломатическая служба. 2015. №3 (36). С.176 – 183.
[22] Подберезкин А. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель. – 2016. – № 12 (323). – С. 15-25; Подберезкин А.И. Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций. Журнал «Вестник МГИМО-Университета». – 2015. – №: 6 (45). – С.106-116.
[23] Mueller Sh. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, NY, London: Routledge, 2009.
[24] Pamment J. *New Public Diplomacy in the 21st Century: A Comparative Study of Policy and Practice*. – Routledge: London, 2013. 184 p.
[25] Bruce Gregory. American Public Diplomacy: Enduring Characteristics, Elusive Transformation. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2011. № 6(3), pp. 351-372.
[26] La Porte, T. The Impact of 'Intermestic' Non-State Actors on the Conceptual Framework of Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2012. Vol.7(4), pp.441-458.
[27] Geun Lee & Kadir Ayhan. Why Do We Need Non-state Actors in Public Diplomacy?: Theoretical Discussion of Relational, Networked and Collaborative Public Diplomacy. *Journal of International and Area Studies*. 2015. Vol. 22 (1), pp. 57-77.
[28] Столетов О. В., Чихарев И. А. Университеты как субъекты публичной дипломатии // Мир и политика. – 2013. – № 11 (84). – С. 214–235.
[29] Gene King. A New Kind of Diplomacy. *The Quarterly of Film Radio and Television*, 1955. Vol. 10, no. 1, pp. 44-50.
[30] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №3(54). – С. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
[31] Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 1 (5). – С.68– 80.
[32] Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011а. – Том 9. – № 1(25). – С.63-73.
[33] Бобров А. Дипломатия публичная или общественная - вот в чем вопрос // Международная жизнь. – 2017. – №5. – С.188-200.

Е.Евдокимова[34], С.Анхольта[35], К.А.Жакеновой[36], Г.Сзонди[37], Г.Голана, С.Янга и Д.Ф.Киснея[38].

Весьма полезной при подготовке исследования оказалась коллективная монография «Публичная дипломатия: теория и практика», подготовленная в МГИМО. Автор выделяет главы, написанные К.Боришполец[39], Ю.Никитиной[40], Т.Зоновой[41], Е.Антюховой[42], в которых выявляются новые тренды в публичной дипломатии за последние годы, а именно - развитие публичной дипломатии международных организаций. Помимо названных авторов, по данной тематике автор отмечает работы З.З.Паговского[43], А.Фоминых[44], статьи Д.С.Сизарева[45].

Диссертант также выделяет работы, анализирующие модели сотрудничества и соперничества в публичной дипломатии, возможности ее ресурсов в урегулировании конфликтов и развития диалоговых форматов. Интересными оказались работы М.Леонарда[46], Г.Кована и А.Арсенолта[47], Н.Сноу[48],

---

[34] Евдокимов Е. «Народная дипломатия». Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С.285-288.
[35] Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding. *Place Branding*, 2006. №2 (2). Pp. 97-107.
[36] Жакенова К.А. Публичная дипломатия как сфера национального брендинга // Вестник КазЭУ/ КазЭУ Хабаршысы. – 2012. – №6. – С.126-131.
[37] G. Szondi. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. *Discussion Papers in Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations 'Clingadael'. October 2008.
[38] Golan, G. J., Yang, S., & Kinsey, D. F. (ed). *International Public Relations and Public Diplomacy: Communication and Engagement*. New York, NY: Peter Lang Publishing. 2015. 458 p.
[39] Боришполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.89-111.
[40] Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.112-127.
[41] Зонова Т. Публичная дипломатия Европейского Союза // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.70-88.
[42] Антюхова Е.А. Публичная дипломатия НАТО в условиях деполяризации политической системы мира // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.128-143.
[43] Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of International Organizations. The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Figueroa Press, Los Angeles, 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: http://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads /u33041/Public%20Diplomacy%20of%20Multilateral%20-%20Full%20June%202015.pdf
[44] Фоминых А.Е. Публичная дипломатия ЕС // Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / отв. ред. Л. О. Игумнова. Коллективная монография. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. С.254-280.
[45] Сизарёв Д.С. «Мягкая сила» публичной дипломатии Группы семи/восьми // Ярославский педаг. вестник. – 2014 – № 3 – Том I (Гуманит. науки) С.112-118.; Сизарёв Д.С. «Мягкая сила» в деятельности «Группы семи/восьми» // Ярославский педаг. вестник. – 2014 – № 4 – Том I (Гуманит. науки). – С.100-103.
[46] Mark Leonard, Catherine Stead, Conrad Smewing. Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002.
[47] Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616. №1, pp. 10-12.
[48] Snow N. Valuing Exchange of Persons in Public Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. Nancy Snow, Philip M. Taylor. NY: Rougledge, 2009. Pp.233-247.

А.Пратканиса[49], И.Халла и Ф.Смита[50], М.Лебедевой[51], Л.Рустамовой[52], А.Великой[53].

Существенными оказались наработки М.Мак-Доуэлла[54], И.Лайджиева[55], Й.Баторы[56], Э.Гилбоа[57], в которых авторы разбирают атрибутивные элементы, преимущества и слабые стороны публичной дипломати малых/средних государств (*middle* / *small states*).

Вторая группа исследований в контексте темы настоящей диссертации носит узко-региональный, кейсовый характер. Это научные публикации, в которых государства Центральной Азии рассматриваются в качестве *объектов* «мягкой силы» и публичной дипломатии внерегиональных игроков.

В понимании международных процессов в регионе, интересов внерегиональных игроков, специфики внешнеполитического поведения центральноазиатских стран исключительно полезными оказались работы А.Д.Богатурова, А.С.Дундича, Е.Ф.Троицкого[58], А.А.Казанцева[59],

---

[49] Pratkanis A. Public Diplomacy in International Conflicts: A Social Influence Analysis. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY, London: Routledge, 2009, pp.111-153.

[50] Hall I., Smith F. The struggle for soft power in Asia: Public diplomacy and regional competition. *Asian Security*, 2013. Vol. 9, no 1, pp. 1-18.

[51] Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 4 (43). – С. 45-56.

[52] Рустамова Л.Р. Публичная дипломатия России в урегулировании конфликта в Сирии // Мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 33-37. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.1.25576.

[53] Великая А.А. Политические аспекты взаимодействия в гуманитарной сфере государств-участников СНГ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Специальность: 23.00.04 –Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Московский государственный институт международных отношений. Москва. – 2014. – 170 с.; Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С.154-164.

[54] Laydjiev I. Searching for Influence and Persuasion in Network-Oriented Public Diplomacy: What Role for «Small States»? *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2, Issue 1, pp.40-48.

[55] McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*, 2008. *Vol.* 32:3 (Special Edition), pp. 8-17.

[56] Batora J. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. *Discussion Papers in Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations -"Clingendael", 2005. 26 p.

[57] Gilboa E. The Public Diplomacy of Middle Powers. *Public Diplomacy Magazine*. 2009.Issue pp.22-28.

[58] Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Выпуск 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.; Также: Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2011. – 549 с.; Дундич А.С. Политическая стабильность в Центральной Азии: перспективы для России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 24-27.

[59] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. 2008. – 248 с.; Казанцев А. А. Политика США в Постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 4 (25). – С.155-164.

И.Д.Звягельской[60], Р.М.Мукимджанова[61], В.И.Месамеда[62], М.Ларуэль[63], Д.Малышевой[64], А.Малашенко[65], К.Боришполец[66], И.А.Сафранчука[67], Э.Ю.Петрова и М.С.Семеркова[68], Д.В.Кочегарова и А.В.Новикова[69], Е.Б.Яценко[70], Е.С.Алексеенковой[71], А.Умарова[72], М.В.Братерского[73], Ф.Толипова[74], Е.Румера, Л.Сокольского, П.Сронского[75], Тянь Роберта Гуана[76], Ч.Сулливана[77], Д.Люиса[78] и др[79].

---

[60] Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. — М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.

[61] Мукимджанова Р.М. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. — М.: Научная книга, 2005. – 206 с.

[62] Месамед В.И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. — М.: Институт Ближнего Востока, 2010. — 268 с.

[63] Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. – 2013 (янв. – апр.). – С.6-20.; The Central Asia–Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives, edited by Marlene Laruelle. Rowman & Littlefield. 2017. 282 p.

[64] Малышева Д.Б. Азиатский вектор внешней политики постсоветских государств Центральной Азии // Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 60-72.

[65] Малашенко А. Интересы и шансы России в Центральной Азии // Pro et Contra. – 2013 (январь – апрель). – С.21-34.

[66] Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения// Вестник МГИМО - Университета. – 2013. – № 3(30). – С. 25-28.

[67] Сафранчук И.А. Курс администрации Б. Обамы в Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2017. – №2. – С.119-122.; Сафранчук И.А. Возможен ли геополитический нейтралитет Центральной Азии? // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – 2016. – №5-6 (50-51). – С. 2-4.; Сафранчук И.А. Направление перемен в Узбекистане: к сильной системе или личности? // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – 2017. – №5-6 (56-57). – С. 29-31.

[68] Петров Э.Ю., Семерков М.С. Геополитические риски влияния Китая на страны Центральной Азии. Сравнительная политика. –2017. –№8(3). – С.114-119. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-114-119

[69] Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии // Сравнительная политика. – 2017. – №8(3). – С.96-113. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113.

[70] Яценко Е.Б. О невоенных инструментах защиты интересов России в регионе Центральной Азии и Афганистана // Вызовы безопасности в Центральной Азии: сборник. / Рук. проекта Дынкин А.А., Барановский В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. С.139-145.

[71] Алексеенкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. – 2017. – №1(19). – С.29-41.

[72] Умаров А. Инициативы Республики Узбекистан в афганском направлении: потенциальные возможности и риски // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.33-43.

[73] Братерский М.В. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №4 (52), с. 64-72.

[74] Толипов Ф. Центральная Азия как пространство, полития, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С.119-127.

[75] Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. policy toward Central Asia 3.0. / Carnegie Endowment for International Peace. January 25, 2016. URL: http://carnegieendowment.org /2016/01/25/u.s.-policy-toward-central-asia-3.0/it6d

[76] Тянь Роберт Гуан. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировки стратегии США в ЦА // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – Том.12, выпуск 3. – С.68-84.

[77] Sullivan Ch. Tranquility or Turbulence in Tashkent? Uzbekistan in the Postkarimov Era. Central Asia Policy Briefs #43. November 2016. [Electronic resource]. — Mode of access: http://osce-academy.net /upload/file/43BRIEF.pdf

[78] Lewis D. Central Asia: Fractured Region, Illiberal Regionalism in Anna Ohanyan (ed.) *Russia Abroad: Driving Regional Fracture in Post-Communist Eurasia and Beyond.* Georgetown University Press. 2018, pp. 119-134.

[79] Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта / Аналитический доклад. Под.ред. Е.Т.Карина. Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2015. – 51с.; Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион/ Под ред. С.Кушкумбаева. Алматы, 2016. – 44 с.; Эволюция постсоветского пространства:

Потенциал и особенности американской и российской «мягкой силы» и публичной дипломатии в регионе рассматриваются в работах Ф.Старра[80], Е.Шатца[81], М.Лебедевой[82], К.Боришполец[83], О.Леоновой[84], М.В.Братерского[85], Н.Цветковой[86], А.А.Казанцева и др.[87], А.Гуссаровой и Е.Хона[88], А.Н.Марчукова[89], А.Фоминых[90], Д.С.Попова[91], Д.С.Плотникова[92]. Активность публичной дипломатии Китая в регионе исследуются в публикациях С.В.Михневича[93],

---

прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: НП РСМД, 2017. – 384 с.; Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В. В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 35с.; Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Алматы: Фонд им. Ф. Эберта. 2015. 31с.; Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А.Л.Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. – 251 с.; Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 241 с.

[80] Starr S.F. A Partnership for Central Asia. *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 4 (July/Aug. 2005). Pp.164-178.

[81] Schatz, E. Anti-Americanism and America's Role in Central Asia. National Council for Eurasian and East European Research. University of Toronto. Working paper. 2008. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_821-14_Schatz.pdf; Schatz E, Levine R. Framing, Public Diplomacy, and Anti-Americanism in Central Asia. International Studies Quarterly. 2010. Vol. 54. Iss. 3. Pp. 855–869.

[82] Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–55.; Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 10-13.

[83] Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 63-70.

[84] Леонова О. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель — Observer. – 2013. – №4. – С.27-40.

[85] Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир. – 2016. – №2 (91). – С.39-48.

[86] Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США в Евразии: влияние на Русский Мир // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.96-99.

[87] Казанцев А. А. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности её использования в Центральной Азии / А. А. Казанцев, А. Л. Синегубов, С. И.Чернявский, А. А. Орлов // Ежегодник ИМИ. – 2014. – №1 (7). – С. 70-88.; Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 80-91.

[88] Gussarova A., Khon E. Russian Soft Power in Kazakhstan (and Central Asia): Taken for Granted? *Central Asia Institute for Strategic Studies*, 2017. 25p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://drive.google.com /file/d/0B_ Or2oBlCdPVMkNwajhrNTFBSDg/view (accessed: 02.07.18)

[89] Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №3. – С.95-114.

[90] Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. Вып. 3. – С. 73–86.; Фоминых А. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция // Вестник Томского Университета. – 2014. – №6. – С. 28-32.

[91] Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016. С.247 с.; Попов С.Д. Киргизия в центральноазиатской политике США // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – №2(17). – С.35-59.; Попов Д.С. Цифровая дипломатия США в Центральной Азии. М.: Российский институт стратегических исследований, 27.06.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riss.ru/analitycs/2566/

[92] Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // ARS ADMINISTRANDI. – 2016. – С. 160-177.

[93] Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. – 2015. – №1. –

А.Шустова[94], Г.Вана и Е.В.Журавловой[95], Г.Курамаевой и С.Нурдавлетовой[96], С.Нуралиевой и Б.Балаубаевой[97], Ю.Жоу и С.Лука[98], Ш.Ху[99], Л.Фанфэй[100], В.Сонга[101], Л.Минфу[102], Х.Ингрида[103] и др.; некоторые аспекты потенциала и практики иранской и турецкой публичной дипломатии в центральноазиатском направлении освещают О.Леонова[104], С.Чевик[105], Э.Севин[106], Е.А.Сафонкина[107], Э.Уостнидж[108], Д.Киани[109], Н.Паунич,[110] С.Азади, М.Магсуди и А.Мехрпуян[111], Д.Тренин[112]; продвижение «мягкой силы» Японии, а также Европейского Союза в

С.80-117.; Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – №2. – С.95-129.

[94] Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии // Портал «Евразия. Эксперт», 09.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 03.12.2017)

[95] Ван Г., Журавлева Е.В.Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – №1. – С.60-69.

[96] Курамаева Г., Нурдавлетова С. Политика «мягкой силы» КНР ы отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Центральная Азия и Кавказ. – 2018. – Том 21. Выпуск 3. – С.18-25.

[97] Nuraliyeva S., Balaubayeva B. How do ‘people to people’ relations contribute to the implementation of OBOR in Central Asia? *Хабаршы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы - International relations and international law*. 2018. Vol.2 (82), pp.133-141.

[98] Zhou Y, Luk S. Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China’s soft power? Journal of Contemporary China. 2016. Volume 25. Issue 100, pp.628-642.

[99] Xy Sh. The Evolution of Chinese Soft Power: Its International and Domestic Roles: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy of the University of Western Australia, 2016. 358 p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://api.research-repository.uwa.edu.au/portalfiles/portal/14771493/THESIS_DOCTOR_OF_PHILOSOPHY_XU_Shaomin_2016.pdf (accessed 20.08.2018)

[100] Фанфэй Л. Публичная дипломатия Китая в Центральной Азии // КЛИО. – 2018. – №3(135). – С.135-141

[101] Song W. *China’s approach to Central Asia: The Shanghai Co-operation Organisation* (Routledge Contemporary China Series) 1st Edition. New York: Routledge. 2016. 182 p.

[102] Минфу Л. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 154.

[103] d’Hooghe I. *China's Public Diplomacy*. Leiden & Boston: Brill, 2014. 424 p.

[104] Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

[105] Senem B. Çevik. Narrating Turkey’s Story: Communicating Its Nation Brand through Public Diplomacy //Middle Powers in Global Governance: The Rise of Turkey, ed. Emel Parlar Dal. NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp.213-230.

[106] Sevin Efe. *Public Diplomacy and the Implementation of Foreign Policy in the US, Sweden and Turkey*. Palgrave Macmillan, 2017. 258 p.

[107] Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.145-166.

[108] Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Том 17 (Вып. 4). – С.131–144.; Wastnidge E. Th e Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War. *POLITICS*. 2015. Vol. 35 (no 3-4), pp. 364–367.

[109] Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 113-138.

[110] Paunic N. The Rising Shi’a Crescent: Iranian Smart Power and Implications for the Middle East, Central Asia, and the Persian Gulf. *Carleton Review of International Affairs*. 2016. Vol.3, pp. 70-92.

[111] Azadi S., Maghsoodi M., Mehrpouyan A. Performance Analysis of Cultural Diplomacy of Iran in Central Asia. *International journal of humanities and cultural studies*. Volume 2. Issue 2. Sept. 2015. P.663-690.

[112] Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. Моск. Центр Карнеги. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 326 с.

Центральной Азии в своих работах касаются О.А.Добринская[113], В.Аксёнова[114], Н.Кассенова[115], М.Ларуэль и Э.Мак-Глинчи[116], Л.Рустамова[117], Т.А.Ланьшина[118].

Логику выделения **третьей группы** исследований диссертант объясняет необходимостью определения степени научной популярности феномена публичной дипломатии в центральноазиатском научном дискурсе. В итоге был выявлен незначительный исследовательский интерес к рассматриваемому феномену в среде региональных ученых. Наиболее солидными в осмыслении различных аспектов и ресурсов «мягкой силы» и публичной дипломатии оказались работы Д.С.Казбекова[119], Л.Ж.Абжапаровой и А.Б.Сарсымбаевой[120], И.Абильдаева[121], Ф.Кукеевой и др.[122], Н.Айтмурзаева[123], Г.Н.Кима[124], М.Абдраимова[125]. Культура как ресурс публичной дипломатии рассматривается в

---

[113] Добринская, О.А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Япония 2015. Ежегодник. – М: 2015. – С.36-57.

[114] Axyonova V.The EU Education Initiative for Central Asia five years on: lessons learnt? *EUCAM Watch*, no 3 - February 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: file:///C:/Users/Bahri/Downloads/EUCAM-Policy-Brief-30.pdf

[115] Kassenova N. Projecting soft power as an imperative for the EU in Central Asia. *EUCAM Watch*, Issue 18 - February 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/_Newsletters/EUCAM_Watch_18.pdf (accessed: 11.09.2017).

[116] Marlene Laruelle & Eric McGlinchey. Renewing EU and US Soft Power in Central Asia. *EUCAM Commentary No. 28* (October 2017). [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eucentralasia.eu_/fileadmin/user_upload/PDF/Commentaries/EUCAM_Commentary_28_Renewing_US_and_EU_Softpower_in_Central_Asia.pdf(accessed: 11.09.2017).

[117] Рустамова Л.Р. Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т.18. – No 2. – С. 304-314. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314.

[118] Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.28–58.

[119] Казбекова Д.С. Публичная дипломатия во внешней политике Федеративной Республики Германии и Республики Казахстан.Диссертация на соискание ученой степени доктора по профилю. 6D020200. Международные отношения. – Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2014. – 189 с.

[120] Абжапарова Л.Ж., Сарсембаева А.Б Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-7. С. 1520-1523.

[121] Абильдаев И. Формирование государственно-политического бренда Республики Казахстан // ҚазҰУ хабаршысы - Вестник КазНУ. Философия, политология, культурология сериясы. 2010. № 1(34). С.58-61.

[122] Kukeyeva F., Alipkyzy R., Shokparova Zh., Batrbekova A. Some Theoretical Aspects of the Public Diplomacy// Хабаршы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы - International relations and international law journal. – 2018. – No2 (82). – P.88-96.

[123] Айтмурзаев Н. «Мягкая сила» как потребность общества в социальном порядке в условиях глобализации // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2012. – №5(05). – С.11-15.; Айтмурзаев Н. Применение информационно-коммуникационных технологий в дипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2016. – №5(05). – С.76-81.

[124] Ким Г.Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи / Г.Н.Ким // Казахстан Спектр. – 2012. – №4. – С. 24–36.

[125] Абдраимов М.Дж. Внешнеполитическая информационная деятельность государства в современных условиях: концептуальная основа и проблемы / М.Дж. Абдраимов // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2015. – №5(05). – С.50-54.

работе таджикского специалиста Д.Л.Латифова[126] и в публикации Дж.Гурбангельдыева[127]; эволюцию и современную роль цифровой дипломатии анализирует Ф.Саидов[128]; возможности публичной дипломатии в реализации национальных интересов оказываются в фокусе внимания узбекских ученых А.Файзуллаева[129], Ш.Таджиева[130] и таджикского профессора Р.Ульмасова[131].

И, наконец, **четвертая группа** исследований, тематика которых наиболее слабо освещена в научной литературе, это работы, посвященные анализу публично-дипломатического акторства государств Центральной Азии. На данный момент наиболее комплексно этот вопрос анализируется в рамках отдельных глав на страницах двух монографий, подготовленных в МГИМО - «Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение»[132] и «Публичная дипломатия: теория и практика»[133]. Существенный вклад в подготовке настоящей диссертации внесла статья профессора МГИМО К.Боришполец[134], в которой анализируется научное осмысление и практические аспекты публичной дипломатии центральноазиатских государств ЕАЭС. Особенности «мягкой силы» Кыргызстана и Казахстана в общих чертах упоминаются в статье О.Леоновой[135]. Западные исследователи при изучении публичной дипломатии центральноазиатских государств в основном акцентируют

---

[126] Латифов Д.Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // Журнал МИД РТ «Внешняя политика». – 2015. – №1. – С.114-119.

[127] Гурбангельдыев Дж. Культурная дипломатия – язык межнационального диалога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018

[128] Саидов Ф. Цифровая дипломатия: понятие, история развития и значение /Ф. Саидов // Внешняя политика. – 2013. – №1. – С.103-112.

[129] Файзуллаев А. Публичная дипломатия на службе национальных интересов // Газета.uz. 5 августа 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/ ; Файзуллаев А. Страна как бренд // Газета.uz, 19.04.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country-branding/ (дата обращения: 21.10.2018).

[130] Таджиев Ш. Публичная дипломатия как важная составная часть «мягкой силы» // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С. 74-87.; Таджиев Ш. Использование инструментария «мягкой силы» в международных отношениях // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С. 107-117.

[131] Ульмасов Р. Миграционная ситуация в Таджикистане: проблемы и пути решения. Портал «Культурная дипломатия». 13.04. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/analitika/itemlist/user/1030

[132] Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 224 с.

[133] Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. – 272 с.

[134] Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития /К.П. Боришполец // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 5 (44). – С.42-49.

[135] Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

внимание на стратегии брендинга, которая ярко выражена в профильной практике стран региона. Американская исследовательница Э.Марат анализирует специфику формирования некоторыми странами региона своего национального бренда[136]. На примере Казахстана этот вопрос исследуют также С.Инсебаевой[137], А.Фаув[138], Э.Шатц[139], Ф.Сток[140], Р.А.Сандерс[141]. Аналогичные стратегии Туркменистана рассматривает М.Омеличева[142]. В монографии Д.С.Попова в в общих чертах уделяется внимание опыту центральноазиатского лобби в США[143]. Отдельные практические аспекты узбекской публичной/народной дипломатии встречаются в упомянутых выше работах А.Файзуллаева, Ш.Таджиева, а также М.Абдуллаева[144].

Помимо вышеприведенной библиографии значимую роль в подготовке исследования сыграли комментарии, выступления и интервью официальных лиц[145], официальные доклады / справочно-аналитические тетради государств /

---

[136] Erica Marat. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No.7, pp. 1123-1136.

[137] Insebayeva S. Imagining the Nation: Identity, Nation Building, and Foreign Policy in Kazakhstan. In: *Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials and Cultural Change*. Edited by Marlene Laruelle.Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017, pp. 53-61.

[138] Fauve A. Global Astana: Nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes. *Central Asian Survey*. 2015, no. 34(1), pp. 110-124.

[139] Schatz E. Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan. *Slavic Review*. 2008. Vol. 67(1), pp.50–62.

[140] Stock F. The Borat Effect. *Place Branding and Public Diplomacy*. August 2009. Vol. 5. Issue 3. Pp. 180–191.

[141] Robert A. Saunders. Buying into Brand Borat: Kazakhstan's Cautious Embrace of Its Unwanted "Son". *Slavic Review*. 2008. Volume 67, issue 1, pp. 63-80.

[142] Omelicheva M. Eye on the international image: Turkmenistan's nation branding. *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions*, ed. M. Omelicheva. LM: Lexington books, 2015. P.91-110.

[143] Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016. 247с.

[144] Абдуллаев М. Узбекистан в ШОС: время народной дипломатии // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С.16-31.

[145] Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения. 14.02.2015. Сайт Посольства КНР в РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1237889.htm; Встреча с членами Общественной палаты. Официальный сайт Президента России. 20 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/54831; Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания Министерства иностранных дел Республики Таджикистан, 15.03.2013, г. Душанбе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/4114; Выступление Э. Рахмона на открытии второго форума таджиков мира. Душанбе, 08.09.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/1090; Выступление Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э.Б. Абдылдаева по случаю начала учебного года в Дипломатической академии МИД КР им. Казы Дикамбаева. Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. – 2015. – № 5. – С.6-10. Послание Президента страны народу Казахстана, «Стратегия «Казахстан 2050». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://mfa.gov.kz/index.php/ru/informatsiya-o-kazakhstane/poslaniya-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana / poslanie-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050; Речь Сооронбай Жээнбекова на торжественном открытии кампуса Университета Центральной Азии в Нарыне. Нарын, 19 Октября 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdn.org/ru/speech/mr-sooronbay-jeenbekov; Выступление Президента Узбекистана на саммите ШОС в г. Астане. 09.07.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=16&v=-WlMY5jeIDA

международных организаций[146], рейтинги «мягкой силы» и туристической привлекательности, подготовленные международными агентствами *Bloom Consulting*[147], *Real Instituto Elcano*[148], материалы экспертных организаций, связанных со сферой публичной дипломатии[149], опубликованные Центром ответственной политики (*Center for Responsive Politics)* копии документов по деятельности лобби центральноазиатских государств в США[150] и др[151].

Значимыми материалами для исследования стали публикации по тематике публичной дипломатии в авторитетных специализированных зарубежных и российских научных журналах, таких как *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, *Place Branding and Public Diplomacy*, *Public Diplomacy Magazine*, *The Hague Journal Of Diplomacy*, *Foreign Affairs*, «Международные процессы»,

---

[146] Мукомель В. Диаспора -партнер по развитию Таджикистана. Изд. Миссии МОМ в РТ. Душанбе, 2014. 147с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publications.iom.int/ system /files/pdf/diaspora_ tajikistan_ russian. Pdf; Dovelyn Rannveig Agunias and Kathleen Newland. Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries. IOM - MPI, 2012. 254p.; United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2015. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2014 Budget Data. South and Central Asia Region. [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/247334.pdf; United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2017. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data. [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.state.gov /documents /organization/274950.pdf; UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013).; UNWTO Tourism Highlights. 2016 Edition. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.dadosefatos.turismo. gov.br/images/pdf/estatisticas_indicadores/UNTWO_ Tourism_Highlights_2016_Edition.pdf ; The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www3.weforum.org/ docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf; Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq: drivers and responses // USAID. May 4, 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: http://pdf.usaid.gov /pdf_docs/ PBAAE879.pdf; The Impact of External Factors on Security and Development in Central Asia / UNRCCA. Bishkek, 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: https://unrcca.unmissions.org/ sites /default/ files /old_dnn/The% 20Impact%20of%20External%20factors % 20on%20Security%20and%20 Development% 20in%20Central%20 Asia_ ENG.pdf

[147] Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition. – 40 p. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.bloomconsulting.com/ pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf

[148] Elcano Global Presence Report 2018. Madrid: Real Instituto Elcano, 2018 – 60 p. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/data/Global_Presence_2018.pdf

[149] Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations 'Clingadael'. October 2008. 46 p.; The Edward R. Murrow Center for Public Diplomacy - Definitions of Public Diplomacy. [Electronic resource]. — Mode of access: http://fletcher.tufts. edu/murrow/pd/definitions.html; Обзор основных событий и трендов. Центр поддержки и развития общественных инициатив — «Креативная дипломатия». М.: - 2018. 36с.; Курс общественного дипломата / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017 –76 с.; China's «Soft Power» Toolkit: the Issue of Perceptions. In *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia* (chapter III), edited by Marlene Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp.97-169.

[150] *См*.: Foreign lobby watch. [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.opensecrets.org/fara/countries

[151] The 2014 Traveler's Road to Decision. Google Travel Study, June 2014.
[Electronic resource]. — Mode of access: https://storage.googleapis.com/think/docs/2014-travelers-road-to-decision_research_studies.pdf

«Вестник МГИМО-Университета», «Центральная Азия и Кавказ» и т.д. Из научных журналов стран Центральной Азии диссертант особо выделяет «Международные отношения: политика, экономика, право» Университета мировой экономики и дипломатии при Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан.

Исследовательский вопрос: Какова роль механизмов публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии?

Объектом диссертационной работы является институт публичной дипломатии и его участники, т.е. государства и негосударственные акторы в современной мировой политике.

Предметом исследования являются значимость конкретных механизмов публичной дипломатии государств Центральной Азии с учетом опыта наиболее активных вне-региональных акторов в развитии международного сотрудничества центральноазиатских государств.

Цель исследования: Цель исследования состоит в анализе роли механизмов публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии.

Опираясь на данную целевую установку, в диссертационной работе решаются следующие **задачи**:

1. Обобщить научные представления о тенденциях формирования понятия публичной дипломатии, ее целей, средств, круга участников и эволюции;
2. Систематизировать массив существующих теоретических наработок о публичной дипломатии как ресурсе развития международного сотрудничества;
3. Охарактеризовать особенности становления дискурса и практики публичной дипломатии в различных странах Центральной Азии;
4. Оценить потенциал и перспективы публичной дипломатии в развитии международного взаимодействия центральноазиатских государств и повышении их международного имиджа;

5. Проанализировать потенциал и возможности Таджикистана в сфере публичной дипломатии – как малоизученный пример прикладного применения данного феномена в реализации основных внешнеполитических целей государства.

Теоретико-методологические основания исследования. Настоящее исследование основано на теоретико-методологических идеях конструктивизма и неолиберальной концепции «мягкой силы».

Причина, по которой автор использует теорию конструктивизма заключается в том, что она, *во-первых*, оспаривает (но не отвергает) жесткосиловой детерменизм логики международного поведения/взаимодействия государств. Материальные силы, как пишет известный конструктивист Александр Вендт, конституируются акторами в соответствии с определенным для них (акторов) смыслом[152]. *Во-вторых*, конструктивизм, особенно ее коммуникативно-рефлексивная и ориентированная на кооперацию *идея интерсубъективности*[153], достаточно хорошо описывает содержательные элементы современной публичной дипломатии, обосновывая необходимость диалогичности и понимания *других* для формирования *своего* позитивного восприятия. Сторонники конструктивизма рассматривают осуществление публично-дипломатической деятельности как *социальное взаимодействие*, в котором важно понимание идентичности и культуры адресатов[154]. Конструктивисты исходят из разнообразия государств, обладающих своим уникальным восприятием мира, отличающимся от других культур и ценностей. В позитивном восприятии этого разнообразия, то есть в понимании

[152] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P.24.

[153] По своей сути интерсубъективность диалогична и коммуникативна, поскольку возникает в процессе ситуации обмена «я – другой». Стоит выделить и такой важный параметр коммуникации как рефлексивность или наличие *feedback* - обратных связей участников интерсубъективного процесса. Последний параметр является одним из важнейших инструментов повышения эффективности или механизмов ассессмента в современной публично-дипломатической деятельности. *См.*: Тимощук Е. Интерсубъективность социокультурного мира // Перспективы науки и образования. – 2013. – №6. – С.32-36.

[154] Byrne C. Public Diplomacy and Constructivism: A Synergistic and Enabling Relationship. *International Studies Association Annual Conference*, San Diego, 1-4 April 2012. [Electronic resource]. — Mode of access: http://files.isanet.org/ConferenceArchive/c0f3deebd76244828cc6ed1c12810555.pdf

«других» без отрицания их права на собственную идентичность[155], находится ключ к созданию стабильного мира и отношений.

В конструктивистской модели целеполагания публичной дипломатии приоритет *установления и управления отношениями друг с другом* оказывается выше установки *оказания влияния на мнения и действия* других государств и обществ[156]. Такой подход в стратегическом целеполагании делает публичную дипломатию инструментом долгосрочного воздействия, а в тактическом – дополнительным инструментом налаживания кооперации и развития международного сотрудничества государств и негосударственных участников.

Использование концепции «мягкой силы» обосновано тем, что она в теоретической и методологической ориентации во многом определяет основные тренды аналитического осмысления проблематики публичной дипломатии. Однако, по сути, и «мягкая сила» является конструктивистской концепцией[157].

В качестве общенаучных методов в настоящей диссертации особое внимание уделяется методу обобщения, дискурс-анализу, историко-описательному и сравнительному анализу. Используются также метод кейсов (при анализе примеров публичной дипломатии конкретных стран) и SWOT-анализ.

Новизна данного исследования заключается в следующих положениях:

- уточнены некоторые элементы понятийного аппарата публичной дипломатии, ее уровней и форм;
- проведена субъектная идентификация современной публичной дипломатии с учетом новых моментов в этой практике;
- систематизирована б*о*льшая часть существующей литературы по публичной дипломатии и «мягкой силе» в центральноазиатском направлении с особым

[155] Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 1998. Vol. 23(1), pp. 171-200.
[156] Gregory B. Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616, pp. 274–290.
[157] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – № 1 (14). – С. 4-18.; Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С.596.

акцентом на выявлении динамики профильного научного дискурса в самом регионе;

- определена специфика субъектности самих государств Центральной Азии в сфере публичной дипломатии;
- проведен анализ роли механизмов публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества центральноазиатских государств;
- оценен существующий потенциал и выявлены неиспользуемые возможности публичной дипломатии Таджикистана как ресурса достижения внешнеполитических целей на современном этапе; предложены рекомендации по оптимизации работы на данном направлении.

Теоретическая значимость работы. В исследовании диссертант применил накопленный теоретический инструментарий изучения акторов и участников публичной дипломатии к научному дискурсу и практике в сфере взаимодействия государств Центральной Азии, доказав, что публичная дипломатия является одним из перспективных каналов расширения международного сотрудничества центральноазиатских государств.

Диссертация вносит вклад в развитие концептуальных основ публичной дипломатии. Предлагая решения ряда концептуальных дилемм, например, особенности соотношения понятий «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» и др., она обогащает профильный теоретический дискурс в сфере мировой политики.

Учитывая, что в современной политической науке в фокусе внимания ученых регулярно оказывается опыт/практика почти исключительно только крупных государств, в настоящей диссертации аналитически обобщаются существующие немногочисленные теоретические наработки по специфике публичной дипломатии *средних* и *малых* государств *(middle* and *small states).*

Также, настоящее исследование освещает новые моменты в трансформации субъектного поля публичной дипломатии, которые, в первую очередь, касаются

растущего применения механизмов публичной дипломатии международными организациями.

Сравнение особенностей концептуальных подходов к феномену публичной дипломатии в центральноазиатском контексте является значимым теоретическим вкладом, поскольку позволяют исследователям и практикам из региона более полно увидеть разные аспекты рассматриваемой практики.

Практическая значимость работы. Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что она, учитывая растущий интерес к ресурсам публичной дипломатии в регионе, поможет увидеть целостную региональную картину на данном направлении. Выводы и рекомендации настоящего исследования могут быть использованы государственными органами Центральной Азии, работающими в сфере публичной дипломатии, а также международными акторами заинтересованными в конструктивном сотрудничестве с центральноазиатскими странами.

Диссертация представляет собой актуальный материал для подготовки и преподавания учебных курсов по социально-гуманитарному измерению мировой политике и современным международным отношениям. Ее материалы могут быть востребованы для составления и чтения специализированных курсов, касающихся самого феномена публичной дипломатии, страновых особенностей ее прикладного применения (в данном случае государства Центральной Азии). Материалы работы могут быть полезны при подготовке специальных докладов, комплексного исследования процессов реализации и роли механизмов публичной дипломатии государств Центральной Азии в развитии их международного сотрудничества в новых мирополитических условиях XXI в.

Полученные в работе результаты и практические рекомендации также могут быть использованы для проведения дальнейших прикладных политических исследований проблематики публичной дипломатии.

Географические границы исследования. В связи с вариативной интерпретацией термина «Центральная Азия» в современном научном сообществе[158], автор считает необходимым уточнить, что в данном диссертационном исследовании под термином «Центральная Азия» подразумевается территория пяти постсоветских среднеазиатских республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на растущее академическое и практическое внимание к феномену публичной дипломатии в мире, в центральноазиатском профильном исследовательском дискурсе данная тематика не является распространенной. Существующие работы ученых из региона во многом носят прикладной характер, а в части теоретического осмысления феномена опираются, в основном, на неолиберальную концепцию «мягкой силы» и концепцию национального брендинга. Вместе с тем, следует отметить определенное повышение научного интереса специалистов из региона к отдельным аспектам публичной дипломатии в последние годы.
2. Теоретико-концептуальный анализ публичной дипломатии и профильной практики государств и негосударственных акторов доказывает, что в ней выстраивание отношений с объектом представляется ключевой, но достаточно сложной задачей, требующей готовности к долгосрочному сотрудничеству, тогда как многие акторы публичной дипломатии ожидают от своей деятельности немедленных результатов. Примеры из публично-дипломатической практики ведущих в этой сфере государств-акторов демонстрируют, что даже направленная на продвижение сугубо национальных интересов, публичная дипломатия все равно конструирует общий контекст для кооперации, закладывает разнообразные основы сотрудничества. Например, несмотря на наличие соперничества между

[158] *См.*: Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 119 с.

ведущими державами в Центральной Азии, их публичная дипломатия во многом способствует выстраиванию форматов и площадок для сотрудничества стран региона по широкому спектру направлений. Этот тезис доказывает, что конкуренция в публичной дипломатии часто соседствует с кооперацией.

3. Государства Центральной Азии в существующей профильной литературе преимущественно рассматриваются в качестве объектов публичной дипломатии членов мирового сообщества. Акторность самих центральноазиатских государств в сфере публичной дипломатии не стала еще объектом комплексных исследований. На практике все государства региона применяют механизмы публичной дипломатии, однако их инструментарий, масштабы и ресурсы сильно разнятся. Казахстан является самым активным государством в деле применения ресурсов публичной дипломатии. Туркменистан представляется страной наименее энергично работающей в данной сфере. Вместе с тем, в стратегии публичной дипломатии почти всех региональных государств уделяется повышенное внимание конструированию национального бренда на международной арене, что оказывает заметное влияние на их внешнюю политику.
4. Публичная дипломатия представляется дополнительным механизмом продвижения взаимодействия государств Центральной Азии. Анализ некоторых сегментов (культура, наука, образовательные обмены) данной практики показал, что как во внутрирегиональном измерении, так и за пределами региона, ресурсы публичной дипломатии играют значительную роль в развитии международного сотрудничества государств региона.
5. Ресурсы публичной дипломатии сегодня регулярно применяются в урегулировании конфликтов. Примеры успешного использования конфликто-регулирующих ресурсов публичной дипломатии имеются и в Центральной Азии. На современном этапе в контексте региона публичная дипломатия представляется дополнительным инструментом в реализации

комплексной стратегии урегулирования приграничных споров, в нивелировании значимости существующих в регионе различных противопоставлений этнокультурного, географического и (гео) политического характера и в идеологической борьбе с экстремистскими нарративами современных террористов.

6. Опыт и потенциал Таджикистана в сфере публичной дипломатии как элемента национального брендмейкинга, а также «мягкой силы», еще не стали объектом исследовательского анализа. Стремясь к заполнению данного пробела, диссертантом выявлены наиболее перспективные характеристики «мягкой силы» Таджикистана, которые включают уникальность историко-культурного наследия страны, ее туристическую аттрактивность, регулярные, поддерживаемые на международном уровне инициативы в сфере водного сотрудничества и ресурсы таджикской диаспоры. Однако на данный момент усилия республики в развитии своей «мягкой силы» через каналы публичной дипломатии представляются ограниченными. Влияет на это не только комплекс нерешенных внутренних проблем социально-экономического и политического характера, но и устоявшиеся стереотипы о Таджикистане в сознании международной общественности, его незначительная представленность в глобальном информационном пространстве конкурентоспособными медийными инструментами. Эти факторы во многом затрудняют формирование позитивного имиджа Таджикистана не только в странах запада, но и на постсоветском пространстве.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы работы были апробированы в докладах диссертанта на следующих научных конференциях:

1. Доклад на X Конвенте РАМИ (МГИМО, 8-9 декабря 2016) на тему: «Публичная дипломатия США в Центральной Азии: приоритеты в условиях

трансформации современной мировой политики». Секция 3.2. «Публичная дипломатия и политические коммуникации в мировой практике».

2. Доклад на XI Конвенте РАМИ (МГИМО, 28-29 сентябрь 2017) на тему: «Возможности публичной дипломатии Ирана в борьбе с терроризмом». Секция 1.5. «Современный мир в процессе политической трансформации».
3. Доклад на IV Ежегодной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы» (Дипломатическая академия МИД РФ, 24 ноября 2017) на тему «Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии».
4. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма» (Нижний Новгород, 26.04.2018) на тему «Социально-гуманитарная деятельность негосударственных акторов в Центральной Азии: кейс Организации Ага Хана по развитию».

Основные положения исследования отражены диссертантом в следующих научных публикациях в журналах, входящих в перечень ВАК России:

1. **Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе / Б.Х. Бахриев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2017. – №1(70). – С.131-147. Объем – 1 п.л.**
2. **Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии / Б.Х. Бахриев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2018. – Т.18(2). – С. 189–194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194. Объем – 0,6 п.л.**
3. **Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана / Б.Х. Бахриев // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №436. – С. 97-105. DOI: 10.17223/15617793/436/11. Объем – 1,3 п.л.**

4. **Бахриев Б.Х. Туризм как фактор «мягкой силы» Республики Таджикистан на современном этапе / Б.Х. Бахриев // Таджикистан и современный мир. – 2018. – № 4 (63). – С.129-139. – 0,6 п.л.**
5. **Бахриев Б.Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы / Х. Джаббари Насир, Б.Х. Бахриев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 823—836. DOI:10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836. Объем – 1 п.л.**

Кроме того, дополнительно результаты исследования были отражены в двух главах монографии «Публичная дипломатия: теория и практика» и других научных изданиях:

6. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия государств Центральной Азии // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 177-193. Объем – 1,25 п.л.
7. Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х. Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 194-216. Объем – 1,7 п.л.
8. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии / Б.Х. Бахриев // Международная аналитика. – 2018. – №1(23). – С.31-39. Объем – 0,8 п.л.

Структура работы отвечает поставленным цели и задачам и включает введение, три главы, заключение, список использованных для написания работы источников и литературы, приложения.

Во **введении диссертации** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, освещается степень разработанности проблемы, теоретическая и методологическая основы работы, ставится исследовательский

вопрос, формулируются цели и задачи исследования, объект, предмет, теоретико-практическая значимость.

Первая глава «Теоретико-концептуальное осмысление феномена публичной дипломатии в мировой политике» посвящена рассмотрению теоретико-концептуальных основ феномена публичной дипломатии. Автором анализируются существующие научные представления о понятии публичной дипломатии, содержательные теоретические характеристики и практические аспекты близких к понятию «публичная дипломатия» терминов. Предлагаются решения некоторых концептуальных дилемм через признание самостоятельности конкретных концептов в их практическом воплощении по параметру вовлеченности государства.

Проанализированы особенности расширения субъектного поля публичной дипломатии, соотношения моделей традиционной и новой публичной дипломатии. Также анализируется состояние исследовательского осмысления феномена публичной дипломатии в среде центральноазиатских ученых. Выявляется незначительная представленность данной тематики, однако отмечается тенденция к определенному повышению внимания к названному феномену.

Во второй главе «Становление публичной дипломатии государств Центральной Азии: особенности, акторы и основные направления» публичная дипломатия рассматривается в контексте региона Центральной Азии. Анализируется активность ряда акторов на публично-дипломатическом поле региона, выявляется специфика их стратегии в рассматриваемой сфере. Отмечается, что конфликтный характер интересов некоторых ведущих игроков на региональном поле отражается и на практике их публичной дипломатии; последняя в ряде случаев становится инструментом «двойного применения» - каналом пропаганды, растущего информационного воздействия и предваряющим механизмом реализации сценариев политических событий «жесткосилового» характера.

Учитывая, что государства Центральной Азии в существующей литературе по публичной дипломатии преимущественно рассматриваются как объекты публичной дипломатии других государств, особое внимание уделено исследованию становления их собственной акторности в данной области.

В третьей, заключительной главе «Потенциал публичной дипломатии как ресурса развития международного взаимодействия центральноазиатских государств» проанализированы различные теоретические подходы к публичной дипломатии как механизму развития сотрудничества. На основе примеров профильной деятельности некоторых стран делается вывод о большом потенциале публичной дипломатии в развитии международной кооперации в XXI веке. При этом отмечается, что сотрудничество в публичной дипломатии соседствует с соперничеством; имеются примеры применения инструментов публичной дипломатии как своеобразных средств «недружественной конкуренции».

Формируется оценка перспективам публичной дипломатии как ресурсу развития международного взаимодействия центральноазиатских государств. На основе некоторых ресурсов/направлений публичной дипломатии оценивается роль ее механизмов в развитии международного сотрудничества государств названного региона.

Рассматриваются возможности ресурсов публичной дипломатии в нейтрализации вызовов безопасности в регионе. Отмечается недостаточное научное внимание к публичной дипломатии как фактора, смягчающего остроту конфликтного взаимодействия, хотя в прикладной плоскости ее ресурсы обладает возможностями не только для продвижения «мягкой силы» государств, но и для установления конструктивного диалога и формирования доверительных взаимоотношений.

Также, диссертант, опираясь на атрибутивные элементы концепции «мягкой силы» и методологии международных рейтингов, анализирует «мягкосиловой» потенциал Таджикистана. Отмечается необходимость институционализации и

целесообразность активизации таджикской публичной дипломатии в тех измерениях, в которых «мягкая сила» страны имеет хороший потенциал. Наращивание работы на этом направлении может способствовать укреплению международного имиджа и достижению актуальных внешнеполитических целей Республики Таджикистан.

В заключении диссертации обобщаются результаты исследования с выводами относительно роли публичной дипломатии в современной мировой политике, с анализом ее роли и оценкой перспектив в государствах Центральной Азии как фактора развития их международного сотрудничества. Главным выводом диссертационного исследования выступает заключение о том, что для государств постсоветской Центральной Азии механизмы публичной дипломатии представляются дополнительным, но пока неполно открытым, окном возможностей для развития сотрудничества как внутри региона, так и с самым широким кругом участников современной мировой политики.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Начинающий исследователь феномена публичной дипломатии сразу сталкивается с двумя теоретико-концептуальными вызовами: *во-первых*, с гетерогенностью исследовательских подходов к осмыслению рассматриваемого феномена, что в зависимости от теоретических предпочтений ученых расширяет или, наоборот, сужает его функциональные границы; *во-вторых*, с отсутствием четко фиксированного консенсуса относительно единого определения и терминологического аппарата[159], что в российском дискурсе во многом усугубляется еще и не совсем удачным переводом английского термина *public diplomacy* на русский язык как *публичная дипломатия*, *общественная дипломатия*. Здесь сразу отметим еще один, генерирующий терминологическую путаницу, фактор – распространенное синонимичное использование и понимание определений «публичная дипломатия» и «мягкая сила». Данные термины действительно тесно связаны, однако «мягкая сила» - это теоретический конструкт, а публичная дипломатия является инструментом его операционализации[160]. Эти моменты, безусловно, влияют на научное осмысление рассматриваемого феномена и его прикладных аспектов.

Несмотря на обозначенные вызовы, в современном научно-политологическом и общественном дискурсе о несиловых аспектах проецирования влияния, тематика публичной дипломатии оказывается в фокусе активного внимания как исследователей, так и практиков. Такая популярность названного

---

[159]Американский исследователь Майкл Эгнер в своей диссертации, защищенной в РЭНД, приводит 20 самых известных определений феномена публичной дипломатии, которые появились с 1965 по 2008 гг. Однако, это - дефиниции исключительно американских ученых и официальных лиц. Логично предположить, что на современном этапе, с учетом разнообразия понимания публичной дипломатии в других странах, число ее определений стало значительно больше. *См.*: Egner M. *Between Slogans and Solutions: A Frame-Based Assessment Methodology for Public Diplomacy*. RAND Corporation, 2010. P.113. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/rgs_ dissertations/ RGSD255.html (accessed: 11.11.2018).

[160] Отдельные аспекты соотношения «мягкой силы» и публичной дипломатии, особенности их теоретического осмысления и практического проявления рассматриваются диссертантом в первой и третьей главах настоящей диссертации.

концепта порождает, как было отмечено выше, и большую вариативность его понимания в теоретическом и прикладном измерениях. К примеру, встречается немало исследований, в которых публичная дипломатия рассматривается не в привычном контексте практики мирного времени, а в ее силовом, военном измерении[161]. Взгляды когорты исследователей, рассматривающих публичную дипломатию в названном ключе, можно ранжировать по степени их жесткости / категоричности. *Первые* достаточно категоричны; они в качестве основных целей современной публичной дипломатии видят дезорганизацию государственного управления, «отказ от суверенной внешней и внутренней политики, смену системы ценностей и представлений о национальных интересах»[162]. Такой подход вписывается в реалистское понимание прикладного проявления «мягкой силы». Взгляды *второй* группы представляются относительно компромиссными. Они, признавая «мягкую силу» (инструментом которой является публичная дипломатия) в качестве средства формирования новых мостов и обеспечения благоприятного климата для международного сотрудничества, подчеркивают, что она является и реальным оружием, не уступающим по своей эффективности «жесткосиловым» ресурсам. Наглядным проявлением такой ее характеристики часто представляется практика смены режимов или «цветные революции»[163]. И, наконец, *третья* группа

---

[161] *См.*: Semetko H. A. Media and public diplomacy in times of war and crisis. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. No 5, pp. 639-642.; Van Ham P. War, lies, and videotape: Public diplomacy and the USA's war on terrorism // Security Dialogue. 2003. Vol. 34. No 4, pp. 427–444.; Pablo Leon-Aguinaga. The Trouble with Propaganda: the Second World War, Franco's Spain, and the Origins of US Post-War Public Diplomacy. *The International History Review*, 2015 Vol. 37, no. 2, pp.342–365.; Харкевич М.В. Военное измерение публичной дипломатии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. С.21-35.

[162] Подберезкин А. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель. 2016. № 12 (323). С. 15-25; Подберезкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №: 6 (45). – С.106-116.; Бартош А.А. Публичная дипломатия Запада как катализатор гибридных войн и цветных революций // Дипломатическая служба. – 2017. – №5. – С.38-53.

[163] *См.*: Филимонов Г., Данюк Н., Юраков М. Переворот. – СПб.: Питер, 2016. – 480 с.; Теленьга М.П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере «Революции роз» в Грузии 2003 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – №3-2. – С.85-89.; Боришполец К.П. Новое лицо мировой политики: переформатирование постбиполярного пространства // Ежегодник ИМИ. Международная политика в меняющемся мире. – Москва: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1(15). – С.7-12.; Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского универ. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 66-76.; Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6). – С.73-86.; Строганов В.Б. Манипулятивные технологии soft power в интернете // Дискурс-Пи. – 2017. – №3-4. – С.28-29.; Osipova Y. "Russification" of "Soft Power": Transformation of a Concept. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2014. Vol.5. Iss.1, pp.56-77.

исследователей исходит из достаточно умеренной / прагматичной позиции, заключающейся в утверждении, что институты «жесткой силы» используют ресурсы «мягкой силы» и возможности публичной дипломатии для легитимации своей политики и оптимизации работы в новых реалиях мировой политики[164].

Такая палитра мнений, опирающаяся преимущественно на ситуативно-оценочную, а не концептуально-конструктивную оценку, отражает диалектичность «мягкой силы» и публичной дипломатии; она обусловлена во многом и изменчивостью мировой политики. Обозначенные тренды научного осмысления публичной дипломатии, наряду с другими факторами, актуализируют ее дальнейшее осмысление, выявление границ на теоретико-концептуальном уровне и изучение особенностей ее практического применения различными акторами в современной мировой политике.

В настоящей главе диссертантом исследуется эволюция научных представлений о понятии и акторах публичной дипломатии, определяются основные формы реализации публично-дипломатической деятельности в современной практике и анализируется состояние исследовательского осмысления рассматриваемого феномена в центральноазиатском научном дискурсе.

1.1. Эволюция научных представлений о понятии публичной дипломатии

Правильное понимание феномена публичной дипломатии, его ресурсов целей и форм осуществления невозможно без четкого определения самого термина «публичная дипломатия». Прослеживая его эволюцию, можно заметить, что он не ялвяется новым лексическим конструктом, хотя его современное значение и понимание в научных, экспертно-практических кругах отличается от изначальной смысловой нагрузки. У широкой аудитории *публичная дипломатия* и сегодня во многом ассоциируется с практикой, противоположной «тайной» или традиционной

[164] Ernest J. Wilson, III. Hard Power, Soft Power, Smart Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol: 616, issue: 1, pp.110-124.; Wallin M. Military Public Diplomacy: How the Military Influences Foreign Audience.White Paper. *The American Security Project,* 2015. 42 p.; Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2014. Vol.38:1, pp. 95-100.

государственной дипломатии[165]. Такое симплифицированное понимание феномена является не совсем правильным, но и категорически неправильным его тоже называть нельзя. Публичность или открытость, действительно, является «одной из характерных черт публичной дипломатии, но не главным атрибутом в ее прикладном измерении»[166].

Известный американский исследователь Николас Калл находит первые упоминания термина «публичная дипломатия» в английской прессе середины XIX века. Эти журналистские употребления указывали на добропорядочность, честность и гласность в дипломатии и политике в целом[167]. Со временем термин внедрился в лексикон американских СМИ и политических кругов США и других западных стран, одновременно он уточнялся и наполнялся в содержательном плане. Активно американцы начали использовать понятие *public diplomacy* в середине 60-х годов, в разгар «холодной войны», заменив им термин «пропаганда», который к тому времени приобрел негативную коннотацию в общественном сознании[168]. Именно тогда и появилось классическое, хотя и не общепринятое определение публичной дипломатии, которое предложил американский исследователь Э.Гуллион в 1965 году. Публичную дипломатию он назвал измерением международных отношений, которое выходит за рамки традиционной дипломатии, и средством, с помощью которого правительства и частные группы влияют на мнения и отношения других правительств и народов с целью воздействия на принимаемые ими решения в сфере внешней политики. Центральным моментом такой практики Гуллион считал «транснациональный поток информации и идей»[169]. Такая дефиниция хотя и устанавливала в качестве субъектов публичной дипломатии правительство/государство и частные группы,

---

[165] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. – 210 с.
[166] Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия обществен. наук. – 2017. – №1 (70). – С.131-147.
[167] Cull N. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. In *Routledge handbook of public diplomacy*, eds. Nancy Snow and Philip M. Taylor. New York, NY: Routledge, 2009. pp. 19-23.
[168] Ibid.
[169] The Edward R. Murrow Center for Public Diplomacy - Definitions of Public Diplomacy. URL:http://fletcher.tufts.edu/murrow/pd/definitions.html

но на практике в годы «холодной войны» только государство оставалось главным актором в этой сфере.

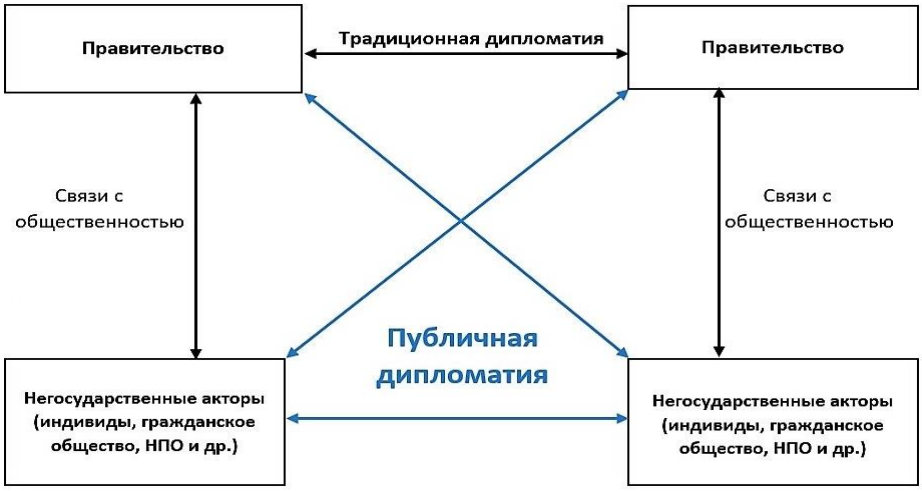
Обозначенный Гуллионом «выход» публичной дипломатии за пределы традиционной дипломатии, однако, тоже вызывает дискуссии о соотношении этих двух институтов. Некоторые сторонники традиционной дипломатии, например, Дж.Берридж, считают публичную дипломатию «препятствием для настоящей работы», белой/официальной пропагандой или просто «модной» практикой и «вовсе не дипломатией»[170]. П.Шарп тоже утверждает, что «общественность должна занимать периферийную по отношению к дипломатии позицию»[171]. Однако такие радикальные интерпретации публичной дипломатии не пользуются широкой поддержкой в среде профильных специалистов.

По мнению известной американской исследовательницы публичной дипломатии и опытного практика в этой сфере Нэнси Сноу, в традиционной дипломатии общественность (*public*) являлась всего лишь сторонним наблюдателем (внешне)политических процессов, тогда как в рамках публичной дипломатии общественные, негосударственные акторы активно возвращаются/ включаются в дипломатию (*public back into diplomacy*), которая и становится публичной, общественной[172]. Конечно, это не говорит о том, что традиционная дипломатия заменяется новой – публичной дипломатией, первая просто «становится объектом пристального внимания медиа и общественности»[173]. Роберт Келли называет этот тренд «децентрализацией дипломатии»[174], а канадский ученый Марк Мак-Доуэлл пишет о новом измерении дипломатии, в котором роль государства остается важной, но во многом фасилитаторской или

[170] Berridge G. *Diplomacy: theory and practice*, 4th Edition. Basingstoke, New York: Palgrave, 2010. Pp.179-183.
[171] Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P.271.
[172] Snow N. Rethinking Public Diplomacy. In *Routledge handbook of public diplomacy*, eds. Nancy Snow and Philip M. Taylor. New York, NY: Routledge, 2009. pp. 3–11.
[173] Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. P. 55.
[174] Kelley, J. R. *The New Diplomacy: Evolution of a Revolution*. Diplomacy and Statecraft. 2010. Vol. 21(2). P.296.

координирующей. Важными ее элементами становятся негосударственные участники[175]. Подход последнего схематично представлен ниже (см. *Рис.1*).

Рисунок 1. Соотношение традиционной дипломатии и публичной дипломатии

В приведенной схеме горизонтальная стрела «традиционная дипломатия» указывает на коммуникацию между правительствами в рамках государственных визитов, общения между официальными лицами, дипломатами и т.д. Вертикальные стрелы, исходящие от «правительство» иллюстрируют *общение* между последним и негосударственными акторами по линии «связи с общественностью» (*public affairs*) в рамках *одного* государства. Границы публичной дипломатии определяют диагональные и горизонтальные стрелы (синего цвета) в нижней части рисунка. В этой части *коммуникация* происходит как между правительством и зарубежной общественностью, так и между негосударственными акторами с двух сторон. Все стрелы двусторонние, что указывают как на диалогичность публично-дипломатической деятельности, так и на широкий круг акторов в этой сфере.

Однако, хотелось бы уточнить, что, апеллируя к такой схеме, не следует ставить знак равенства между *диалогичностью* и *оказанием влияния*. Речь скорее идет о формировании *канала коммуникации* со стороны правительства для изучения сигналов, мнений и оценок, исходящих от объекта публичной дипломатии, то есть, как справедливо отмечает российский исследователь

[175] McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*, 2008. Vol. 32:3 (Special Edition), pp. 8-17.

публичной дипломатии Н.Цветкова, о процессе своеобразного «вслушивания» в мнения противоположной стороны[176]. В таком случае, с учетом беспрецедентного развития инфокоммуникационных технологий, правильное налаживание такого *диалога* в современной публичной дипломатии является одним из способов повышения ее эффективности.

Элемент диалогичности не всегда присутствовал в практике публичной дипломатии. Хотя Н.Калл и находит исторические примеры взаимности (*mutuality*) в публично-дипломатической практике разных (от древних до современных) государств[177], а его соотечественник А.Буллард еще в 1916 году писал о необходимости «демократизации» дипломатии и отказа от монологовой стратегии в международной информационной политике[178], тем не менее четкое осознание значимости диалога в стратегии публичной дипломатии проявилось в начале текущего столетия. Оно пришло во многом благодаря достижениям в сфере коммуникационных технологий, когда специалисты поняли, что в новом инфокоммуникационном контексте односторонний поток информации, отсутствие функции «обратной связи» с адресантами публичной дипломатии снижают эффективность последней.

На повышение значимости диалогового формата в публично-дипломатической стратегии повлияло и появление в 90-е годы концепции «мягкой силы» американского политолога Джозефа Ная, который объясняет эту *силу* как «способность оказывать влияние с целью достижения желаемых результатов скорее с помощью привлекательности, нежели принуждения или оплаты»[179]. Являясь по сути своей диалого-ориентированной концепцией[180], «мягкая сила» превращает публичную дипломатию в инструмент повышения привлекательности

---

[176] Цветкова Н. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Специальность 07.00.15 — история международных отношений и внешней политики. Санкт-Петербург, 2015. С.25.

[177] Nicholas J. Cull. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 31-54.

[178] См.: Bullard A. *The diplomacy of the Great War* (1st ed.). New York: MacMillan, 1916. 344 p.

[179] Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P.5.

[180] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. - 2017. - 3(54). - С. 212-223. - DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.

и усиления авторитета государства. При этом сама концепция «мягкой силы» становится ключевым теоретическим фундаментом публичной дипломатии в рамках политической науки[181]. И, конечно, на осознание невысокой эффективности односторонней публичной дипломатии повлияли события 11 сентября 2001 года и последующая политика США, которым было необходимо выстраивать кооперативные отношения с исламским миром в условиях войны против исламских радикалов[182].

В Соединенных Штатах, которым принадлежит пальма первенства в теоретическом осмыслении и прикладном применении ресурсов публичной дипломатии, изначально целью публичной дипломатии виделась в овладении *сердцами и умами* людей. Последующая эволюция теоретических оснований названного феномена «привела специалистов к мысли о необходимости развития системы двустороннего диалога и вовлечения зарубежных аудиторий»[183]. Такое переосмысление стратегии публичной дипломатии во многом и легло в основу «новой публичной дипломатии» - концепции, которая, по словам А.Долинского, суммирует все эволюционные и революционные изменения, произошедшие в публичной дипломатии[184].

Корейский специалист Х.Ким выделяет 6 характеристик новой публичной дипломатии, из которых автор настоящей работы выделяет такие атрибуты, как ориентированность на усиление «мягкой силы» страны, поддержание двусторонней и симметричной коммуникации, сотрудничество для достижения общих целей, привлечение негосударственных акторов к осуществлению публичной дипломатии[185]. Другими словами, на современном этапе, как отмечает профессор МГИМО М.Лебедева, публичная дипломатия приобрела формат

---

[181] Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – Выпуск № 2. – С. 275-280.
[182] Харкевич М.В. Формы публичной дипломатии и типы государств. // Политика и Общество. – 2016. – № 9. – С. 1244-1255. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.9.16271
[183] Там же.
[184] Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011а. – Том 9. № 1 (25). – С. 63-73.
[185] Kim H. Bridging the Theoretical Gap between Public Diplomacy and Cultural Diplomacy. *The Korean Journal of International Studies*. 2017. Vol. 15, No. 2, pp. 293-326.

«улицы с двусторонним движением», когда воздействие официальной дипломатии на гражданское общество дополняется обратным воздействием[186].

Названные тренды и повышение научно-практического интереса к публичной дипломатии привлекли внимание исследователей к некоторым смежным и близким по значению понятиям – «пропаганда», «культурная дипломатия», «гражданская дипломатия», «народная дипломатия», «общественная дипломатия», «брендинг государства» и др. Анализируя названные концепты, автор настоящей диссертации старается выявить их соотношение с публичной дипломатией и динамику теоретической мысли на этом направлении.

1. Публичная дипломатия и пропаганда

Исторически публичная дипломатия не только связана с пропагандой, но и обязана этому термину своим появлением в общественно-политическом, а потом и научном дискурсе. Публично-дипломатическая деятельность до появления классической гуллионовской дефиниции в середине 60-х именовалась пропагандой. Сам Э.Гуллион тоже предпочитал именно понятие «пропаганда», утверждая, что оно более точно описывает информационное сопровождение внешней политики США. Однако, ввиду установившейся тогда в общественном сознании негативной коннотации термина «пропаганда», выбор был сделан в пользу *public diplomacy*[187]. Отошла ли, однако, практическая деятельность в этой сфере от применения пропагандистских инструментов?

Положительным ответ на этот вопрос быть не может, если учитывать тогдашние реалии идеологического противоборства между Западом и Востоком. Публично-дипломатическая деятельность США в период «холодной войны» оставалась вполне *пропагандистской*; американцы считали публичную дипломатию значительным превентивным средством в «американском оборонном

[186] Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. – 2015. – Том 13. № 4 (43). – С.45-56.
[187] Цит. по John Brown. The Anti-Propaganda Tradition in the United States. URL:http://www.publicdiplomacy.org/19.htm

арсенале»[188]. Эдвард Мерроу, глава Информационного агентства США, в 1963 году писал, что *арсенал убеждения* Соединенных Шататов должен быть также боеспособным, как и американский *ядерный арсенал*, и задействован энергичнее, чем когда-либо[189].

Пропагандистской во многом была и публичная/народная дипломатия социалистического блока, в первую очередь, Советского Союза. По мнению Н.Калла, несмотря на большие инвестиции в проецирование своего культурного влияния и формирование позитивного имиджа, успехи советской публичной дипломатии носили среднесрочный характер[190]. Однако некоторые американские специалисты отмечают, что в годы «холодной войны» их государство часто отставало от коммунистов в «рекламе самого себя»[191]. «Мягкосиловую» мощь СССР в своем фундаментальном труде «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» (*Soft Power: The Means to Success in World Politics*) признает и Джозеф Най[192]. Советский Союз, действительно, умело использовал широкий спектр ресурсов публичной дипломатии – от культурной составляющей до научно-образовательного аспекта. Российские исследователи справедливо отмечают, что длительное время (до конца 1970-х – начала 1980-х гг.) СССР имел сильные позиции в сфере «мягкой силы», особенно в части идеологической пропаганды, а также формирования достаточно лояльных политических элит зарубежных государств во многом через предоставление иностранным гражданам высшего образования в Советском Союзе[193].

---

[188] Carnes Lord, Helle C. Dale. Public Diplomacy and the Cold War: Lessons Learned. . [Electronic resource]. – Mode of access :http://www.heritage.org/research/reports/2007/09/public-diplomacy-and-the-cold-war-lessons-learned

[189] Tomlin Gregory M. Murrow's Cold War: Public Diplomacy for the Kennedy Administration. Lincoln, NE: Potomac Books, 2016. P.142.

[190] Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 31-54.

[191] Gienow-Hecht J. Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War - A Critical Review. *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24, No.3. pp. 465-494.

[192] Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, 2004, pp. 73-75.

[193] *См.:* Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – М.: РУДН, 2012. – 408 с.; Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–393.

Логично утверждать, что с окончанием «холодной войны» в публичной дипломатии США немного отпала необходимость в соблюдении «жестких» пропагандистских установок. Публично-дипломатические механизмы стали использоваться в более «мягких» вариантах – как транслятора западных ценностей и массовой культуры, как канал популярного освещения внешнеполитических нарративов и как инструмент диалога с элитами освободившихся от блоковых ограничений стран Восточной Европы, а также новых государств на постсоветском пространстве.

Однако с начала нового столетия, в наступившей эпохе *Web 2.0.*, когда резко повысилось влияние информационного измерения публичной дипломатии, на фоне общей напряженности в отношениях между ведущими центрами силы в мире, публичная дипломатия разных стран все чаще начала напоминать именно классическую пропаганду. Параллельно наблюдается рост популярности этого понятия в общественном дискурсе. Во многом это стало результатом деструктивной информационной деятельности такого террористического квази-государства как ИГИЛ[194], которое, ориентируясь на распространение своих экстремистских идей среди молодого поколения[195], поставило пропагандистскую работу в сети Интернет на качественно новый уровень[196].

Более того, вектор развития публичной дипломатии как в научном, так и в практическом измерении, оказывается под влиянием динамики глобальной трансформации современной политической системы мира[197]. Происходит расширение участников взаимодействия по линии публичной дипломатии, агрессивнее используются информационные инструменты воздействия как со

---

[194] Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации

[195] Седых Н.С. Современный терроризм и молодежь: проблемы информационно-психологического взаимодействия // Мусульманский мир. – 2017. – №2. – С.26-38.*; См. также*: Васильев А.М., Исаев Л.М. Коротаев А.В., Шишкина А.Р. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №12. – С.3-10. DOI:10.31857/S032150750002565-3; Манойло А.В. Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») // Русская политология — Russian political science. – 2016. – №1. – С.69-79.

[196] Смирнов А. Негосударственные акторы в современных информационных войнах // Международная жизнь. – 2018. – №5. – С.83-99.

[197] Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С.8-20.

стороны государств, так и негосударственных акторов; то, что называется публичной дипломатией одним государством, другим признается деструктивной пропагандой. Такую картину, например, мы наблюдаем на примере отношения России и стран Запада к публично-дипломатической деятельности друг друга, особенно в ее информационном сегменте. Как отмечает российский исследователь А.Бартош, рассматривающий публичную дипломатию Запада как катализатора «гибридных войн» и «цветных революций», стратегия публичной дипломатии трансформируется под влиянием обострения глобальных, межнациональных, этноконфессиональных и социокультурных противоречий. Синергия этих факторов «приводит к фундаментальным сдвигам в особенностях процесса реализации определённых сторон публичной дипломатии на практике»[198].

В западной же академико-практической среде набирает популярность понятие «острая сила» (*sharp power*), которым описывается, например, специфика продвижения российской «мягкой силы». По мнению американских специалистов Дж.Ная, а также К.Уолкера и Дж.Людвига, «острая сила», продвигаемая средствами информационно-пропагандистской войны, помогает авторитарным режимам (авторы под ними подразумевают Россию и Китай) контролировать поведение внутри государства и манипулировать общественным мнением за рубежом[199]. Российские же исследователи парируют рассуждениями об американоцентричности самой концепции «мягкой силы», ее заточенности под конкретные политические характеристики США, то есть рассматривают ее как «элемент стратегии США, направленной на поддержание собственного лидерства в мире»[200]. Предлагаются и новые темы в русле названной проблематики, например, дискуссия о возможности существования некого набора средств и

---

[198] Бартош А.А. Публичная дипломатия Запада как катализатор гибридных войн и цветных революций // Дипломатическая служба. – 2017. – №5. – С.38-53.

[199] *См.*: Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. January 24, 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power
Walker C., Ludwig J. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. *National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies*, 2017, pp.6 – 94.

[200] Пименова Е.В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power. Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 52(1). – С.57-66.

технологий, призванных защитить государство от внешнего воздействия - «анти-мягкая сила»[201]. Хотя в этом смысле есть риск редуцирования «мягкой силы» до банальной контрпропаганды.

Строго говоря, пропаганда никогда не уходила от публичной дипломатии. Временами, как отмечают специалисты, она может оказаться эффективным средством воздействия на противоположную сторону. Сегодня она «активно конкурирует с теми информационными потоками, которые генерируются в рамках реализации кампаний по “мягкой силе”»[202]. Поэтому логично, что публичную дипломатию некоторые исследователи называют неким синтезом ценностей, пропаганды и технологий маркетинга[203]. Однако, как справедливо отмечает профессор МГИМО М.Лебедева, нужно иметь в виду, что пропагандистское влияние уязвимо, оно не может длиться долго и действует по принципу, сформулированному «в известном выражении относительно того, что на штыках можно прийти к власти, но на них сложно долго удержаться»[204].

На современном этапе исследователи отмечают тенденции к утверждению нового прочтения термина «пропаганда» и понимания публичной дипломатии как краткосрочного информационного механизма. Этот тренд специалист по публичной дипломатии США Н.Цветкова связывает с тем, что «идеи Ная о привлечении зарубежных стран к ценностям США не востребованы в мире, где нарастает напряженность и нужна прямая политическая пропаганда»[205]. Поэтому, рассматривая публичную дипломатию с позиции политической коммуникации, американская исследовательница Р.Захарна называет ее средством *диалоговой пропаганды*. Под последней Р.Захарна понимает установление двухстороннего

---

[201] Фененко А. Возможна ли «анти-мягкая сила»? РСМД, 16 ноября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/ (дата обращения: 20.11.18).
[202] Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. – 2018. – №3. – С. 7-24.
[203] Зонова Т.В. Дипломатия будущего. Российский совет по международным делам. -20.04.2012. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics /diplomatiya-budushchego /?sphrase_id=1784643 (дата обращения: 12.07.18).
[204] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. –№ 3(54). – С. 212-223. - DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
[205] Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109-122.

общения между адресантом политической пропаганды и ее реципиентом в зарубежном обществе. Новая пропагандистская публичная дипломатия в отличие от монологичной традиционной формы занимается пониманием (*understanding*), информированием (*informing*) и влиянием (*influencing*). Целью такой публичной дипломатии заключается в достижении краткосрочных целей (политического характера) и улучшении политического имиджа адресанта[206].

На основе вышесказанного можно утверждать, что в процессе эволюции публичной дипломатии от сугубо односторонней пропагандистской деятельности в сторону диалоговых форматов, элементы пропаганды всегда находили себе место в арсенале публичной дипломатии, особенно в ее информационном измерении. Сама публичная дипломатия всегда занималась пропагандой в изначальном смысле этого слова (лат. *propago* — «распространяю») – то есть *распространением* идей и ценностей. Однако по истечении определенного периода после окончания «холодной войны», она снова становится регулярной заложницей второго, одиозного значения слово «пропаганда», которое подразумевает систематические усилия введения в заблуждение путем дезинформации и искажения фактов.

Представляется, что несмотря на краткосрочный эффект от применения средств пропаганды, в долгосрочной перспективе действенным все же является распространение позитивной, правдивой информации, основанной на реальных достижениях и фактах. В этом контексте убедительным заключением/ наставлением для стратегов публичной дипломатии и тех, кто ставит знак равенства между этими понятиями, кажутся слова директора Информационного агентства США (*United States Information Agency – USIA*) Э. Мэрроуа, который в 1963 году писал: «Правда - это лучшая пропаганда, а ложь - худшая. Чтобы быть убедительными, нам надо быть правдоподобными, чтобы быть правдоподобными,

[206] Zaharna R. S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frame-works. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. L. – N. Y.: Routledge, 2009. pp. 86-100.

нам надо быть достоверными, чтобы быть достоверными, нам надо быть правдивыми. Все очень просто»[207].

2. Культурная дипломатия и гражданская дипломатия

Культура является одним из ключевых источников «мягкой силы» государства[208]. Исторически, по мнению специалистов, в качестве составного элемента внешнеполитической деятельности именно с популяризации собственного языка и культуры началась систематическая работа, которую сегодня может именоваться публичной дипломатией[209]. Другими словами, культурная дипломатия является «стержнем публичной дипломатии государства, поскольку именно через культуру нация раскрывает миру свою идентичность, представляет свои ценности и идеи»[210].

Конструктивистская школа ТМО публичную дипломатию рассматривает во многом как средство понимания *иной* культуры и традиции *других*. По словам известного голландского конструктивиста, исследователя *социальной силы* (*social power*) в международной политике Питера Ван Хэма, разнообразие/многообразие государств по широкому спектру нематериальных критериев (культура, ценности, восприятие мира и т.д.) требует проявления *понимания*, в котором кроется основа для создания стабильных отношений. Публичная дипломатия делает такое *понимание* достижимым[211]. Строго говоря, конструктивисты подвергают сомнению исключительную важность материальных факторов в достижении конечных целей. Осуществление публичной дипломатии они, как было отмечено выше, называют социальным взаимодействием, в котором важно знание об *идентичности*

---

[207] *Цит. по* Rasmunssen I. Towards a Theory of Public Diplomacy: A Quantitative Study of Public Diplomacy and Soft Power. The Fletcher School (Tufts University), 2014. P.8.
[208] Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 94–109.
[209] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. – 210 с.
[210] Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 1 (5). – С.68-80.
[211] Van Ham P. Place Branding: The State of the Art. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp.126-149.

адресатов, их *культуре*[212]. Последняя, согласно конструктивистской интерпретации, формирует систему разделяемых смыслов, которые управляют не только перцепцией и коммуникацией, но и действиями, способствуя становлению практики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе[213].

На фоне вышесказанного логичным представляется как появление феномена *культурной дипломатии*, так и соседство самого этого понятия с термином «публичная дипломатия». Вопрос лишь в степени близости этих понятий. Если мы под публичной дипломатией понимаем государственную политику, пусть и иногда проводимую через негосударственные механизмы, то культурная дипломатия представляется более узким понятием, ориентированным на определённые сферы публичной дипломатии[214]. Однако, сторонники «независимости» культурной дипломатии или *культуралисты*, как их называет американский ученый и практик Уолтер Робертс, придерживаются позиции, что польза от некоторых культурных программ для государства будет выше, если оно их не связывает с задачами своей внешней политики, то есть с политико-ориентированной публичной дипломатией[215]. С другой стороны, учитывая, что культурная деятельность представителей одного государства / общества в другом иногда проводится без участия государства, то следует согласиться с мнением А.Долинского, который утверждает, что «есть культурная дипломатия, которая является частью публичной дипломатии, и есть культурная дипломатия, которая частью публичной дипломатии не является»[216].

Аналогичное решение можно предложить при установлении границ понятий «публичная дипломатия» с такими терминами, как «гражданская дипломатия»,

---

[212] Caitlin B. Public Diplomacy and Constructivism: A Synergistic and Enabling Relationship. International Studies Association Annual Conference, San Diego, 1-4 April, 2012. [Electronic resource]. – Mode of access: http://files.isanet.org/ConferenceArchive/c0f3deebd76244828cc6ed1c12810555.pdf

[213] Valerie M. Hudson. (Ed). *Culture & Foreign Policy*. Boulder: Lynn Rienner Publishers, 1997. pp. 28-29.

[214] Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С.8-20.

[215] Walter R. Roberts. What Is Public Diplomacy? Past Practices, Present Conduct, Possible Future. *Mediterranean Quarterly*. 2007. Vol. 18(4), pp. 36-52.

[216] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. С. 34.

«народная дипломатия» (в англоязычной литературе - *citizen diplomacy, civic diplomacy, people diplomacy*). Последние исходят из логики участия негосударственных акторов в деятельности публичной дипломатии в целях установления коммуникации по линии «общество – общество» с государством в роли фасилитатора, проводника или организатора этого взаимодействия[217]. В контексте гражданской дипломатии Ш.Мюллер рассматривает взаимодействия между государствами на уровне индивидов, которое формируя сеть человеческих связей (*web of human connections*) впоследствии создает и площадку для официального диалога. Правда, автор замечает, что все подобные усилия преимущественно финансируются правительством, соответственно и гражданская дипломатия является частью публичной дипломатии[218]. То же самое можно отнести к понятию «народная дипломатия». Проводником последней, по мнению российского исследователя А.Цветкова, является гражданское общество[219]. Однако с самим термином не все так просто в современной российской политической науке и на практике, и чтобы определить особенности его понимания, надо разобраться с другим близким по смыслу понятием - «общественная дипломатия».

3. Общественная дипломатия и народная дипломатия

В исследовательском дискурсе о публичной дипломатии в России сегодня отсутствует единство понятийно-категориального аппарата. Вызывает трудности не совсем удачный перевод английского понятия «public diplomacy» на русский как «публичная дипломатия». В английском языке слово «public» означает не только публичность, но имеет и другие значения – государственный, общественный, социальный. Соответственно, некоторые исследователи считают правильным вариант «общественная дипломатия» или «народная дипломатия», другие же настаивают, что вышеназванные понятия взаимозаменяемы[220]. Однако вариант

---

[217] Snow N. Anti-Americanism and the Rise of Civic Diplomacy. Foreign Policy in Focus. Dec. 13, 2006. [Electronic resource]. — Mode of access: https://fpif.org/anti-americanism_and_the_rise_of_civic_diplomacy/

[218] Mueller Sh. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY, London: Routledge, 2009. P. 102.

[219] Цветков А. Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Междун. отн. – 2010. – Выпуск № 3. – С. 110-116.

[220] Лукин А. Публичная дипломатия // Дипломатический ежегодник – 2012. – С. 56-86.

перевода как «общественная дипломатия» не охватывает весь спектр направлений деятельности публичной дипломатии (зарубежное вещание, образовательные обмены и т.д.). Поэтому, лучше, чтобы ее понимали либо как синоним публичной дипломатии, либо как одно из поднаправлений последней, так как «ограничение публичной дипломатии диалогом некоммерческих организаций – ошибка как смысловая, так и – потенциально – политическая»[221]. Однако с таким подходом согласны не все исследователи.

Составители выпущенного РСМД пособия «Курс общественного дипломата», признавая, что публичная дипломатия и общественная дипломатия являются системами диалогов с зарубежными обществами, выделяют ряд параметров, позволяющих им утверждать, что общественная дипломатия не идентична публичной дипломатии. Они выделяют три момента:

- *политические цели* публичной дипломатии как системы диалога с зарубежными странами;
- институционализация публичной дипломатии в формате различных ведомств и программ, через которые и осуществляется этот диалог;
- выступление государства как заказчика публичной дипломатии через структуры, близкие к государственной системе (GONGOs) или НПО, работающие в одном идеологическом тренде с государством.

Исходя из такой позиции, авторы пособия уверяют, что общественная дипломатия является понятием более широким и *не носит политического характера*; «это проявление любой гражданской активности в культурной, научной и гуманитарной областях, как правило, не связанной с государственным заказом или активным участием государства»[222].

---

[221] Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? РСМД, 12.09 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/

[222] Курс общественного дипломата / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017 – С. 22-23.

Признавая определенную логичность (и даже исходящую из практических соображений – необходимость), сужения сферы деятельности публичной дипломатии при таком подходе, следует все же признать, что на практике даже при пассивном участии в общественной дипломатии государство будет продвигать свои внешнеполитические цели[223]. С другой стороны, у гражданского общества как субъекта публично-дипломатической деятельности, «могут быть различные векторы взаимодействия с зарубежными сообществами и не каждое из них следует именовать “общественной дипломатией”»[224]. Более того, как справедливо отмечает Ю.Никитина, специфика теоретического понимания и прикладного проявления «мягкой силы» в России заключается в том, что государственные структуры воспринимают общественное начало или гражданское общество «как инструмент продвижения «мягкой силы», а не как самостоятельный актор и источник привлекательности России на международной арене»[225].

Конечно, не стоит быть категоричными в том, что не существуют таких форм взаимодействия, которые авторы вышеназванного пособия вкладывают в понятие «общественная дипломатия». Вопрос лишь в целесообразности сужения сферы публичной дипломатии, ее отделения от общественной, которая на практике часто оказывается составным элементом стратегии первой. В исследовательском же дискурсе такой подход подвержен высокому уровню субъективизма. И, наконец, следует помнить, что в оригинале существует одно понятие - *public diplomacy*, которое сочетает в себе признаки как публичной дипломатии, так и общественной. Правильно ли будет в результате перевода, пусть и не самого удачного, на русский язык этого *одного* понятия, выделять уже *две* формы систем взаимодействия с зарубежными государствами не только на концептуальном уровне, но и в контексте

---

[223] К примеру, в Концепции внешней политики РФ необходимость использования ресурсов *общественной дипломатии* упоминается в общем контексте повышения эффективности российской внешней политики на современном этапе. *См.*: Концепция внешней политики Российской Федерации.Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г., № 640. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru /foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

[224] Бобров А. Дипломатия публичная или общественная - вот в чем вопрос // Международная жизнь. – 2017. – №5. – С.188-200.

[225] Никитина Ю. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // Вестник МГИМО. – 2014. – №2 (35). – С.30-35.

практической деятельности? При большом желании наиболее оптимальным решением указанной концептуальной дилеммы в российском политологическом дискурсе представляется признание существования общественной дипломатии, как части публичной дипломатии, и общественной дипломатии, - которая публичной дипломатией в русле понимания этого феномена авторами названного курса не является.

Прояснив особенности соотношения публичной и общественной дипломатии, рассмотрим теперь еще одно близкое понятие – «народная дипломатия». Данный термин в контексте настоящего диссертационного исследования важен и в том смысле, что активно употребляется в общественном и научном дискурсе центральноазиатского региона[226].

Касательно самого термина следует заметить, что, с одной стороны, некоторые российские специалисты считают ее устаревшим/советским названием публичной дипломатии или синонимом понятия «общественная дипломатия», применяемым старшим поколением международников [227] и не соответствующей нынешней терминологической и концептуальной реальности[228]. С другой стороны, рассматриваемый термин присутствует в официальном дискурсе российского государства – российское МИД упоминает народную дипломатию в контексте вручения российских госнаград гражданам других стран[229]; президент России В.Путин, понимает под народной дипломатией прямую работу с людьми в зарубежном государстве[230]; Россотрудничество определяет ее как совместную деятельность «государственных и негосударственных организаций, направленная

---

[226] *См.*: Абдуллаев М. Узбекистан в ШОС: время народной дипломатии // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С.16-31.

[227] Шершнев И. О поддержке внешнеполитического курса Российской Федерации усилиями общественной дипломатии (выступление на круглом столе «Роль национальных информационных институтов и народной дипломатии в межкультурном диалоге», 27 ноября 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diplomatica.ru/?pl=page&id=110&lng=ru&page=0

[228] Курс общественного дипломата / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017 – С. 22-23.

[229] Лавров вручил гражданам четырех стран госнаграды за вклад в укрепление сотрудничества. ТАСС, 4 ноября 2017. URL: http://tass.ru/obschestvo/4703036;

[230] Встреча с членами Общественной палаты. Официальный сайт Президента России. 20 июня 2017 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54831

на расширение международных общественных связей государства»[231]. Такое понимание народной дипломатии на официальном уровне делает ее синонимом гражданской дипломатии, о которой речь шла выше. Соответственно, ее можно считать частью публичной дипломатии в той степени, в которой в нее вовлечено государство.

В данном контексте примечательным представляется исследовательское понимание народной дипломатии в Китае, где она считается более широким понятием, чем публичная дипломатия. Китайцы называют свою дипломатию народной, а народ – «источником мудрости для… усилий в сфере *публичной дипломатии*»[232]. В китайском дискурсе «публичная дипломатия» часто заменяется понятием *dui wai xuan chuan* или *wai xuan* (внешняя пропаганда), которая предполагает рекламу китайских достижений и улучшение его имиджа за рубежом[233]. Председатель Китайского народного общества дружбы с заграницей Чэнь Хаосу определяет публичную дипломатию в качестве одного из направлений народной дипломатии, а народную дипломатию дополнением официальной дипломатии КНР[234]. Такое понимание народной дипломатии характерно скорее всего только для Китая, которое исходит от политико-идеологической специфики этой страны.

4. Публичная дипломатия и национальный брендинг

Определенная ориентированность публично-дипломатической деятельности на формирование имиджа государства, привлекла к ней внимание специалистов из коммерческого маркетинга. По мнению признанного специалиста в сфере государственного брендинга Саймона Анхольта, глобализация превращает мир в гигантский торговый центр, где государства являются продуктами на полках,

---

[231] Общественная дипломатия. Официальный сайт Россотрудничества. URL: http://rs.gov.ru/ru/activities/4

[232] Евдокимов Е. «Народная дипломатия». Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С.285-288.

[233] Wang Y. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. №616. Pp. 257-273. DOI: 10.1177/0002716207312757

[234] Народная дипломатия: пусть мир больше узнает о Китае. URL: http://russian.people.com.cn/95181/6616803.html

которые «неистово борются за внимание проходящих мимо покупателей»[235]. Природа современной публичной дипломатии сторонниками школы коммерческого маркетинга объясняется концепцией *национального бренда*. Они утверждают, что комбинирование принципов публичной дипломатии и маркетинговых законов в продвижении образа страны сделало имидж государства и его политику продуктом, которого нужно продавать международной аудитории. В таком понимании имидж правительства стал называться национальным брендом, а «мягкая сила» стала его центральным конструирующим элементом. В этой «треугольнике» публичной дипломатии отводится роль канала продвижения национального бренда[236]. Как отмечает А.Долинский, несмотря на экономическую мотивацию концепции брендинга государств и политическую направленность публичной дипломатии, на практике эти два явления являются «как минимум смежными»[237].

При анализе соотношения публичной дипломатии и национального брендинга исследователи отмечают и определенную концептуальную конвергенцию этих направлений. Дж.Сзонди выявляет разные соотношения публичной дипломатии и национального брендинга, при которых они предстают как совершенно отдельные категории/частично пересекающиеся, так и полностью совпадающие/являющиеся частью друг друга[238]. Я.Мелиссен, признавая близость рассматриваемых понятий, пишет, что брендинг отличается от публичной дипломатии, *во-первых*, уровнем своих амбиций, поскольку практики публичной дипломатии четко представляют себе возможности и границы своей работы и, в отличие от своих коллег по брендингу, не рассматривают весь мир в качестве рынка. *Во-вторых,* тем, что публичная дипломатия в основном стремится к поиску общностей между странами для налаживания долгосрочных отношений, тогда как

---

[235] Anholt S. Foreword. *Journal of Brand Management*. 2002, Volume 9, Issue 4. P.234.
[236] Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding. *Place Branding*, 2006. №2 (2), pp. 97-107.
[237] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. – С.35.
[238] Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. *Discussion Papers in Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations ‘Clingadael’. October 2008. P. 15.

национальный брендинг ориентирован на формирование и выделение из общей массы бренда одного конкретного государства[239]. Также следует отметить и отличие по линии акторов публичной дипломатии и национального брендинга; если у первой акторами являются государства и контролируемые/финансируемые им институты, НПО, диаспоры, то субъекты национального брендинга в основном представлены национальными туристическими фирмами, агентствами по продвижению экспорта и инвестиционной привлекательности, торговыми палатами, транснациональными корпорациями.

Такое разнообразие подходов отражает не только динамику теоретического осмысления обоих феноменов, но и отражает тренды изучения практических усилий государств на данных направлениях. С другой стороны, оно указывает на степень близости публичной дипломатии и национального брендинга, влияющие, пусть и с разным целеполаганием, на восприятие государства в зарубежном обществе. Представляется, что умелое и умеренное применение идей национального брендинга в стратегии публичной дипломатии может способствовать повышению эффективности последней.

Эволюция научных представлений о понятии публичной дипломатии продолжается. Метаморфозы современной мировой политики и международных отношений, бурное развитие информационных и коммуникационных технологий привели к тому, что теоретическое осмысление феномена публичной дипломатии и профильная практика двигались от государствоцентричной, односторонней пропагандисткой модели к диалоговому формату и вовлеченности негосударственных участников. Возникновение и развитие многообразия систем внешней коммуникации и средств влияния на зарубежное общественное мнение у государств привело к появлению новых, близких к практике публичной дипломатии понятий. Ее понятийный аппарат особенно в русскоязычной литературе, оказался достаточно размытым. Некоторые российские исследователи

[239] Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. In *The new public diplomacy: Soft power in International Relations,* ed. Jan Melissen, 2005. New York: Palgrave Macmillan. pp. 3-27.

указывают на синонимичность таких понятий как «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия», другие же их разводят по сторонам, опираясь на критерии субъектности (государство – общественное начало) и преследуемых целей (политические - неполитические). Последние, однако, не учитывают, что в оригинале *public diplomacy* сочетает в себе и публичную дипломатию и общественную в том смысле, в котором их понимают и отличают в России. Получается, что публичная дипломатия является более широким понятием, а рассмотренные выше понятия охватывают более узкие направления публично-дипломатической деятельности.

В целом, применение тех или иных терминов применительно к сфере публичной дипломатии зависит от многих факторов – от принадлежности исследователя к определенной теоретической школе до специфики научно-политического дискурса конкретной страны. Революционные трансформации современного мира, связанные с небывалым развитием систем коммуникации, повышением активности негосударственных акторов, в том числе насильственных, усилением конкуренции за информационное доминирование и, наконец, тенденцией к возвращению фактора силы в международных отношениях, безусловно, повлияют на дальнейшую эволюцию научных представлений о феномене публичной дипломатии, причем, как представляется разнообразие подходов к их трактовке, будет сохраняться.

1.2. Идентификация акторов современной публичной дипломатии

При анализе эволюции научных представлений о понятии публичной дипломатии автором в общих чертах была проведена и субъектная идентификация публичной дипломатии. Однако этот момент требует более детального анализа, поскольку в современной мировой политике, где наблюдается диффузия влияния и его распределение между государствами и негосударственными акторами,

последние становятся весьма активными мирополитическими игроками[240]. В этом контексте, когда наблюдается расширение номенклатуры мирополитических процессов, в развитии которых публичная дипломатия играет важную роль[241], появляются и новые участники публично-дипломатической практики.

Элемент мультиакторности наряду с другими факторами выступает одним из критериев выделения так называемой «новой публичной дипломатии», в которой важную роль играет диалогичный характер публично-дипломатической деятельности с большой опорой на использование современных инфокоммуникационных технологий[242]. Данный тренд, по мнению ученых, кардинальным образом меняет парадигму международной политической коммуникации в сторону инклюзивной (вовлеченность широкого круга акторов) и кооперативной модели[243]. Наиболее всеобъемлющей дефиницией «новой публичной дипломатии», на взгляд диссертанта, представляется конструктивисткое определение Брюса Грегори, в которой данный феномен называется «инструментом, используемым государствами, группами государств, некоторыми суб-государственными и негосударственными акторами для понимания культур, отношений и поведений; для формирования и поддержания отношений и для оказания влияния на мнения и мобилизацию действий в целях продвижения своих интересов и ценностей»[244].

Такая «демократизация» субъектного пространства публичной дипломатии, однако, вызывает определенные вопросы относительно роли государства как актора публичной дипломатии и степени автономности негосударственных акторов в этой области.

---

[240]Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 38–42.

[241] Боришполец К. Публичная дипломатия СНГ: вклад в преодоление конфликтов на постсоветском пространстве / Тезисы доклада на XI Конвенте РАМИ (28-29 сентября 2017). Секция: «Публичная дипломатия в условиях конфликтов и кризисов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.risa.ru/ru/sections/390-4-2

[242] Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. *The new public diplomacy: Soft power in International Relations*, ed. Jan Melissen, 2005. New York: Palgrave Macmillan. pp. 3-27.

[243] Pamment J. *New Public Diplomacy in the 21st Century: A Comparative Study of Policy and Practice*. – Routledge: London, 2013. P.3.

[244] Gregory B. American Public Diplomacy: Enduring Characteristics, Elusive Transformation. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2011. № 6(3). P. 353.

Традиционная публичная дипломатия отличалась высоким уровнем этатизма, крайне ограничивавшего вовлеченность в эту деятельность других акторов. Поэтому признание новых, негосударственных участников в этой области в качестве подлинных и автономных акторов часто вызывает дискуссии. Например, авторы коллективной монографии «Международные связи с общественностью и публичная дипломатия: коммуникация и вовлеченность» (англ. *International Public Relations and Public Diplomacy: Communication and Engagement*) исходят из позиции, что государство до сих пор является единственным актором публичной дипломатии. Близкую к этой сфере деятельность других акторов (НПО, общественные структуры и др.) авторы относят к международным связям с общественностью (*International Public Relations – IPR)*[245]. Однако большинство исследователей публичной дипломатии все же сходятся во мнении относительно увеличения участников публичной дипломатии на современном этапе, отмечая, что при реализации публичной дипломатии негосударственные участники выступают не только в качестве аутсорсинговых механизмов, контролируемых государствами[246]. Некоторые из них вполне автономны и проводят свою собственную публичную дипломатию, но только при условии присутствия политического характера их целей[247].

Такой теоретический подход к осмыслению субъектной идентификации публичной дипломатии в существующей профильной литературе фиксируется как движение от государствоцентричной, преимущественно пропагандистской публичной дипломатии к транснациональной модели, в которой основными акторами выступают негосударственные участники. Последние, по словам известного теоретика публичной дипломатии Эйтана Гилбоа, используя транснациональные информационные каналы и телекоммуникационные сети,

---

[245] Golan G. J., Yang S., & Kinsey D. F. (ed). *International Public Relations and Public Diplomacy: Communication and Engagement*. New York, NY: Peter Lang Publishing. 2015. 458 p.
[246] McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2008. Vol. 32:3 (Special Edition), pp. 8-17.
[247] La Porte, T. The Impact of ‘Intermestic’ Non-State Actors on the Conceptual Framework of Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2012:7(4). Pp.441-458.

организовывают глобальную PR-поддержку своих усилий, минуя национальные границы[248]. Россйиский исследователь М.Харкевич, считает события «арабской весны» наглядным примером реализации названной модели[249]. Пример Р.С.Захарны и Н.Уйсал с протестами в Турции в 2013 году, которые стали результатом решения властей о вырубке деревьев в стамбульском парке Гези, тоже тоже приводится в качестве иллюстрации практического проявления элементов вышеназванной модели публичной дипломатии[250].

Описанный подход представляется излишне радикальным в том, что, определяя негосударственных участников в качестве главных акторов публичной дипломатии, он выходит за рамки традиционного понимания феномена публичной дипломатии как такового. Инструментарий негосударственной транснациональной модели публичной дипломатии, описанный Э.Гилбоа, представляется слегка ограниченным и не охватывает весь комплекс взаимодействия, которым занимается публичная дипломатия. Однако с ним можно согласиться в том, что субъектное поле публичной дипломатии расширяется за счет негосударственных участников, инициативы которых часто становятся трамплином для плодотворного сотрудничества между ними и государствами. Известным и ставшим уже классическим примером является общественная кампания коалиции НПО по борьбе с противопехотными минами как оружием неизбирательного действия в начале 90-х годов. Активная работа НПО, к которой позже присоединились и государства, завершилась подписанием Оттавской конвенции 1997 года, которая запрещает присоединившимся к ней государствам использовать, хранить, продавать и передавать противопехотные мины. Этот пример, по мнению А.Долинского, указывает на такое явление, как формирование многоакторных коалиций, добивающихся политических целей. Для активных государств-

[248] Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616(1). pp. 55-77.
[249] Харкевич М.В. Военное измерение публичной дипломатии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 21-35.
[250] Zaharna R.S., Uysal N. Going for the jugular in public diplomacy: How adversarial publics using social media are challenging state legitimacy. *Public Relations Review*, 2016, no 42. pp.109–119.

участников Оттавского процесса он стал направлением их публичной дипломатии, в котором лидирующую роль изначально играли НПО[251].

В целом, нейтральность вкупе со знанием и опытом работы в конкретных местах является сильной стороной НПО и преимуществом их участия в публичной дипломатии. По мнению некоторых специалистов, при правильном использовании потенциала неправительственных организаций государства могут выстроить эффективную сетевую, кооперативную и направленную на установление отношений модель публичной дипломатии (*relational, networked and collaborative public diplomacy*)[252]. Приведенный выше пример с Оттавской конвенцией вполне вписывается в эту парадигму.

Еще одним направлением в изучении акторов публичной дипломатии следует считать аналогичную деятельность межправительственных организаций (МПО). По мнению российской исследовательницы Ю.Никитиной, проблема взаимодействия с обществами стоит не только перед государствами, но и перед МПО. Однако в концептуальном плане данная тематика в научной и практикоориентированной литературе остается слабо разработанной.[253] Фундаментальных исследований по данному направлению действительно нет, однако на основе анализа деятельности МПО можно определить значимость публичной дипломатии в их работе.

Пример ООН показывает, что эта глобальная организация является не только площадкой для диалога и инструментом публичной дипломатии для государственных и негосударственных акторов, она сама проводит собственную публичную дипломатию. Популяризация своих уставных целей и задач, распространение информации о своей деятельности крайне важны для ООН и этим

---

[251] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. – С. 99-100.

[252] Geun Lee & Kadir Ayhan. Why Do We Need Non-state Actors in Public Diplomacy?: Theoretical Discussion of Relational, Networked and Collaborative Public Diplomacy. *Journal of International and Area Studies.* 2015. Vol. 22, No.1, pp. 57-77.

[253] Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.112-127.

направлением в структуре Секретариата занимается целый департамент, выпускающий также ежеквартальный журнал *The UN Chronicle*[254].

К важной прикладной задаче публичной дипломатии ООН, как отмечает специалисты, относится и работа с населением в странах, куда направляются миротворческие миссии этой организации[255]. Публично-дипломатическая деятельность ООН, однако, не всегда успешна. Бывший заместитель Генсека ООН Бриан Уркухарт (*Brian Urquhart*) еще в 1998 году считал неспособность организации в сфере взаимодействия с обществом ее бедой. Он утверждал, что такая ситуация возникает во многом из-за многообразия мнений внутри организаций, из которых сложно сформулировать согласованную и приемлемую позицию[256]. Высказанные 20 лет назад, эти слова в отношении публичной дипломатии ООН во многом остаются актуальными, хотя следует отметить и созданные организацией успешные и перспективные диалоговые механизмы, выступающие не только в качестве инструмента публичной дипломатии вовлеченных государств, но и самой ООН.

Примером является Региональный центр Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии в Центральной Азии (РЦПДООН), который представляется удобной площадкой для налаживания взаимодействия по линии публичной дипломатии. Центр видит свои задачи в регулярной организации семинаров и тренингов с участием политиков и экспертов в области дипломатии предотвращения конфликтов, в создании для молодежи из региона возможностей изучения основ превентивной дипломатии и в налаживании контактов между центральноазиатскими *think tank*-ами для усовершенствования аналитических навыков и разработки механизмов сотрудничества[257]. Специалисты называют

---

[254] Департамент общественной информации. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/sections/department-public-information/department-public-information/department-public-information/index.html

[255] Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. М: МГИМО (У), 2011. – С. 101.

[256] Vinogradov S. Peacekeeping: we need serious Rethinking. *UN Chronicle*, 1998. Vol. 35, No. 3. P.36. URL: https://www.questia.com/library/p1200/un-chronicle/i2631040/vol-35-no-3-fall

[257] Николаев С. А. Превентивная дипломатия для Центральной Азии // Междун. жизнь. – 2009. – № 2-3. – С. 96-107.

РЦПДООН «стержнем, вокруг которого объединятся все позитивные силы, стремящиеся к разрешению сложного узла противоречий в регионе»[258].

Наряду с ООН публичную дипломатию развивают и другие межправительственные организации. Эксперт американского Фонда Маршалла З.Паговский, исследуя публичную дипломатию таких международных объединений, как АСЕАН, НАТО, ЕС, делает вывод о растущей значимости публичной дипломатии в их деятельности. Публичная дипломатия становится важнейшим инструментом коммуникации этих организаций, каналом популяризации их целей и средством конструирования устойчивых отношений с целевыми аудиториями[259]. В своей публично-дипломатической деятельности названные организации прибегают к аналогичным ресурсам (СМИ, культура, образовательные обмены и др.), которыми пользуются государства. Более того, публичная дипломатия НАТО и ЕС на современном этапе хорошо структурирована, обладая последовательной стратегией развития, сформулированной с учетом реалий тех регионов, на которые она направлена[260].

В последние годы объектом анализа российских исследователей становится публичная дипломатия МПО на постсоветском пространстве и его регионального окружения. Профессор МГИМО К.Боришполец в своих работах исследует вклад публичной дипломатии СНГ в продвижении интеграционного сотрудничества и предотвращении конфликтов. Анализируя ресурсы публичной дипломатии СНГ, автор делает вывод, что они используются не в полной мере и не всегда

---

[258] Малышев Д.В. Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №2. – С.27-47.

[259] Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of International Organizations. The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Figueroa Press, Los Angeles, 2015. URL: http://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u33041/Public%20Diplomacy%20of%20Multilateral%20-%20Full%20June%202015.pdf

[260] *См.*: Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2014. Vol.38:1. pp. 95-100.; Антюхова Е. А. Публичная дипломатия как важнейший структурный компонент внешнеполитической стратегии НАТО // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2017. – Т. 23. № 5. – С. 67-73.; Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3 (72). – С. 21-27.; Е.С. Коренев. Общественная дипломати НАТО на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – С.37-42.; Зонова Т. Публичная дипломатия Европейского Союза // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.70-88.; Бартош А.А. Эволюция публичной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. –2013. – № 3. – С.6-11.

планомерно. Публичной дипломатии Содружества предлагается концентрировать внимание на повышении роли «точечных», «углубляющих связи интеграционного проекта с повседневными интересами рядовых граждан» мероприятиях, что представляется актуальной задачей в свете продолжающегося процесса евразийской интеграции[261]. Действительно, в рамках международных организаций и в политике интеграционных объединений публичная дипломатия может стать важным механизмом консолидации или инструментом формирования коллективной идентичности.

Диссертант отмечает и работы Ю.Никитиной, в которых анализируется публично-дипломатическая деятельность ОДКБ и ШОС. Данные работы носят прикладной характер и могут иметь высокую практическую значимость, поскольку в них анализируются не только основные направления публичной дипломатии названных институтов, но и даются определенные рекомендации по оптимизации их работы на названном направлении и выработать адекватную и отвечающую реалиям сегодняшнего мира коммуникационную модель с целевыми аудиториями[262].

Рассматривая вышеприведенные организации в качестве акторов публичной дипломатии, все же следует признать, что они по природе своей не могут являться полностью автономными в этой сфере, поскольку задачи их публичной дипломатии во многом коррелируются с внешнеполитическими задачами учредивших их государств. Но при умелом использовании ресурсов публичной дипломатии со стороны МПО и государств, они могут органично дополнять друг друга в достижении общих политических целей.

---

[261] Боришполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.89-111.

[262] Никитина Ю. ОДКБ: время для публичной дипломатии? РСМД, 21 сентября 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-vremya-dlya-publichnoy-diplomatii/?sphrase_id=380911; Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.112-127.

Круг акторов современной публичной дипломатии не ограничивается рассмотренными выше участниками. Некоторые исследователи включает в него и университеты[263], поскольку они способны оказывать влияние на коллективную мысль научного сообщества, «выступать не просто внешнеполитическими трансляторами каких-либо установок государства, но обладают возможностями для самостоятельного продуцирования нового знания, новых форматов публичной дипломатии»[264]. Логика наделения университетов публично-дипломатической акторностью опирается на их признание в качестве акторов мировой политики[265]. Помимо университетов специалисты к акторам публичной дипломатии относят СМИ, бизнес и даже отдельных индивидов[266]. Выражаясь языком Т.Зоновой, публичная дипломатия «представляет собой целый «космос», где действуют политики, деятели культуры, науки и образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей»[267].

Названные теоретические наработки являются отражением тенденций на практике, то есть демократизации публично-дипломатической деятельности, в которую на современном этапе наряду с государствами вовлечены и самые разные негосударственные участники. Однако можно ли последних назвать *акторами* публичной дипломатии в том смысле, в котором этот термин понимается в контескте *акторства* в мировой политике? Этот тонкий терминологический момент требует определения соотношения между категориями «актор» и «участник».

---

[263] Knight J. The limits of soft power in higher education. Universuty World News. Jan 31, 2014. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725

[264] Столетов О. В., Чихарев И. А. Университеты как субъекты публичной дипломатии // Мир и политика. – 2013. – № 11 (84). – С. 214–235.

[265] Лебедева М.М. Университет в сетевых отношениях современного мира // Ресурсы модернизации. Материалы VII конвента Российский ассоциации международных исследований 28-29 сентября 2012 г. / Под ред. А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, МГИМО (У), 2012. – С. 322-326.

[266] Харкевич М.В. Формы публичной дипломатии и типы государств. // Политика и Общество. – 2016. – № 9. – С. 1244-1255. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.9.16271

[267] Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. Российский совет по международным делам. 07.08.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/

Японский исследователь Осиба Рё выделяет три характеристки актора мировой политики: независимость в определении своих целей и интересов; способность мобилизовать материальные и человеческие ресурсы для достижения своих целей; способность оказывать значительное влияние на межгосударственные отношения или на поведение негосударственных акторов в глобальной системе[268]. Участников политического процесса может быть множество, но их мирополитическое влияние гораздо меньше актора[269]. Конечно, в настоящей работе эти категории приводятся в симплифицированном варианте, поскольку задача заключается в определении критерии акторства не в мировой политике, а в сравнительно узкой области - публичной дипломатии.

Применение характеристики Рё к акторам публичной дипломатии и понимание последней как политико-ориентированной деятельности, позволяет говорить, что государство остается главным актором публичной дипломатии. Использование понятия «актор» в отношении негосударственных участников в контексте публичной дипломатии указывает на то, что они активно кооперируют с государствами в рамках публичной дипломатии последних. Публичная дипломатия остается инструментом государственной политики, однако в реализации ее целей правительства все чаще сотрудничают с негосударственными участниками мировой политики. Другими словами, негосударственные единицы с разной степенью автономии становятся участниками публичной дипломатии государств. В этом качестве они не всегда являются инструментами публичной дипломатии государств, а могут стремиться к достижению своих собственных целей, которые коррелируют с аналогичными целями государств.

---

[268] Цит. по Kan, H. Actors in World Politics / H. Kan // Government and Politics. 2002. Vol. II. URL: https://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-32-05-03.pdf

[269] Холдоров О.Н. Соотношение категорий «Актор» и «Субъект», «Участник», «Агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 4 (55). – С.128-133.

1.3. Феномен публичной дипломатии в центральноазиатском исследовательском дискурсе

Возможности разнообразных ресурсов «мягкой силы» все шире признаются в среде постсоветских государств. Растет интерес к форматам публичной дипломатии и в постсоветских государствах Центральной Азии. Как и на всем пространстве ЕАЭС, картина осмысления публичной дипломатии учеными Центральной Азии тоже формируется преимущественно благодаря публикациям российских авторов[270]. Тем не менее, степень популярности и изученности феномена зависит как от особенностей каждой страны, так и от атрибутивных элементов самой публично-дипломатической деятельности. Внимание к этому диалого-ориентированному внешнеполитическому инструменту разнится от наиболее открытого и энергично работающего в этой сфере Казахстана до значительно «закрытого» по отношению ко всем внешним контактам Туркменистана. Все эти факторы отражаются на степени исследовательского осмысления публичной дипломатии в Центральной Азии.

В осмыслении концептуально-теоретических аспектов феномена публичной дипломатии на сегодняшний день в регионе дальше всех продвинулись ученые из Казахстана, в их исследованиях профильная тематика присутствует в течение ряда лет[271]. В фокусе научного внимания казахстанских специалистов оказывается не только вопрос о сущности феномена публичной дипломатии, как дополнения к официальной дипломатии или в контексте концепции *национального брендинга*[272], но и анализ зарубежного профильного опыта и возможности его применения во

---

[270] Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №: 5 (44). – С. 42-49

[271] *См.*: Казбекова Д.С. Публичная дипломатия во внешней политике Федеративной Республики Германии и Республики Казахстан. Диссертация на соискание ученой степени доктора по профилю. 6D020200 – Международные отношения. – Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2014. – 189с; Ким Г.Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Relations_and_Koreas_Public_Diplomacy_; Sadvakassova D. Branding Kazakhstan: relationships between state and non-state actors (master thesis for the Degree of Master of Arts in Eurasian Studies). Nazarbayev University, 2017. 79 p. [Electronic recourse]. – Mode of access:https://nur.nu.edu.kz /bitstream/handle/123456789/ 2376/Sadvokassova%20D. .pdf?sequence=1&isAllowed=y

[272]Жакенова К.А. Публичная дипломатия как сфера национального брендинга // Вестник КазЭУ- КазЭУ Хабаршысы. – 2012. – №6. – С.126-131.

внешнеполитической практике Казахстана для укрепления международных позиций молодой республики[273].

Примечательно, что казахстанские авторы в основном признают синонимичность понятий *публичной* и *народной* дипломатии. Они указывают на то, что к осуществлению публичной дипломатии помимо классических дипломатов привлекаются представители науки и образования, деятели культуры и искусства, представители бизнеса, СМИ, руководители неправительственных организаций и т.д[274]. При этом подчеркиваются преимущества народной дипломатии по сравнению с дипломатией государственной. Если последняя ограничена формальными рамками, то первая «говорит без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет народы»[275].

Народная дипломатия называется одним из основных акторов международных отношений, включающие в себя «такие элементы, как общественные организации и объединения, контакты на уровне городов-побратимов, общественно - политические акции, международные неправительственные организации»[276]. В качестве достоинства публичной дипломатии они называют ее способность «быть гибкой в зависимости от национальных интересов и интересов партнеров»[277]. Примечательно, что в последние годы в национальных научных журналах встречаются статьи, освещающие теоретико-концептуальные аспекты публичной дипломатии. В них выржается мнение, что публичная дипломатия стала действенным инструментом внешней политики и в нынешних мирополитических условиях «выступает в качестве дипломатического механизма, и признаваемой всеми государствами,

---

[273] Казбекова Д.С. Указ. работа.
[274] Оспанов Н. Публичная дипломатия Кореи в отношениях с Казахстаном. Ариран.ру, 03.07.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arirang.ru/news/2012/12060.htm
[275] Ким Г.Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи // Казахстан Спектр. – 2012. – №4. – С. 24–36.
[276] Абжапарова Л.Ж., Сарсембаева А.Б Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-7. – С.1520-1523.
[277] Казбекова Д.С. Указ. работа.

дополнительной возможностью для реализации задач внешней политики»[278]. Такие работы, безусловно, открывают новые горизонты для исследования рассматриваемого феномена в среде казахстанских ученых.

В других странах Центральной Азии - в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане в фокусе внимания исследователей пока находятся в основном вопросы общего дискурса о культурных составляющих внешнеполитической практики и «мягкой силе». Только в последние годы появились некоторые работы профильной тематики в научных журналах, а до этого о публично-дипломатических ресурсах эксперты из названных стран упоминали в интернет – публикациях, в комментариях к конкретным событиям.

В научном дискурсе Кыргызстана тематика публичной дипломатии встречается преимущественно в контексте научного осмысления концепции «мягкой силы». Признается не только возрастающая значимость названной концепции в «мягком» измерении современной мировой политике, но и в обеспечении безопасности государств в условиях глобализации[279]. Кыргызский ученый и дипломат Нурлан Айтмурзаев, обращая внимание на роль «мягкой силы» в переформатировании общественного сознания, призывает к правильному использованию ее ресурсов (культура, традиции, религиозные взгляды СМИ). Эти ресурсы, по его мнению, в контексте центральноазиатского региона должны оказывать позитивное содействие обществу в выборе социального порядка, который соответствует культуре, ценностям, традициям, где проблема безопасности всегда считалась приоритетной[280].

Кыргызстанские исследователи призывают политиков и экспертов обращать внимание на возможности Web 2.0 - цифровой дипломатии, новых технологий для

---

[278] Kukeyeva F., Alipkyzy R., Shokparova Zh., Batrbekova A. Some Theoretical Aspects of the Public Diplomacy // Хабаршы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы - International relations and international law journal. – 2018. – No2 (82). – P.88-96.

[279] Айтмурзаев Н. «Мягкая сила» как потребность общества в социальном порядке в условиях глобализации // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2012. – №5(05). – С. 11-15.

[280] Айтмурзаев Н. Применение информационно-коммуникационных технологий в дипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2016. – №5(05). – С.76-81.

удовлетворения внешних нужд государства, укрепления ее репутации и позиции на международной арене. Например, М.Абдраимов утверждает, что «действенность использования информационного фактора в повседневной «рутине» проведения политического курса становится настолько значительной, что объективно вынуждает ученых ставить рассмотрение информационной составляющей системы международных отношений на передний план»[281].

Исследовательский дискурс по публичной дипломатии не сложился и в Таджикистане. Для обозначения практики в этой области в таджикоязычных публикациях встречаются понятия «дипломатияи ҷамъиятӣ» и «дипломатияи мардумӣ», в русскоязычных – «общественная дипломатия» или «народная дипломатия». Проявления последней (т.е. *народной дипломатии*), согласно книге «Дипломатия Таджикистана», можно наблюдать еще на самых ранних этапах становления таджикского советского наркомата, который с первых дней своей деятельности считал «своей главной задачей и даже делом чести рассказать о республике, ее достижениях зарубежному читателю, особенно в странах Востока». Тогда наряду с официальной развивается и *народная дипломатия*, примером которой в книге названо участие в октябре 1945 года в лондонской Международной конференции молодежи в составе советской делегации студентки - таджички Мамлакат Наханговой[282].

Для таджикских исследователей публичная дипломатия является новым, пока не освещенным национальными публикациями, направлением. Примеры ее научного изучения встречаются в контексте осмысления неолиберальной концепции «мягкой силы» и повышения значимости информационного фактора во внешнеполитической практике государств. Как отмечает специалист Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан Ш.Ризоён, активное использование «мягкой силы» является «одним из важных условий

[281] Абдраимов М. Дж. Внешнеполитическая информационная деятельность государства в современных условиях: концептуальная основа и проблемы // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2015. – №5(05). – С.50-54.
[282] Дипломатия Таджикистана. Изд. МИД РТ. Душанбе, 1994. С. 5.

реализации национальных интересов Таджикистана во внешней политике, с целью формирования положительного имиджа страны на региональном и международном уровне»[283]. Н.Салибаева утверждает, что Таджикистану, который на современном этапе является объектом «мягкой силы» других держав, необходимо внимательно изучать опыт и «мягкосиловые» стратегии других стран, чтобы выработать собственную политику в этой сфере[284]. По мнению Д.Латифова, современная дипломатия более не является исключительно делом специально подготовленных людей, «ее целевой группой становятся не только дипломаты, а широкая общественность, отсюда и новый элемент современных международных отношений – так называемая public or modern diplomacy - «общественная дипломатия»[285].

В фокусе внимания таджикских исследователей оказывается и информационное измерение публичной дипломатии. Например, Ф.Саидов пишет, что цифровая дипломатия коренным образом изменила правила осуществления публичной дипломатии. Однако актуальным становится вопрос о нахождении механизмов оценки эффективности деятельности в рамках цифровой дипломатии, например, в социальных сетях. Другими словами, в контексте реализации задач публичной дипломатии важно не количество «фолловеров», «лайков», «твитов / ретвитов», а «реальные показатели реагирования аудитории на сообщения, изменения в ее восприятии, того, как этому способствует цифровая дипломатия»[286].

Обращая внимание на преимущества медиа-дипломатии в достижении внешнеполитических целей и в улучшении международного восприятия государств, таджикские эксперты считают актуальным и важным создание

---

[283] Ризоён Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Республики Таджикистан. Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, 20.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mts.tj/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=782%3A2017-09-20-09-44-54&catid=143%3A2013-05-27-06-47-01&Itemid=144&lang=ru

[284] Salibaeva N.A. To the Question about the Concept of «Soft Power» in the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan // Сиёсати хориҷӣ. – 2016. – №2. – С.62-74.

[285] Латифов Д.Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // Журнал МИД РТ «Внешняя политика». – 2015. – №1. – С. 114-119.

[286] Саидов Ф. Цифровая дипломатия: понятие, история развития и значение / Ф.Саидов // Внешняя политика. – 2013. – №1. – С.103-112.

мультиязычных информационных каналов о Таджикистане; они призывают к развитию проактивной информационной деятельности таджикских посольств за рубежом[287]. Примечательно, что этот вопрос не раз поднимался и президентом Таджикистана. Эмомали Рахмон, подчеркивая чрезвычайную важность формирования положительного международного имиджа Таджикистана, неоднократно призывал внешнеполитическое ведомство республики «коренным образом улучшить своё взаимодействие с представителями средств массовой информации и расширить своё присутствие в Интернете»[288].

Опыт публичной дипломатии Туркменистана и Узбекистана еще не стал объектом солидных научных исследований, как учеными названных стран, так и других. На практике же оба государства значительное внимание уделяют культурной дипломатии.

Туркменскими профильными специалистами культура рассматривается в качестве средства достижения основополагающих внешнеполитических целей государства, каналом формирования благоприятного международного образа страны и популяризации ее культуры[289]. Ашхабад, наряду с другими направлениями внешней политики, понимает и необходимость расширения культурно-гуманитарного сотрудничества. Распространение широкой информации о Туркменистане и туркменском народе, проведение мероприятий по ознакомлению с этой страной называется прямой обязанностью туркменской дипломатии. Поэтому республика регулярно организовывает международные

---

[287] Азимзода Т.С. Нақши дипломатияи иттилоотӣ дар пешбурди сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон (Роль информационной дипломатии в продвижении внешней политики Республики Таджикистан. – *на тадж.*). Центр стратегических исследований при Президенте РТ, 24.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mts.tj/index.php? option=com_content&view=article&id=926%3A2017-10-24-09-41-47&catid=107%3A2013-05-27-06-17-24&Itemid=140&lang=tj ; Бекмуҳаммад Қ. Вақте ҷойи дипломатияи расонаӣ холист//Бознашр аз «Нигоҳ» аз 25.04.2015. (Когда пустует место медиа-дипломатии. - пер. с тадж.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bekmuhammad.wordpress.com/2012/04/25/

[288] Выступление на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. 15.03.2013 17:55, город Душанбе. URL:http://www.prezident.tj/ru/node/4114

[289] Гурбангельдыев Дж. Культурная дипломатия – язык межнационального диалога. URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018

научно - культурные, спортивные мероприятия, приглашая иностранных экспертов и деятелей культуры[290].

В политическом и аналитическом дискурсе Узбекистана публичная дипломатия присутствует уже несколько лет, однако значительных работ по данной тематике не встречаются. Так, еще в 2011 году в рамках второй фазы проекта ПРООН и МИД Узбекистана «Совершенствование потенциала МИД для более эффективного ответа на возникшие вызовы нового тысячелетия» состоялся «круглый стол» на тему «Обзор потребностей Республики Узбекистан в области публичной дипломатии». В обсуждении приняли участие не только представители государственных ведомств, но университетов, научно-исследовательских институтов, общественных, неправительственных и международных организаций. Участники «круглого стола» выразили мнения по поводу актуальности публично-дипломатической деятельности, которую они понимали в контексте «актуальности доведения до международной общественности достижений Узбекистана во всех сферах жизнедеятельности, предупреждения однобокого и ангажированного освещения в зарубежных СМИ событий внутренней и внешней политики Республики, необходимости целенаправленных усилий по формированию и поддержанию положительного имиджа страны на мировой арене»[291].

Примечательно, что после прихода к власти в Узбекистане в 2016 году президента Ш.Мирзияева, Ташкент стал не только более открытым для внешнего мира[292], но и начал активно формировать новый имидж страны – как процветающего государства с богатой культурой, открытого и надежного партнера для сотрудничества. Узбекские исследователи заговорили о возможностях публичной дипломатии в этом направлении, обращаясь, в том числе, и к историческим корням данного феномена. Так, в готовящемся к изданию

---

[290] В Ашхабаде открылся международный форум «Диалог культур на Великом Шелковом пути» URL:http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=9902

[291] В Узбекистане обсудили перспективы публичной дипломатии. Узинформ, 23.11.2011. URL: http://www.uzinform.com/ru/news/20111123/10078.html

[292] Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2018. - Т. 18. - №2. - С. 292-303. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303.

коллективном труде «История дипломатии Узбекистана» авторы, наряду с традиционной дипломатией как межгосударственным инструментом внешней политики в IX-XII вв., намереваются раскрыть и особенности тогдашней *публичной дипломатии* с международным участием среднеазиатских мыслителей, богословских школ и суфийских орденов. Отмечается, что именно с деятельностью последних связано развитие публичной дипломатии в регионе. Они же выступали в качестве главных имиджмейкеров тогдашних государств / правителей на территории Центральной Азии[293].

Из уже опубликованных работ узбекских ученых по тематике публичной дипломатии следует отметить заметки профессора кафедры практической дипломатии Университета мировой экономики и дипломатии Алишера Файзуллаева. Он понимает публичную дипломатию как важную часть внешней политики государства, направленную на разъяснение его целей и ценностей для широкой международной общественности, на формирование позитивного имиджа страны и продвижение ее интересов на глобальной арене, на улучшение отношений между народами. Он пишет о важности коммуникации/диалога с целевой аудиторией и отмечает, что от дипломатов, работающих в сфере публичной дипломатии, «требуются современные, зачастую нетрадиционные знания и умения. Они должны проявлять лидерские качества, свободно выступать на публике, участвовать в дискуссиях, уметь устанавливать контакты с зарубежной аудиторией, умело работать со СМИ и журналистами, быть квалифицированными в работе в социальных сетях».[294] Давая практические советы относительно использования публичной дипломатии во внешней политике Узбекистана, А.Файзуллаев предлагает выработать целостную концепцию развития публичной дипломатии этой страны с определением ее приоритетных направлений, также

---

[293] Интервью с деканом факультета «Международных отношений» УМЭД М.М. Бахадировым // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С. С.87-106.

[294] *См.*: Файзуллаев А. Публичная дипломатия на службе национальных интересов // Газета.uz. 5 августа 2017. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/ ; Файзуллаев А. Страна как бренд // Газета.uz, 19.04.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country-branding/ (дата обращения: 21.10.2018).

своевременным он видит создание в структуре узбекского Министерства иностранных дел департамента по публичной дипломатии дел для координации работ в этой области.

Идеи А.Файзуллаева разделяет его соотечественник Ш.Таджиев, который утверждает, что современный Узбекистан обладает солидным потенциалом «мягкой силы» по всем трём конструирующим данную силу параметрам: культуре, политическим ценностям и внешней политике. Автор, призывая «к системному подходу к определению целей, задач и направлений политики «мягкой силы», совершенствованию институциональной основы и механизмов ее реализации, идентификации целевой аудитории и объектов», считает целесообразным включить в разрабатываемые концептуальные документы Узбекистана понятия о «мягкой силе» и публичной дипломатии «с дальнейшим формированием целостной межведомственной программы развития данной сферы»… или разработать пилотный зонтичный проект под названием «Мир Узбекистана» (*The World of Uzbekistan*) «для объединения под общей эгидой многочисленных «мягкосиловых» акций и мероприятий»[295]. Эти идеи представляются достаточно новаторскими для практики государств региона в целом и Узбекистана в частности. Автор достаточно убедительно анализирует концепцию «мягкой силы» и публичной дипломатии, предлагая варианты ее прикладного применения во внешней политике узбекского государства на современном этапе. Следует сказать, что статьи Ш.Таджиева на данный момент являются единственными (по крайней мере, доступными на русском языке) полноценными научными публикациями узбекского исследователя по «мягкой силе» и публичной дипломатии Узбекистана.

В научном и общественном дискурсе Узбекистана встречается и понятие «народная дипломатия». Еще в 1998 году историк из Узбекистана Р.Т.Жураев защитил диссертацию на тему «Роль народной дипломатии Узбекистана в

[295] Таджиев Ш. Публичная дипломатия как важная составная часть «мягкой силы» // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.74-87.; *См. также*: Таджиев Ш. Использование инструментария «мягкой силы» в международных отношениях // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С. 107-117.

международных отношениях». В ней автор подчеркивает возрастающее значение народной дипломатии в связи с распадом Советского Союза, социальными взрывами, различными конфликтами не только на территории новых независимых государств, но и в других частях планеты. Решение многих национальных конфликтов в мире стало сложным делом ввиду переплетения судеб разных народов в течение веков. В этой связи, как отмечает Р.Жураев, народная дипломатия «делает возможным обмен подлинными ценностями культуры и способствует сближению народов»[296].

В таком понимании данный термин и сегодня употребляется в узбекских практических кругах. Например, Алишер Хаджаев заместитель председателя Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров Республики Узбекистан называет народную дипломатию уникальным инструментом для расширения международных общественных связей государства. Народная дипломатия, по его мнению, вмещает в себя всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом зарубежных стран. Она включает в себя такие элементы, как общественные объединения и организации, общественно-политические акции, связи на уровне городов-побратимов, международные НПО. Такую дипломатию от традиционной отличает общественное начало, инициативность группы людей по добровольному выполнению дипломатических функций[297]. Конечно, такая трактовка народной дипломатии делает ее подтипом публичной дипломатии, а популярность первого термина можно объяснить наследием советского общественно-политического лексикона в регионе.

Таким образом, можно сделать вывод, что тематика публичной дипломатии не является популярной в научном и политическом дискурсе Центральной Азии. Однако, несмотря на отсутствие солидных исследований учеными региона по

[296] Жураев Р.Т. Роль народной дипломатии Узбекистана в международных отношениях: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. – Андижан, 1998. – 21с.
[297] Динара Чиркова. «Народная дипломатия» объединяет мир. 24.07.2017.
URL: http://old.narodnoeslovo.uz/index.php/homepage/zhamiyat/item/10211-narodnaya-diplomatiya-ob-edinyaet-mir

данному феномену и нахождения профильного дискурса на заре становления и осмысления, ресурсы публичной дипломатии в практической деятельности государств Центральной Азии используются. С накоплением эмпирического материала и обогащением опыта молодых республик на данном направлении, можно прогнозировать увеличение числа национальных публикаций, научных исследований и формирование более системного и целостного центральноазиатского исследовательского дискурса по рассматриваемому феномену.

Выводы к главе

Публичная дипломатия становится все популярнее в мирополитических исследованиях. Динамично развивается и ее прикладное измерение. Эволюционируют также научные представления о понятии публичной дипломатии.

Метаморфозы современной мировой политики, бурное продвижение инфокоммуникационных технологий привнесли в понимание публичной дипломатии и профильную практику идеи развития диалоговых механизмов. Также расширялось субъектное поле публичной дипломатии. Появление в арсенале государств и других участников мировой политики дополнительных инструментов внешней коммуникации и средств влияния на зарубежное общественное мнение привело к появлению новых и близких к практике публичной дипломатии понятий. В результате понятийный аппарат последней, особенно в русскоязычной литературе, оказался достаточно размытым. В целом, специфика использования разных понятий применительно к сфере публичной дипломатии зависит от многих факторов – от принадлежности ученого к конкретной теоретической школы до особенности исследовательского и политического дискурса определенной страны.

Многоакторность становится атрибутом современной публичной дипломатии. В качестве ее акторов ученые выделяют не только НПО, но МПО, также университеты, СМИ, бизнес-сообщество. Однако, применяя понятия «актор»

в отношении негосударственных участников в контексте публичной дипломатии, следует отметить, что они пользуются автономией до определенных границ, хотя могут иметь свою публичную дипломатию. Очевидным становится то, что новые акторы публичной дипломатии активно кооперируют с государствами в рамках публичной дипломатии последних. Другими словами, публичная дипломатия остается инструментом государственной политики, в продвижении которой правительства все энергичнее сотрудничают с негосударственными участниками мировой политики.

Анализ профильного дискурса в Центральной Азии выявил низкую степень распространенности тематики публичной дипломатии в этом регионе. В существующих научных публикациях в основном освещаются тенденции повышения значимости «мягкой силы». В этом деле дальше всех продвинулись исследователи из Казахстана, как и, впрочем, и сама страна в практической деятельности в сфере публичной дипломатии. Однако в последние годы наблюдается рост числа достаточно фундированных профильных публикаций в среде узбекских ученых, что, по мнению диссертанта, является результатом / отражением курса нового руководства Узбекистана на проведение более открытой внешней политики и позитивное обновление международного имиджа Ташкента.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ, АКТОРЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Активное применение ресурсов публичной дипломатии, как актуального в современой эпохе глобализации и цифровых технологий внешнеполитического инструмента, привлекает внимание все большего числа государств. Этому процессу способствует и растущее внимание к публичной дипломатии в научном и политическом дискурсе. Опыт и практические шаги одних стран в данной сфере для других становятся руководством для выработки собственных стратегий публичной дипломатии. Так, исследовательское осмысление публичной дипломатии в России и практические шаги российского государства на данном направлении во многом опираются на профильные наработки и опыт американских специалистов. В свою очередь, научный дискурс по тематике публичной дипломатии многих постсоветских стран формируется преимущественно на основе исследований российских авторов. Касается это, как было упомянуто в предыдущей главе, и государств Центральной Азии, в которых как научное осмысление, так и прикладные аспекты публичной дипломатии находятся на разных стадиях оформления.

Государства Центральной Азии в существующей профильной литературе преимущественно рассматриваются как объекты публичной дипломатии других государств. Комплексных исследований становления их собственной акторности в данной сфере пока нет, хотя практические шаги стран региона говорят об осознании ими значимости рассматриваемого феномена и готовности его применения в качестве инструмента внешней политики.

В настоящей главе диссертантом предпринимается попытка восполнить обозначенный выше исследовательский пробел; анализируется становление

публично-дипломатической акторности центральноазиатских государств (кроме Таджикистана)[298].

Учитывая реалии мирополитической практики постбиполярного периода, целесообразно обратить внимание, прежде всего, на подходы, рассматривающие государства Центральной Азии преимущественно (или даже исключительно) как объекты проекции различных инвариантов применения публичной дипломатии членов международного сообщества.

2.1. Государства Центральной Азии как объекты публичной дипломатии членов мирового сообщества

Центральная Азия – некогда *terra incognito* мирополитического пространства, сегодня благодаря своему геополитическому положению, богатым энергоресурсам, транзитному потенциалу, географической близости с нестабильным Афганистаном и другим факторам, превратилась в точку пересечения интересов ведущих держав, в «центр политической гравитации».[299] Для продвижения своих интересов в регионе внерегиональные игроки используют самые разные инструменты внешней политики, в том числе и публичную дипломатию. Глобальное геополитическое соперничество между великими державами отражается на практике их публичной дипломатии в регионе. Особенно это наблюдается в соответствующей практике США и России, между которыми, как отмечают исследователи, в контексте центральноазиатского региона всегда прослеживалось перманентно конкурентное и конфликтное столкновение интересов[300] и, соответственно, жесткое соперничество «мягких» сил[301]. Такие мнения, в определенной степени воспроизводящие доминирующий дискурс о

[298] Опыт Таджикистана в сфере публичной дипломатии специально рассматривается в главе 3 (пар.3.4).
[299] Rashid A. The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism? 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017. P.20.
[300] Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии \\ Сравнительная политика. – 2017. – №8 (3). – С.96-113. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113; *См. также*: Lewis D. Central Asia: Fractured Region, Illiberal Regionalism. In: Anna Ohanyan (ed.) *Russia Abroad: Driving Regional Fracture in Post-Communist Eurasia and Beyond*. Georgetown University Press. 2018, pp. 119-134.
[301] Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. Вып. 3. – С. 73–86.;

соперничестве за влияние в Центральной Азии, опирающийся на логику «игры с нулевой суммой», разделяются не всеми специалистами. Некоторые исследователи из региона считают, что такая позиция применительно и к культурно-гуманитарному измерению «в большей степени культивируется приверженцами теорий заговора и геополитики» [302] и имеет право на существование только в какой-то степени.

Наряду с Россией и США свою «мягкую силу» в регионе продвигают и другие государства, что делает картину публично-дипломатической деятельности в регионе весьма пестрой. Однако в настоящем параграфе диссертант ограничивается рассмотрением публичной дипломатии в отношении Центральной Азии наиболее значительных государств-акторов, а именно – России, США, Китая, Турции и Ирана.

Для *России* Центральная Азии остается стратегически важным регионом не только в контексте приведенных выше факторов, определяющих значимость региона в мировой политике. Важность региона для России обусловлена также вопросами военно-политической безопасности, перспективами продвижения и углубления евразийской интеграции. Успешное продвижение последней, по мнению российских исследователей, во многом будут зависеть не только от региональных успехов России, построенных на материальных факторах, но и от российской «мягкой силы»[303]. И все это, конечно, требует от российской публичной дипломатии усилия по сохранению позитивного восприятия России не только в среде элит региона, но и в его общественном сознании.

Несмотря на объективное сокращение присутствия России в Центральной Азии с момента распада СССР и мнения некоторых экспертов об отходе на север и

---

[302] Косназаров Д. «Мягкая сила» США в Центральной Азии – программы обмена, твиттер-дипломатия и «проамериканизм» (интервью с Анной Гусаровой, директором Центральноазиатского института стратегических исследований). Портал «Central Asian Analytical Network», 12.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caa-network.org/archives/12356

[303] Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 80-91.

сравнении с географическими рубежами «ментальных границ влияния России»,[304] большинство специалистов все же уверено в сохранении относительно большого потенциала российской публичной дипломатии в регионе по сравнению с другими внешними акторами. Отмечается вовлеченность региона в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, что делает взаимодействие более тесным, чем с иными внерегиональными государствами; распространенность русского языка;[305] наличие связей с Россией, обусловленные родственными и дружескими отношениями и профессиональным взаимодействием[306]. К вышеперечисленному списку можно добавить и относительно сильные позиции местных русскоязычных и российских СМИ, а также популярность интернет-ресурсов на русском языке. Однако диссертант все же находит обоснованным и мнение некоторых российских ученых, которые относят вышеприведенные факторы к «ностальгическому ресурсу». Действительно, в регионе претензия России на лидерство, основанная «на эксплуатации темы общего прошлого и чисто количественном ресурсном преобладании, а не на привлекательном образе будущего или успешной модели национальной модернизации воспринимается частью местных элит без энтузиазма, а зачастую и откровенно враждебно».[307] Аналогичные мнения высказывают и отдельные специалисты из самого региона. К примеру, А.Гуссарова и Е.Хон из Центральноазиатского института стратегических исследований (англ. *Central Asia Institute for Strategic Studies*) в своем исследовании признают наличие у России больших мягосиловых ресурсов в Центральной Азии, однако стратегию Москвы по продвижению своей «мягкой силы» считают

[304] Яценко Е.Б. О невоенных инструментах защиты интересов России в регионе Центральной Азии и Афганистана // Вызовы безопасности в Центральной Азии: сборник / Рук. проекта Дынкин А.А., Барановский В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С.139-145.

[305] Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 63-70.

[306] Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. С. 69.

[307] Казанцев А. А. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности её использования в Центральной Азии / А. А. Казанцев, А. Л. Синегубов, С. И.Чернявский, А. А. Орлов // Ежегодник ИМИ. – 2014. – №1 (7). – С. 70-88.

чересчур политизированной, конъюнктурной и не совсем последовательной[308]. Российский специалист М.Братерский тоже замечает «ужесточение» российской «мягкой силы» в регионе, связывая эту тенденцию с экономическим кризисом. Он утверждает, что Россия пытается использовать ресурсы «жесткой силой» в качестве «мягкого» инструмента внешней политики. Другими словами, утратив «мягкую» экономическую привлекательность, Москва «взамен предложила странам региона другую услугу - обеспечение безопасности и политической стабильности правящих режимов»[309]. Приведенные аргументы во многом отражают реальную ситуацию, и это говорит о необходимости значительной корректировки внешнеполитических подходов России к центральноазиатскому региону, в том числе и в публично-дипломатическом измерении.

На сегодняшний день почти все институты публичной дипломатии России, так или иначе, работают как по тематике региона, так и в самом регионе. Одним из ведущих проектов Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова является ежегодная «Школа молодых экспертов по Центральной Азии». Данный формат представляет собой научно-образовательную программу для молодых специалистов в области международных отношений, мировой экономики, международной журналистики, а также представителей научного сообщества. В самой Центральной Азии непосредственно работают Фонд «Русский мир» и Россотрудничество, которые делают ставку на продвижении русского языка и работу с соотечественниками. Число центров и кабинетов Фонда «Русский мир», которые занимаются продвижением русского языка и российской культуры, в регионе достигает 13 единиц. Они расположены во всех странах региона, кроме Туркменистана.

В отличие от вышеупомянутого фонда, деятельность Россотрудничества охватывает все страны региона и ориентирована на выстраивание связей с

---

[308] Gussarova A., Khon E. Russian Soft Power in Kazakhstan (and Central Asia): Taken for Granted? *Central Asia Institute for Strategic Studies*, 2017. 25p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://drive.google.com /file/d/0B_ Or2oBlCdPVMkNwajhrNTFBSDg/view (accessed: 02.07.18)

[309] Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир. – 2016. – №2 (91). – С.39-48.

соотечественниками в регионе, на развитие гуманитарного сотрудничества и взаимодействие образовательных структур Центральной Азии и России. Последней сфере, а именно сотрудничеству в сфере высшего образования Россия в регионе придает особое значение, исходя из понимания, что предоставление образовательных услуг «гражданам зарубежных государств, проекты международного межвузовского сотрудничества, обучение на иностранном языке, совместные научные проекты - все это способно повысить привлекательность имиджа государства, а также укрепить межстрановые связи как на уровне элит, так и среди массовых слоев населения»[310]. Более того, российские исследователи считают научно-образовательный сегмент публичной дипломатии ресурсом, способным усилить и интеграционные процессы на постсоветском пространстве[311].

В контексте Центральной Азии к таким ресурсам российской публичной дипломатии относятся и филиалы российских вузов в регионе (филиалы МГУ имени М.В.Ломоносова в Ташкенте, Душанбе и Астане), и совместные университеты (Кыргызско-Российский, Таджикско-славянский университеты). Перспективным в этом контексте представляется формат сетевых университетов СНГ и ШОС, которые открывают новые возможности для образовательного измерения российской публичной дипломатии.

Следует отметить, что в странах региона российское образование считается достаточно престижным. Диплом российского вуза дает определенные преимущества выходцам из региона при трудоустройстве в своих государствах.[312] Этот фактор безусловно является «мягкой силой» России и наиболее перспективным инструментом в ее публично-дипломатической работе. Москва в

---

[310] Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. С. 73.

[311] Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 10-13.

[312] *См.*: Погодаев Н. П. Осиёви, ҳамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества / Н. П. Погодаев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С.183-198.; Gussarova A., Khon E. Russian Soft Power in Kazakhstan (and Central Asia): Taken for Granted? *Central Asia Institute for Strategic Studies*, 2017. 25p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://drive.google.com /file/d/0B_Or2oBlCdPVMkNwajhr NTFBSDg/view (accessed: 02.07.18)

последние годы не только увеличивает квоты для выходцев из страны региона, но и в целом усовершенствует механизмы отбора кандидатов через внедрение новых технологий. Россотрудничество, опираясь на современные передовые международные практики, создало весьма информативный портал для отбора иностранных граждан на обучение в России – *Russia.Study*. Такая цифровизация отборочного процесса, *во-первых*, делает доступной всю официальную информацию об обучении в России абитуриентам в любой точки земли при условии доступа в интернет; *во-вторых*, может способствовать транспарентности селекционного процесса и отбору наиболее достойных кандидатов.

В целом, как отмечают специалисты, вовлеченность российских высших учебных заведений в продвижение внешнеполитических задач в названном стратегически важном регионе является интересным примером симбиоза государственных дипломатических и образовательных структур, позволяющим Российской Федерации мобилизовать свои публично-дипломатические ресурсы для укрепления своего информационно-культурного и политического влияния в регионе, а российским университетам – использовать возможности Российских центров науки и культуры «для выхода на целевую аудиторию и маркетинга образовательных программ среди иностранных абитуриентов»[313].

Несмотря на наличие солидного потенциала публичной дипломатии в Центральной Азии, Россия все же имеет недостатки в системном, последовательном применении данного инструмента в регионе. Отсутствие четкой стратегии, концептуализации целей, механизмов оценки эффективности и, наконец, единой координирующей структуры публичной дипломатии делает этот инструмент российской внешней политики скорее средством достижения тактических целей, нежели долгосрочных.

Американская публичная дипломатия в Центральной Азии активизировалась после распада СССР. США попытались воспользоваться тем информационно-

[313] Фоминых А. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция // Вестник Томского Университета. – 2014. – №6. – С. 28-32.

культурным вакуумом, который образовался в регионе, и начали его заполнять продуктами американского масс-медиа. Американцы обзавелись широкой сетью ресурсных центров по всей Центральной Азии, которые активно работают с населением в самых отдаленных краях региона. Таких центров у США в регионе около 52, и важными из них являются Американские уголки (*American corners*), число которых достигает 24[314]. Эти «уголки», значимость которых в достижении американских внешнеполитических целей высоко отмечает известный американский специалист по Центральной Азии Фредерик Старр[315], занимаются распространением информации об американской культуре, внешней политике, о жизни, работе и образовании в США, то есть, вообще говоря, тем, из чего всегда состоит обычная рутинная часть работы в сфере публичной дипломатии. Можно утверждать, что эти центры работают над улучшением имиджа США в глазах широкой общественности региона, которая, по мнению американских исследователей, из-за недостаточной информации о США, информационного влияния их противников, а также последствий неоднозначных акций американской внешней политики (особенно администрации Дж.Буша мл.), питают граничащее с антиамериканизмом недоверие к Соединенным Штатам[316]. Однако данный факт, как показывает статистика, почему-то не сильно сказывается на желании граждан центральноазиатских государств получить американскую Грин карту (*Green Card*). Количество заявок от региона, то есть число тех, кто верит в «американскую мечту», хочет жить и работать в США, растет с каждым годом[317]. Показатели эти можно рассматривать как индикатор привлекательности США в регионе, что дает

---

[314] Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. Вып. 3. – С. 73–86. См. также: Fominykh A. Russia's Public Diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The Role of the Universities. The Hague Journal of Diplomacy, 2017,Volume 12, Issue 1. Pp. 56 – 85.

[315] Starr S.F. A Partnership for Central Asia. *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 4 (July/Aug. 2005). P.175.

[316] Schatz, E. Anti-Americanism and America's Role in Central Asia. National Council for Eurasian and East European Research. University of Toronto. Working paper. 2008. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_821-14_Schatz.pdf ; Schatz E, Levine R. Framing, Public Diplomacy, and Anti-Americanism in Central Asia. *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54. Iss. 3. Pp. 855–869.

[317] *См*. Приложение 1.

публичной дипломатии последних дополнительные ресурсы и пространства для маневрирования.

Публичная дипломатия США активно работает с молодым поколением граждан центральноазиатских государств, для которого изучение английского языка нередко включено в число важнейших приоритетов. Профильные ресурсные центры США в регионе предлагают не только достаточно интересные варианты изучения английского языка, но возможности применения приобретенных знаний. Участники обменных программ и выпускники американских вузов выделяются хорошей предметной подготовкой и социальной активностью. Как правило, они трудоустраиваются в западных неправительственных организациях, а их знания местных обычаев, традиций, особенностей менталитета и стереотипов помогают в повышении эффективности американской публичной дипломатии в регионе. Учитывая, что упомянутый *alumni*-контингент выделяется повышенной политической активностью, его можно считать продуктом и стратегическим ресурсом публичной дипломатии США, который может быть востребован для достижения самых разнообразных внешнеполитических установок[318].

Помимо активной работы в традиционных форматах на местах, публичная дипломатия США в регионе в последнее время активно использует возможности Web 2.0. Это объясняется, *во-первых*, более удобным способом быстрой передачи информации; *во-вторых*, значительным распространением и постоянным увеличением числа пользователей сети Интернет в центральноазиатских государствах, а также их граждан, находящихся временно за рубежом (преимущественно в России). Почти все посольства и ресурсные центры США «сидят» в самых популярных социальных сетях постсоветского пространства («Фейсбук», «Вконтакте», видеохостинг «Ютуб»). Анализ численности аудитории посольств США и РФ в ряде центральноазиатских государств в социальной сети «Facebook» показывает, что американцы по этому показателю имеют достаточно

[318] Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // Международная аналитика. – 2018. – №1 (23). – С.31-39.

солидный перевес[319]. Весьма продуктивно и на всех языках центральноазиатского региона работает проверенный временем информационный инструмент публичной дипломатии США – «Радио Свобода». Также на узбекском и персидском языках функционирует интернет-версия американского канала «Голос Америки». Благодаря сетевой активности американцы обеспечили себе относительно устойчивое информационное присутствие в региональном пространстве, которое можно использовать ситуативно, в зависимости от изменений в национальной системе стратегического целеполагания.

Деятельность американцев не ограничивается наращиванием виртуального присутствия в популярных в регионе социальных сетях, американцы занимаются подготовкой блогеров и так называемых «независимых» интернет-журналистов. В этом деле особо выделяется Internews Network – известная американская неправительственная организация, имеющая филиалы в Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане. Internews Network уделяет повышенное внимание проектам в области интернет-журналистики, разъясняя технические и правовые аспекты создания СМИ в интернете, распространяя программу TunnelBear и другие утилиты, позволяющие преодолеть блокировку социальных сетей. Данная НПО имеет противоречивую репутацию на постсоветском пространстве. Ведущий российский исследователь по публичной дипломатии США Н.Цветкова рассматривает ее деятельность как в нейтрально-позитивном (работа в России в начале / середине 90-х.), так и в осторожно-скептическом ключе в контексте «оранжевой революции» на Украине в 2004 г[320].

Некоторые российские исследователи, однако, в отношении спонсируемых США НПО на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности, выражают достаточно радикальные мнения, утверждая о причастности

---

[319] Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №3. – С.95-114.

[320] Цветкова Н. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Специальность 07.00.15 — история международных отношений и внешней политики. Санкт-Петербург, 2015. С.307-329.

этих инструментов американской публичной дипломатии к событиям «жесткосилового» содержания в регионе. Так, С.Попов пишет, что США, опираясь на опыт «цветных революций» в Грузии и на Украине, способствовали успеху государственного переворота в Кыргызстане в марте 2005 г. Этот переворот, по мнению специалиста, «стал третьей и самой кровавой «цветной революцией», инспирированной США на постсоветском пространстве, единственной удавшейся в Центральной Азии»[321]. Отмечается, что попытки демонтажа политической системы предпринимались и в других странах региона, например, в Узбекистане, однако там «власть окажется стойкой и готовой к применению военной силы – то, чего будет недоставать А.Акаеву»[322].

Примечательно, что значительную роль финансируемых американцами НПО в смене власти в Кыргызстане признают и американские специалисты, хотя он рассматривается ими как естественный процесс демократизации и торжество народной воли. По мнению М.Б.Олкотт, «немалую роль в изгнании Аскара Акаева возмущенным народом в марте 2005 г. сыграло то обстоятельство, что американцы долгое время оказывали помощь неправительственным гражданским группам в Киргизии и что здесь существовал финансируемый США независимый пресс-центр»[323].

Действительно, до начала печально известных событий в Кыргызстане, США создали разветвлённую сеть (около 6 тыс.) местных НПО, которые активно продвигали политические вопросы; американцы добились и общего доминирования в местном информационном поле, в котором проводилась целенаправленная дискредитация правительства. Использование этих публично-дипломатических ресурсов, как отмечают упомянутые выше российские исследователи, в итоге привело к кровавым столкновениям, политическому

---

[321] Попов С.Д. Киргизия в центральноазиатской политике США // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – №2(17). – С.35-59.

[322] Филимонов Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – Москва: РУДН, 2015. С.393.

[323] Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии / Московский Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Москва; Вашингтон, 2005. С. 165.

кризису и смене власти в республике. Как отмечает молодой кыргызстанский исследователь У.К. Иманалиев, «смена власти в марте 2005 года была, если не инициирована, то, по крайней мере, активно стимулирована Соединенными Штатами под лозунгом демократизации “недемократического” политического режима»[324]. «Тюлпановая революция» в Кыргызстане, таким образом, остается единственным успешным примером масштабного использования ресурсов публичной дипломатии как своеобразных средств «недружественной конкуренции» в Центральной Азии.

Несмотря на общее скептическое отношение к деятельности американских НПО в центральноазиатских странах, последние продолжают там активно работать. В последние годы ими уделяется большое внимание сфере интернет-СМИ; они регулярно приглашают IT-специалистов из США, которые читают местным коллегам лекции, проводят семинары и конкурсы[325]. Перед активистами или «народными журналистами» ставится задача по расширению русскоязычных проектов в соцсетях, распространению информации и мобилизация граждан[326].

США признают, что высокая активность американских НПО в реализации центральноазиатского направления их публичной дипломатии исходит от необходимости борьбы с «российской пропагандой» и «информационной агрессией» в регионе[327]. На эти цели, согласно данным ежегодного Отчета по публичной дипломатии и международному вещанию США (2014 фискальный год) выделялись дополнительные средства[328]. Справедливости ради следует отметить, что в последних отчетах в контексте Центральной Азии уже не встречаются столь

---

[324] Иманалиев У.К. Деятельность американских неправительственных организаций в Киргизии // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2016. – №8 (560). – С 103-118.
[325] Попов Д.С. Цифровая дипломатия США в Центральной Азии. М.: Российский институт стратегических исследований, 27.06.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riss.ru/analitycs/2566/
[326] Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США в Евразии: влияние на Русский Мир // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.96-99.
[327] Примечательно, что такую оценку информационного измерения российской публичной дипломатии некоторыми российскими исследователями преподносится как подтверждение «положительной динамики роста российского влияния на зарубежные страны». *См.*: Смирнов Н.А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – С.58.
[328] United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2015. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2014 Budget Data. South and Central Asia Region. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/247334.pdf

жесткие словосочетания при оценке российской информационной деятельности, в докладах за 2016 и 2017 фискальные годы растущее влияние России и Китая в регионе называется вызовом для национальных интересов США[329].

В целом, утверждение о том, что усилия США по *демократизации* Центральной Азии приносят непосредственные политические дивиденды, было бы достаточно спорным. Не стоит переоценивать и общую эффективность американской публичной дипломатии для достижения этой цели. Однако задачи, решаемые с помощью средств публичной дипломатии, носят долгосрочный, стратегический характер и связаны с вопросами закрепления американского присутствия в центре евразийского континента. Поэтому представляется, что США, несмотря на все нюансы политической риторики нынешней республиканской администрации Белого дома, не только не прекратят профильную работу, но, наоборот, будут ее наращивать и, скорее всего, не откажутся от большинства непопулярных установок на этапе 2016-2020 гг.

Наряду с Россией и США, в последние годы в Центральной Азии свою «мягкосиловое» присутствие активно наращивает *Китай* – один из ключевых экономических партнеров стран региона[330]. КНР придает большое значение развитию народных связей в контексте реализации своего амбициозного проекта «Один пояс - один путь». Ресурсы публичной дипломатии призваны обеспечить общественную поддержку проекту, сформировать правильное понимание его целей и выгоды для всех участников. Государства Центральной Азии в этом плане не являются исключением. Да и вне контекста данного проекта активное наращивание экономического сотрудничества Китая с государствами Центральной Азии, которое, по мнению исследователей, Пекин воспринимает как инструмент

---

[329] См.: United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2017. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/274950.pdf (accessed: 03.11.2018); United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2018. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2017 Budget Data. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/287683.pdf (accessed: 01.03.2019).

[330] Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России. РСМД, 04.07.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/

своего влияния, канала распространения культуры и «мягкой силы»[331], фактическое доминирование в этой области и резкое увеличение «Китая» и всего «китайского» в регионе может способствовать росту китаефобии[332]. Во избежание такого неблагоприятного сценария необходимо формирование положительного образа Китая в общественном сознании стран Центральной Азии, и здесь публичная дипломатия в ее культурно-гуманитарном измерении становится необходимым элементом внешней политики Поднебесной. Более того, как отмечают специалисты, нынешнее руководство Китая стремиться изменить имидж Китая в глазах центральноазиатских государств, пытаясь показать, что «времена, когда китайцы видели во всем только свою выгоду, прошли»[333]. Активно этот дискурс, как было отмечено, продвигается при обосновании выгоды от проекта «Один пояс и один путь». В изданном внешнеполитическим ведомством КНР документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века» проект «Один пояс и один путь» представляется как путь взаимного уважения и взаимного доверия, сотрудничества и общего выигрыша. Помимо экономических выгод, данный проект, как отмечается в документе, призван «расширить гуманитарные обмены между народами и взаимообогащение культур... позволит народам разных стран чаще встречаться и больше познать друг друга, тогда будет и больше взаимодоверия и взаимоуважения, и все они будут жить в гармонии, спокойствии и достатке»[334].

Как отмечают американские исследователи П.Стронски и Н.Николь, на современном этапе Китай для укрепления своих интересов в Центральной Азии

---

[331] Казанцев А. А., Звягельская И. Д., Кузьмина Е. М., Лузянин С. Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. – М.: РСМД, 2016. С.18.

[332] Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // ARS ADMINISTRANDI. – 2016. – С. 160-177.

[333] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В. В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 35.

[334] *См.*: «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции (издано с санкции Госсовета КНР). Март, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml (дата обращения: 18.07.2018).

использует инструменты «мягкой силы», в отличие от, например России, которая имеет в регионе инструменты / институты жесткосилового характера.[335] Однако под «мягкой силой» названные авторы подразумевают экономику, которая является скорее «жесткой силой». Растущую экономическую экспансию Китая в регионе удачно описывает концепция «липкая сила» (*sticky power*), которую американский профессор Уолтер Рассел Мид метафорически объясняет охотничьей стратегией росянки. По его мнению, хищное растение, завлекает добычу методом, чем-то напоминающим методы «мягкой силы», то есть насекомое привлекает в ловушку приятный запах. Однако, как только оно касается покрытого соком листа, оно увязает и не может вырваться[336]. Растущая экономическая зависимость от Китая стран Центральной Азии уже сейчас вызывает настороженность не только местных элит, опасающихся посягательств Пекина на государственный суверенитет в ситуации кризиса[337], но и негодование широкой общественности[338].

Все эти факторы не могут не оказывать отрицательное влияние и на формирование благоприятного регионального контекста продвижения китайской «мягкой силы». Китайцам будет не легко сохранять баланс между привлекательностью и фобиями по отношению к себе. Сами китайские исследователи отмечают, что «первоначальной задачей Китая остается ослабление антикитайских настроений в регионе»[339], а публичную дипломатию называют

---

[335] Stronski P., Nicole Ng. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Carnegie Endowment for International Peace. February 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/CP_331_Stronski_Ng_Final1.pdf

[336] Mead Walter R. America's Sticky Power. *Foreign Policy*. 2004. No.141, pp. 46-53.
См. также: Mead Walter R. *Power, terror, peace, and war: America's grand strategy in a world at risk*. New York: Knopf. 2004. 226 p.

[337] Сушенцов А. Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии // Аналитическое агентство «Внешняя политика», 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ekonomicheskaya-ekspansiya-kitaya-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 29.05.2017)

[338] *См.*: Хуррамов Х. Ҳарос аз Чин дар Осиёи Марказӣ аз кучо маншаъ мегирад? (Откуда возникает синофобия в Центральной Азии? - *на тадж.*) Радио «Озоди», 09.11.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ozodi.org/a/29588235.html (дата обращения: 11.12.2018); Хуррамов Х. Шиддат ёфтани руҳияи зиддичинӣ дар Қирғизистон (Усиление антикитайских настроений в Кыргызстане - *на тадж.*). Радио «Озодӣ», 15.01.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ozodi.org/a/ china-kyrgyzstan/29710719.html (дата обращения: 15.01.19).

[339] Ли М. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 154.

важным инструментом в борьбе с надуманной, враждебной концепцией «китайской угрозы»[340]. Активное наращивание КНР своей социально-гуманитарной деятельности в Центральной Азии, в частности в области культуры и образования, является логичным ответом на упомянутые вызовы.

В русле идей вышеназванного документа, призывающего к укреплению обмена и сотрудничества между общественными организациями стран вдоль Шелкового пути, сосредоточению внимания на народных массах, в Центральной Азии динамично развивается культурно-образовательное измерение китайской публичной дипломатии. Стоит отметить, что с момента открытия первых институтов Конфуция (2004 год в Корее), которые курируются государственной канцелярией по продвижению китайского языка за рубежом - Ханьбань, их число значительно увеличилось. На 2017 год, по данным агентства Синьхуа, в 142 странах мира функционировало уже 516 институтов и 1076 классов Конфуция, а общее количество их слушателей достигло 7 млн. человек[341]. В Центральной Азии кроме Туркменистана функционируют 10 таких институтов и 12 классов, в которых на обучение охвачено более 23 тыс. студентов[342]. Для проецирования китайского культурного влияния в Центральной Азии в столице Синьцзяна - городе Урумчи с 2010 г. действует специальная база по распространению китайского языка в странах региона. Результатом ее работы, по мнению некоторых исследователей, стало усиление культурной экспансии Китая в Центральной Азии[343]. Это при том, что эффективность деятельности института Конфуции в развитых странах даже некоторыми китайскими исследователями ставится под сомнение. По их мнению, эти институты не способны укрепить китайскую «мягкую силу», поскольку в развитых демократических странах в них видят инструменты пропаганды Китая,

---

[340] Цзи Кайси. Связи с общественностью в структуре публичной дипломатии (по материалам российско-китайских отношений): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – С. 97.
[341] 516 Институтов Конфуция созданы в 142 странах мира. Агентство Синьхуа, 30.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm
[342] Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. – 2015. – №1. – С.80-117.
[343] Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // ARS ADMINISTRANDI. – 2016. – С. 160-177.

угрозу академической свободе[344]. Другими словами, агрессивное продвижение культурных инициатив КНР через институты Конфуция становится триггером еще одной «китайской угрозы».

В развитии образовательного сегмента центральноазиатское направление публичной дипломатии Китая тоже демонстрирует впечатляющие успехи. В 2015 году в Китае обучались более 13 тыс. студентов из Казахстана – в 3,5 раза больше, чем в 2005 году[345]. Примечательно, что в случае с Кыргызстаном образовательный обмен с Китаем носит двусторонний характер, хотя и с внушительным перевесом китайцев. Так, на январь 2015 года в китайских вузах обучались около 10 тыс. киргизских студентов, а в вузах Кыргызстана около 1 тыс. китайцев. Число таджикских студентов в Китае не доходит до тысячи, однако количество квот с китайской стороны ежегодно увеличивается[346], что говорит о активизации образовательного сегмента публичной дипломатии Китая и в этой стране. Можно согласиться с мнением российского специалиста по региону Д.Малышевой, что «расчет при этом делается не на одну только культурно-просветительскую сферу. Ставится также задача сформировать в странах ЦА прокитайскую политическую элиту»[347]. В этом русле заслуживает внимания утверждение Д.К.Бабаяна о существующих тенденциях использования Китаем «демографического окна» в регионе. По его мнению, в Центральной Азии формируется китайская диаспора, которая «интегрировавшись в общества стран региона, будет содействовать развитию связей с Китаем и по мере возможностей содействовать укреплению его позиций в этих странах»[348]. Усилению вышеназванной тенденции может

---

[344] Zhou Y, Luk S. Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power? *Journal of Contemporary China*. 2016. Volume 25. Issue 100. Pp.628-642.

[345] Российские студенты в Китае. Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php#_ftn1

[346] Акмал Маннонов. Я китайский бы выучил только за то... Asia-Plus, 11.02.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20170211/ya-kitaiskii-bi-viuchil-tolko-za-to

[347] Малышева Д.Б. Азиатский вектор внешней политики постсоветских государств Центральной Азии // Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 60-72.

[348] Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX - начале XXI вв: дис. ... докт. истор. наук: 07.00.15. – М. Институт Востоковедения РАН, 2016. С.202.

способствовать и рост численности китайской рабочей силы в государствах Центральной Азии[349].

Параллельно с рассмотренными выше аспектами публичная дипломатия Китая стремится к усилению своего присутствия в информационном пространстве Центральной Азии. С этой целью на регион с территории приграничного Синьцзяна начала вещание русская служба Центрального телевидения КНР. Активизировались также русскоязычные редакции информационного агентства «Синьхуа», газеты «Жэньминь жибао», Международного радио Китая. Но пока, по мнению российского обозревателя А. Шустова, Китай не в состоянии на равных конкурировать за информационное влияние в регионе, где сильны позиции России и США, спонсирующие как региональные русскоязычные СМИ, так и медиа на местных языках[350].

Обладая солидным потенциалом «мягкой силы», публичная дипломатия Китая, как инструмент продвижения этой силы в Центральной Азии, сталкивается с рядом ограничений. Это и объективно растущее экономическое влияние Китая в регионе, генерирующее новые и усиливающее существующие стереотипы в отношении Поднебесной, и отсутствие универсальных культурных ценностей со странами региона, и, наконец, централизованный характер руководства публично-дипломатической деятельности, что лишает ее гибкости и возможности обращения к ресурсам негосударственных участников. Последнюю из названных проблем публичной дипломатии КНР обстоятельно анализирует китайский специалист Ху Шаоминь в своей диссертации[351].

Круг вне-региональных акторов публичной дипломатии в отношении Центральной Азии, конечно, не ограничивается Россией, США и Китаем. На

---

[349] *См.* Приложение 2.

[350] Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. Информационно-аналитический портал «Евразия.Эксперт». 09 Января 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/

[351] Xy Sh. The Evolution of Chinese Soft Power: Its International and Domestic Roles: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy of the University of Western Australia, 2016. 358 p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://api.research-repository.uwa.edu.au/portalfiles/portal/14771493/THESIS_DOCTOR_OF_PHILOSOPHY_XU_Shaomin_2016.pdf (accessed 20.08.2018).

данном направлении в регионе активно работают много других акторов, деятельность которых автор здесь не будет подробно анализировать, а лишь выделит некоторые из них.

В исследовательском дискурсе по публичной дипломатии в контексте Центральной Азии регулярно упоминаются *Турция* и *Иран*. Действительно, эти государства с самых первых дней независимости государств Центральной Азии стремились к усилению своих позиций в регионе. Это был период, когда активно создавались историко-культурные аргументы, на основании которых разные внешние силы пытались «политтехнологическими средствами сформировать у центральноазиатских народов ощущение общности с ними»[352]. Публичная дипломатия Ираном и Турцией активно применялась в ее духовном и культурно-образовательном измерениях. Если Тегеран, опираясь на языковую и этническую близость с таджиками, стремился закрепиться в Таджикистане[353], то Анкара видела возможность проецирования своего влияния на остальные близкие ей по этнокультурным признакам народы региона[354].

В странах региона открылось большое число турецких образовательных учреждений, финансируемых движением «Хизмет»[355], которое возглавляет известный турецкий проповедник и ученый Фетхулла Гюлен. За более 20 лет

---

[352] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. 2008. С.44.

[353] Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х. Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред.М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 194-216.

[354] Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №2. – С. 30-36.

[355] Движение «Хизмет» (переводится как «Служение») Ф.Гюлена большинство специалистов относят к структурам исламистского толка. Идеология Гюлена носит и националистическую окраску, поскольку она направлена на распространение собственной «турецкой версии ислама». Каналом продвижения такой идеологии являются и турецкие школы, аффилированные с движением «Хизмет». У светских режимов опасение вызывает тот факт, что при ослаблении государства, такие религиозные движения могут превратиться в альтернативную политическую силу. В качестве доказательства наличия политических амбиций у Ф.Гюлена часто приводятся его слова, которые тот произнес еще в 1999 году: «Вы должны двигаться по артериям системы, и никто не должен знать о вашем существовании, пока не доберетесь до всех центров власти. Пока не появятся оптимальные условия, вы должны продолжать в этом ключе…». Как отмечает Х.Явуз, «Хизмет», объединяя людей по неформальным связям, функционируют как *социальный капитал*. Регулярно помогая своим симпатизантам в решении тех или иных проблем, движение в ответ требует от них полной лояльности. Таким образом, генерируемый в религиозных сетях *социальный капитал* переходит в *политическую активность*. *См.*: Yavuz H. *Toward an Islamic Enlightenment: the Gulen Movement*. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P.78, 85, 90.

работы эти образовательные учреждения (преимущественно лицеи) завоевали большую популярность благодаря качеству преподавания, высоким результатам учащихся и их регулярным успехам на международных олимпиадах. К примеру, ученики таджикско-турецких лицеев за двадцать лет (1994-2014) деятельности этих структур на международных олимпиадах завоевали 575 медалей (107 золотых, 158 серебряных и 310 бронзовых).

По словам экспертов, до недавнего времени активная деятельность турецких лицеев в Центральной Азии была выгодна официальной Анкаре; эти школы выступали в качестве канала продвижения турецкой «мягкой силы» в регионе[356]. Однако с 2016 года отношение руководства Турции, в первую очередь, президента Реджепа Тейипа Эрдогана, кардинальным образом изменилось к деятельности Ф.Гюлена. Последнего обвинили в попытке осуществления государственного переворота; тысячи его сторонников были арестованы, Анкара потребовала от ряда стран закрыть на своих территориях аффилированные с «Хизмет» образовательные структуры. Государства Центральной Азии не стали исключением, поскольку в регионе функционировало большое число образовательных структур: одних только лицеев в Казахстане 30, в Кыргызстане 22, а в Таджикистане 6[357].

Несмотря на возмущение общественности в странах Центральной Азии относительно перспективы закрытия турецких лицеев, принципиальная позиция Анкары в данном вопросе все же вынудила государства региона пойти на определённый компромисс в виде ре-брендинга или «национализации» этих образовательных структур. В 2015 году таджикское руководство приняло решение о лишении турецкой компании «Шалола» статуса учредителя таджикско-турецких лицеев. Последние были переименованы в лицеи для одаренных детей и перешли на полное самофинансирование. Казахстанское руководство, не видящее, по

[356] Что находится за фасадом турецких лицеев в Центральной Азии? Портал «Central Asian Analytical Network» 19.07.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caa-network.org/archives/13687

[357] Турецкие лицеи функционировали и в Туркменистане и Узбекистане, однако по политико-идеологическим соображениям, еще до ухудшения отношений между движением «Хизмет» и Эрдоганом, эти школы были закрыты (в Узбекистане в 2000 году, в Туркменистане в 2011 г.).

мнению экспертов, реальной угрозы безопасности в казахско-турецких лицеях[358], тем не менее тоже откликнулась на просьбу Турции. Казахско-турецкие лицеи получили новое название «Білім-инновация лицейі» и в 2017 году были переданы Министерству образования республики.[359] В отличие от своих региональных соседей, Кыргызстан не сразу уступил давлению Турции. Когда в 2016 году глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу в приказном порядке потребовал от Бишкека закрыть ряд образовательных учреждений, связанных с «Хизмет», предупредив о том, что в Киргизии могут произойти теракты и даже переворот, экс-президент республики Алмазбек Атамбаев резко отреагировал, назвав абсурдной идею закрытия дающих качественное образование лицеев. Внешнеполитическое ведомство Кыргызстана призвало Турцию не вмешиваться во внутренние дела страны. Однако для снятия обвинений в «террористической угрозе»[360] Бишкек все же проделал определенные шаги: в 2017 году школы были переименованы из «Себат» в «Сапат», изменились модели обучения и устав, а самое главное – одним из учредителей образовательно сети стало Министерство образования Кыргызстана.

История с образовательными структурами Ф.Гюлена в Центральной Азии, которые в течение многих лет рассматривались Турцией в качестве инструмента ее публичной дипломатии, позволяет сделать следующие выводы: *во-первых*, Анкара фактически инициировала борьбу со своей «мягкой силой» в регионе; образовательные структуры Ф.Гюлена, несмотря на продвижение идеологии движения «Хизмет», способствовали и распространению турецкого языка и культуры. *Во-вторых*, данная история является достаточно редким примером ситуации, когда деятельность негосударственного актора, рассматриваемого в

---

[358] Султанмуратов Н. Образование по-турецки, или Фактор Гюлена в Казахстане. – Алматы. Институт азиатских исследований, 2018. – 16 с.

[359] Вопрос с казахско-турецкими лицеями закрыт – Назарбаев. Режим доступа: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/vopros_s_kazahskoturetskimi_litseyami_zakrit__nazarbaev_date_2017_09_15_14_44_27

[360] «Террористическая угроза» со стороны структур Ф.Гюлена, которая изначально артикулировалась турецкими властями, в итоге было признано и на уровне Организации Исламского Сотрудничества, членами которой являются все государства Центральной Азии. *См.*: Resolution No 47/43-POL on the Fethullah Terrorist Organization (FETO). 43rd Session of the Council of Foreign Ministers. Tashkent, 18-19 October 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=286&refID=22

качестве механизма публичной дипломатии конкретного государства на определенном международном пространстве, вступает в противоречие с политикой последнего. *Во-третьих*, как утверждают специалисты, в чиновничьем корпусе в странах региона (особенно в Кыргызстане и Казахстане) находится большое количество выпускников вышеназванных учреждений[361], то есть симпатизантов движения «Хизмет». Вряд ли их отношение к Турции и ее политике в регионе останется без изменений. И, *в-четвертых*, «национализация» упомянутых турецких учреждений в регионе произошла под давлением Турции, а не в результате осознания их угрозы самими странами региона. В контексте Центральной Азии очевидными *последствиями* работы упомянутых школ стал рост количества образованных и относительное увеличение числа религиозных людей. Все остальное, по словам экспертов, находится в области конспирологии[362]. В конечном итоге, можно утверждать, что даже после переименования, упомянутые школы продолжают действовать в качестве инструмента «мягкой силы» Турции в регионе, поскольку все еще широко ассоциируются с Турцией.

Конечно, упомянутыми выше структурами научно-образовательное измерение турецкой публичной дипломатии в Центральной Азии не ограничивается. Сегодня Турция регулярно оказывает различные виды помощи университетам Казахстана, организовывает тренинги для государственных служащих, представителей бизнеса республики, также Анкара предлагает различные варианты стажировок для казахстанских студентов[363]. С 2000 г. Турецкое агентство международного сотрудничества и развития (TIKA) начала реализацию проекта «Тюркология», в рамках которого «для увеличения числа исследований Турции в международном научном сообществе и повышения уровня

---

[361] *См.*: Аксай Х. «Тайип-аби» в прошлом: напряженность вокруг Гюлена на постсоветском пространстве. ИноСМИ, 06.08.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inosmi.ru/politic/20160806/237460837.html; Кулик В. «Мягкая сила» Гюлена в постсоветкской Евразии. Портал «PolitRus», 29.07.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politrus.com/2016/07/29/fethullah-gulen/

[362] Султанмуратов Н. Образование по-турецки, или Фактор Гюлена в Казахстане. – Алматы. Институт азиатских исследований, 2018. – 16 с.

[363] Abzhaparova L, Kaliyeva A, Tokmurzayeva A. The role of public diplomacy in the strategy of development between Kazakhstan and Turkey. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2016. Vol. 11, no.18, pp. 11073-11080.

заинтересованности Турцией у граждан других государств»[364] в ведущих зарубежных вузах открываются кафедры по изучению Турции. По этой линии TIKA в центральноазиатском регионе были открыты кафедры турецкого языка и литературы в вузах Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Энергичной в регионе остается публичная дипломатия Турции по линии ТЮРКСОЙ - Международной организации тюркской культуры, занимающаяся распространением традиций тюркского мира. Однако эту структуру уже сложно рассматривать как инструмент сугубо турецкой публичной дипломатии, возможности «тюркской площадки» в своей публичной дипломатии использует и Казахстан[365]. Выраженная в идее тюркского мира идеологическая основа публичной дипломатии Турции представляется привлекательной и перспективной для этнически близких народов Центральной Азии, но для роли главного «покровителя» региона у Анкары пока просто не хватит ресурсов.[366] В перспективе, однако, можно прогнозировать наращивание публично-дипломатической активности Анкары в регионе, учитывая позитивную динамику развития глобальной деятельности TIKA, который работает в 170 странах мира и тратит значительные средства (почти 4 млрд. долларов в 2015 году) на программы содействия развитию. Центральной Азии, где TIKA располагает представительствами во всех странах, агентство уделяет большое внимание[367]. Учитывая то, что именно направление содействия международному развитию становится одним из главных элементом в системе публичной дипломатии современной Турции[368], можно ожидать дальнейшее наращивание присутствия Анкары в Центральной Азии.

---

[364] Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.145-166.

[365] Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития. // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №:5 (44). – С.42-49.

[366]Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С.184.

[367] Подробнее на официальном сайте TIKA. Режим доступа: http://www.tika.gov.tr/en/page/about_us-14650 *Также см.* Приложение 4.

[368] Senem B. Çevik. Narrating Turkey's Story: Communicating Its Nation Brand through Public Diplomacy. *Middle Powers in Global Governance: The Rise of Turkey,* ed. Emel Parlar Dal. 2018. NY: Palgrave Macmillan. P.213-230.

Наряду с Турцией в Центральной Азии свою «мягкую силу» продвигает и Иран. Начиная с 90-х годов, Тегеран динамично развивал научно-образовательный сегмент своей публичной дипломатии в регионе, привлекая студентов, спонсируя публикации научно-популярных и академических журналов. Отдел культуры посольства Ирана в Душанбе сыграл важную роль в учреждении Института по изучению таджикско-персидской культуры. Душанбинский центр Организации по культуре и исламским связям – иранский аналог Британского совета или китайской сети Институтов Конфуция, считался одним из самых активно работающих культурных учреждений Ирана за границей[369]. В Казахстане, Туркменистане и Кыргызстане иранские ученые-филологи занимались подготовкой местных иранистов, издавали двуязычные словари. Хотя не все эти начинания нашли успешное продолжение, но «определенный человеческий капитал и симпатии представителей центральноазиатского населения... Иран, безусловно, приобрел»[370].

Российский ученый О.Леонова утверждает, что у некоторых стран есть некая «внутренняя сила», которая «заставляет её уважать и привлекает к ней сердца народов других стран»[371]. В качестве примера она приводит феномен «мягкой силы» Ирана в странах Центральной Азии. Соглашаясь с ней, диссертант, однако, отмечает, что ученый все же оставляет без внимания специфику практического проявления этой «внутренней силы» Ирана в регионе и ее полезность как прикладного внешнеполитического ресурса. Дело в том, что продвижение Ираном своей «мягкой силы» в ее кажущемся наиболее перспективным сегменте – культурном, в регионе всегда воспринималось с определенной долей подозрения. К примеру, Узбекистан почти всегда позитивно воспринимал инициативы Ирана в торгово-экономической сфере, но намеренно отводил предложения иранцев о расширении сотрудничества в культурной области. Как отмечают специалисты,

---

[369] Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Том 17 (Вып. 4). – С. 131–144.

[370]Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. С. 85.

[371] Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

контакты в сфере культуры между двумя странами Ташкентом торпедировались не только из-за боязни проникновения по этим каналам идей исламского фундаментализма[372], но из-за опасений относительно «роста проиранских настроений в Самарканде и Бухаре, населенных в основном родственными иранцам таджиками»[373].

В соседнем Таджикистане речь, конечно, не шла о проявлении такой степени осторожности к иранским культурным инициативам, таджикско-иранские отношения в целом развивались достаточно динамично. Однако за последние несколько лет, именно Таджикистан становится самой проблемной страной в регионе для Ирана. Между Душанбе и Тегераном отношения сильно ухудшились в декабре 2015 года, когда таджикское внешнеполитическое ведомство вручило ноту протеста иранскому послу по причине приглашения на одну авторитетную религиозную конференцию в Тегеране Мухиддина Кабири – лидера запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Неоднозначная позиция Ирана по этому вопросу вызывает сомнение Таджикистана в искренности «братских отношений» между двумя странами[374]. Таджикской стороной были предприняты шаги по закрытию иранских культурных, научно-образовательных центров, была приостановлена работа иранского Комитета помощи «Имдод» имени Имама Хомейни[375]. Все эти негативные тенденции в ирано-таджикских отношениях сузили поле для деятельности публичной дипломатии Ирана в Таджикистане. Здесь необходимо отметить мнения некоторых специалистов, не без основания утверждающих, что на ухудшение иранско-таджикских отношений повлияла и целенаправленная дискредитирующая работа извечного конкурента Ирана - Саудовской Аравии[376]. Саудиты в последние годы

---

[372] Месамед В.И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. С.80.

[373] Вихрев М. Ирано-узбекские отношения на современном этапе. Институт Ближнего Востока, 02.04.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=3548

[374] МИД Таджикистана направило ноту посольству Ирана, Asia Plus, 29 декабря, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://news.tj/ru/node/219814

[375] Отношения Тегерана и Душанбе: вчера и сегодня (на перс. языке). ИА «Habar-online». 29.08.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ettelaat.com/etiran/?p=302498

[376] Shafiev A. Iran and Tajikistan: A Story of Love and Hate. *Central Asia Policy Brief* No. 34, February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9320 (accessed: 11.09.2018).

энергично занимались формированием общественного дискурса об «угрозе распространения шиизма» в Таджикистане. Активную работу Эр-Рияда по ослаблению иранского влияния в Таджикистане подтверждают и просочившиеся через *WeakiLeaks* официальные дипломатические документы[377].

На фоне меняющихся реалий, иранские специалисты признают, что их страна в Центральной Азии в сфере публичной дипломатии уступает другим державам (называются Россия, США, Турция), поэтому предлагают быть предельно прагматичными, не руководствоваться идеологическими мотивами, активнее задействовать фактор историко-культурной общности Ирана с регионом, использовать возможности неправительственных организаций, бизнеса в продвижении иранских интересов в Центральной Азии[378].

Картина публично-дипломатической вовлеченности / активности внерегиональных акторов в Центральной Азии не ограничивается упомянутыми выше государствами. Последние в регионе, на взгляд диссертанта, имеют более солидные ресурсы «мягкосилового» влияния, опыт и готовность его проецирования. Данное утверждение можно подкрепить/проиллюстрировать методикой SWOT-анализа[379] (см. *Таблица 1*.). Автор считает необходимым отметить пример использования данной методики при изучении «мягкой силы» внерегиональных акторов в Центральной Азии[380], однако в содержательном плане SWOT-анализ в настоящем диссертационном исследовании опирается на широкий перечень других профильных исследований и на аналитические калькуляции самого диссертанта. Также, диссертант уточняет, что методика SWOT-анализа в настоящей работе применяется в симплифицированном варианте – без формулирования конкретных

---

[377] Hubbard Ben & El Sheikh Mayy. WikiLeaks Shows a Saudi Obsession With Iran. The New York Times. July 16, 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2015/07/17/world/middleeast/wikileaks-saudi-arabia-iran.html (accessed: 11.09.2018).

[378] Azadi S., Maghsoodi M., Mehrpouyan A. Performance Analysis of Cultural Diplomacy of Iran in Central Asia. *International journal of humanities and cultural studies,* 2015.Vol. 2, issue 2, pp. 663-690.; Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 113-138.

[379] SWOT - анализ как метод прикланой политологии представляет собой единый анализ сильных (*Strengths*) и слабых (*Weaknesses*) сторон, возможностей (*Opportunities*), опасностей/угроз (*Threats*) в деятельности политической организации (в нашем случае – система публично-дипломатической деятельности государств).

[380] *См.*: Летняков Д., Емельянова Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия // Мир России. – 2017. – №26(4). – С.118-142.

предложений рассматриваемым государствам для оптимизации их политики в сфере публичной дипломатии.

Таблица 1. SWOT-анализ публичной дипломатии РФ, США, КНР, Ирана и Турции в Центральной Азии [381].

СТРАНА	Характеристика ключ. ресурсов, формирующих потенциал «мягкосилового» влияния в регионе	Публичная дипломатия			
		S *сильные стороны*	**W** *слабые стороны*	**O** *возможноти*	**T** *угрозы*
РОССИЯ	♦ Вовлеченность в интеграц. проц. на евраз. простр. ♦ распростр-сть русского языка ♦ значительный опыт историч-го общежития с народами рег-на ♦ сохранившиеся с советских времен научно-образовательные культурные, профессион-ые и личн. связи ♦ престиж рос. образования; ♦ сохранение статуса основн. реципиента миграционных потоков из ЦА	♦ Работа по продвижению русского языка и культуры ♦ значительное информационное присутствие ♦ активное привлечение в вузы РФ студентов из ЦА ♦ экспертные и дисскусионные форматы с участ. специалистов из региона ♦ гуманитарная помощь странам региона	♦ Отсутствие системности и последоват-сти, единого коорд-го органа и механиз. оценки эффектив. публично-дипл. политики ♦ основной акцент на работе с «со-отечествен. за рубежом» ♦ отсуствие уник-й социо-экономич. и политической модели + системы ценностей ♦ недостаточное использование информац. ресурс. + отсуствие инфо-агентств на всех языках региона	♦Переосмыс-ние: бо́льший акцент на взаимодей-ии с гражданским обществом рег-на, с мол. поколен-ем ♦ наращивание прогр.студенчес. обменов, повыш. прозрачности механизмов отбора канд-ов ♦ поддержка исследователей из ЦА, реализ-я сов-х научных проектов ♦ более активное привлечение эксперт. сооб-ва к вопросам оптимиз. работы рос. публ. дипломатии в ЦА	♦ Постепенное сокращ. ареала русского языка ♦ попытки экон-й переориентации госуд-в региона на других акторов ♦ растущая конкур. на рынке образов. услуг ♦ наращивание информационного присутствия США в регионе, которое открыто ставить целью борьбы с российским информационным влиянием в ЦА
США	♦ Популярность амер. массовой культуры ♦ авторитет амер. научной и интел-лектуальной продукции ♦ престижность англ. языка ♦ престижность американского образования и образоват-ых программ ♦ притягатель-сть «американской мечты» (в ее социо-эконом. измерении)	♦ Разнообразие образовательных/ языковых прог. ♦ программы преодоления бедности и борьбы с гендерной дискриминацией ♦ стабильное информационное присутствие (работа на всех языках региона) ♦ гуманитарная помощь	♦ Неоднозначное воспр. госуд-ами региона амер-их ценност. устан-к ♦ негат. отнош-е к роли публ. дипл. США в некоторых трагич. событиях в регионе ♦ продвижение америк. информ. инструментами ценностей, противоречащих традиционным нормам региона	♦ Укрепление *социального капитала*, т.е. увеличение колич. госслуж-х с амер. образ-м, которые толерантно относятся к экон. гуман. стандартам США ♦ особое вним-ие популярных региональных информац-ных инструментов США к пробл-м мигрантов из региона в других странах (в основ. в России)	♦ Активизация публ. дипломатии России и Китая ♦ сдерживание реализации амер. проектов как часть стремления местных элит к балансу сил среди влиятельных акторов в регионе ♦ повыш. уровня религиозности населения, которое резко негативно относится к определенным пропагандир-ым США ценностям

[381] Ввиду необходимости составления компактной таблицы и технических ограничений, автором в сформулированных тезисах, многие слова приводятся в сокращенном, но доступном для понимания, варианте.

КНР	♦ Статус глоб. экономической державы ♦ богатое истор-культурное насл. ♦ прагматичная внеш. политика без навязывания ценностей ♦ террит. прож-я достаточно боль-го чис. мусуль-н и этнически близких народам ЦА групп населения ♦ растущий интерес к изуч-ю кит-го языка	♦ Наращивание образовательных программ, в том числе обменов со странами ЦА ♦ профильные структуры по продвижению китай. языка и культуры ♦ инициативы экономического сотрудничества и оказание помощи без привязки к ценностям	♦ Отсутствие универсальных культурных ценностей со странами региона ♦незаметное пристутствие на информационном пространстве собственными реурсами ♦ чрезмерный этатизм системы публ. дипломатии	♦ Использование фактора этнокультурной общности своих нац.меньшинств для формир-ия транснац-ых культурных связей со странами ЦА ♦ растущая популярность китайского языка среди молодого поколения в ЦА ♦использование фактора растущ. экономического присутствия через взаимодействие с экспертными кругами региона	♦ Распространение в различных кругах ЦА идей о т.н. «китайской угрозе» в связи с излишней финанс. зависимости от Китая ♦ усиление сино-фобских настр-й в связи с увелич-ем числа китайских граждан в странах региона ♦ противореч-сть политики «*пере-воспитания*» для мусульман в регионе Синьцзян
ИРАН	♦ Фактор этнокультурной общности (в ЦА – с Тадж-ном) ♦ богатое истор-культур. насл-е, соприкасающееся с истор. гос-в и народов ЦА ♦ высокий автор-ет иранского религ. образо-я ♦ научно-технич. (в военно-косм. и медиц. обл-ях) достижения вопреки междун. санкциям	♦ Научно-образов. сотрудничество ♦ определенные экономические/ инветиционные успехи в регионе ♦деятельность благотворит. структур	♦ Религ. элементы в практике публ. дипломатии, что с осторожностью воспринимается светскими гос-ами региона ♦ незаметное информ-е присут-е ♦ слабая культур-я дипломатия	♦Активизация культурной дипл. без религиозной составляющей ♦популяризация научно-технич. достижений в региональной академической среде ♦ активизация научных и образ-х обменов ♦формирование общих аналит-х площадок с *think tanks* региона	♦Публичная дипл. США как элемент санкционного давления ♦ ухудшеие отн-й с Таджикистаном, официальный дискурс которого рисует ИРИ как деструктивный актор ♦влияние радик-х течений ислама суннитского толка, негативно относящихся к ИРИ – шиитскому государству
ТУРЦИЯ	♦ Этнокультурная общность со странами ЦА ♦привлекательная модель политич. организ. общ-ва ♦ популярность турец. кинопрод. способствующей росту интереса к турецкому языку и культуре ♦ восприятие как авторитетного регионального государста и защитника интересов глоб. *уммы*	♦ Реализация инициатив по формированию площадок для сотрудничества и коммуникации тюркского мира ♦ активная работа турецких школ в регионе ♦ наращивание помощи странам региона по линии СМР	♦ Переосмысление роли и отношения к образоват-ным структурам движ. «Хизмет» ♦ слабое присут-ие на информац-ом поле региона ♦ недостаточное использование ресурсов образов. измерения турец. публ. дипломатии	♦ Сохранение позитив. репутац. качества образ-ия в турецких школах в регионе ♦ предложение турецкой модели, как оптимального варианта для традицонных обществ и светских госуд-в ♦ популяризация турецкого высш. образов-я и вузов ♦ дальнейшее наращивание культ-й дипл. на общетюркских площадках	♦ Опасение в регионе о чрезмер. влиянии соврем. турец. культуры ♦ Неодобрительное отношение к попыткам Анкары выступать в качес. «старшего брата» для тюркояз-ых государств ЦА ♦ влияние сторон-ников Гюлена, которые могут стать ограничи-телем турецкой публично-диплом. инициатив

Рассмотрение государств Центральной Азии в качестве объектов публичной дипломатии вне-региональных держав показывает, что на данном направлении в регионе активно работают многие акторы. Помимо рассмотренных примеров, можно упомянуть индийскую или японскую публичную дипломатию в регионе, преимущественно реализуемую через культурно-образовательные проекты и программы содействия развитию[382]; публичную дипломатию Европейского союза, который, по мнению некоторых центральноазиатских экспертов, имеет сравнительное конкурентное преимущество перед остальными игроками в сфере «мягкой силы»[383].

Европейский Союз в Центральной Азии работают в рамках программ среднесрочного сотрудничества, реализация которых сталкивается с разными ограничениями. Например, работу неправительственных европейских организаций, по мнению исследователей, осложняют экономические проблемы вкупе с проблемами развития демократических институтов в регионе, повсеместным распространением коррупции. Несмотря на декларируемую готовность следовать в русле приоритетных направлений (права человека, политические реформы) европейской Стратегии развития для региона, сами центральноазиатские государства в основном заинтересованы в экономических проектах[384]. В таких условиях ЕС, по мнению некоторых европейских специалистов, изучающих особенности его «нормативной силы» в Центральной

---

[382] Летняков Д., Емельянова Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия // Мир России. – 2017. – №26(4). – С.118-142. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142; Добринская О.А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Япония 2015. Ежегодник. – М.: 2015. – С.36-57.; *См. также:* Акылбаев И., Мурашкин Н. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. РСМД, 20.06.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/

[383] Косназаров Д. Мягкая сила ЕС в Центральной Азии: «Большая игра подушками» (интервью с Жанибек Арын, докторантом Университета Сент-Эндрюс, Великобритания). Портал «Central Asian Analytical Network», 09.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caa-network.org/archives/10445 (дата обращения: 22.08.18).

[384] Рустамова Л.Р. Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т.18. – No 2. – С. 304-314. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314.; *См.также*: Boonstra J. EU Central Asia Policy: Steady as She Goes. *Central Asia Policy Brief* No. 4, August 2012. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/7655 (accessed: 11.09.2018).

Азии, следует выбрать роль «консультанта», не вмешивающегося напрямую в дела суверенных государств региона[385].

Публичная дипломатия ЕС в контексте региона обладает солидными ресурсами в своем культурно-образовательном сегменте. Однако на данный момент Объединение институтов культуры стран Европейского союза (англ. *The European Union National Institutes for Culture (EUNIC)*), сетевая (*network based*) и относительно автономная структура, работающая в культурно-образовательном сегменте публичной дипломатии ЕС за рубежом[386], имеет в Центральной Азии всего два функционирующих кластера (*cluster*)[387] – в Казахстане и Узбекистане. В стратегии развития EUNIC до 2025 года ставится задача дальнейшего расширения и наращивания деятельности[388], что может коснуться и центральноазиатского направления. Также, следует отметить, что в готовящейся новой стратегии ЕС для региона, которая может быть принята в 2019 году, эксперты прогнозируют повышение внимания европейцев к аспектам «мягкой силы»,[389] что позволит говорить о хороших перспективах активизации публично-дипломатической деятельности ЕС в Центральной Азии.

Одновременно с работой в рамках союзного объединения, свою «мягкую силу» в Центральной Азии продвигают и отдельные страны ЕС. Например, немецкая публичная дипломатия работает в регионе не только для продвижения

---

[385] См.: Spaiser O.A. *The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018. 245 p.; Böttger K., Plottka J. A New Start for the EU Central Asia Policy in 2021? Current State, Developments and Perspectives for the Revision of the EU Central Asia Strategy. *L'Europe en Formation*, 2018, vol. 385, no. 1, pp. 45-60. DOI: https://doi.org/10.3917/eufor.385.0045

[386] Fisher A. Network Perspective on Public Diplomacy in Europe: EUNIC. In: *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. Cross M.K.D., Melissen J. (Eds). New York, NY: Palgrave Macmillan Books, 2013, pp.137-156.

[387] Кластерами EUNIC называет объединение не менее трех локальных профильных офисов ЕС в стране пребывания для реализации общих проектов. На данный момент во всем мире работают 105 кластеров EUNIC в 81 стране. Более подробная информация на сайте EUNIC - URL: https://www.eunicglobal.eu

[388] *См.*: EUNIC Strategic Framework (adopted on 11 December 2015). URL: https://www.eunicglobal.eu/clusters

[389] Kassenova N. Projecting soft power as an imperative for the EU in Central Asia. *EUCAM Watch*, Issue 18 - February 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Newsletters/EUCAM_Watch_18.pdf (accessed: 11.09.2017).; Marlene Laruelle & Eric McGlinchey. Renewing EU and US Soft Power in Central Asia. *EUCAM Commentary No.28* (October 2017). [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Commentaries/EUCAM_Commentary_28_Renewing_US_and_EU_Softpower_in_Central_Asia.pdf (accessed: 11.09.2017).; Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action / Policy Department, Directorate-General for External Policies. Brussels, 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA(2016)535019_EN.pdf

экономических интересов Германии. По словам российской исследовательницы Л.Рустамовой, «в выстраивании отношений со странами региона ФРГ учитывает тот факт, что в них проживает большое количество немцев..., которых… Германия стремится сделать ресурсом своего влияния, а не способствовать их перемещению на свою территорию»[390].

Геополитическая и геоэкономическая значимость центральноазиатского региона превратила его в арену соперничества ведущих держав. Такое соперничество во многом проходит по линии «мягкой силы» - борьбы *за умы и сердца* обществ региона, осуществляемая с помощью публичной дипломатии. Во многом сопоставимыми по потенциалу, масштабу деятельности и используемому инструментарию представляется публичная дипломатия России и США. Интересы этих же стран в контексте региона носят конкурентный или даже конфликтный характер, что оставляет мало пространства для кооперативной публичной дипломатии. Во взаимоотношениях других игроков такой выраженной конфликтной характеристики не наблюдается. Представляется, что в регионе наблюдается гетерогенность инициатив и направлений деятельности по линии публичной дипломатии, что в конечном итоге может позитивно повлиять на динамику международного сотрудничества в регионе. Одновременно, практический опыт вне-региональных акторов в сфере публичной дипломатии становится объектом исследовательского анализа и в академических кругах Центральной Азии, выступая триггером не только научного дискурса по рассматриваемому феномену, но и фактором становления субъектности государств региона в сфере публичной дипломатии.

[390] Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М: МГИМО (У), 2017. С.123.; Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.28–58.

2.2. Становление акторности государств Центральной Азии в сфере публичной дипломатии

Недостаточное теоретическое осмысление публичной дипломатии в государствах Центральной Азии во многом является результатом недостаточной развитости практического измерения данного феномена в регионе. Более того, как отмечалось выше, сам регион является объектом активной конкурентной дипломатии *крупных* внерегиональных акторов. Создается впечатление, что у таких *малых* стран, как государства Центральной Азии, нет собственной публичной дипломатии. Так ли на самом деле это?

Перед тем, как ответить на поставленный вопрос, целесообразным представляется рассмотреть существующие наработки по теоретическому осмыслению публичной дипломатии малых государств.

Строго говоря, корпус классических концептов публичной дипломатии формировался и сегодня опирается преимущественно на опыт развитых индустриальных стран, у которых имеется значительные материальные ресурсы, глобальный охват в информационной сфере и работающие институты гражданского общества. Категории *малые, средние* и *большие* государства в контексте публичной дипломатии, как утверждает болгарский исследователь И.Лейджиев, следует дифференцировать именно по линии *обладания - не обладания* ресурсами[391]. Данный критерий, на взгляд диссертанта, можно и нужно уточнить/дополнить такими факторами, как осознание государством важности публичной дипломатии как внешнеполитического инструмента, степень исследовательского осмысления рассматриваемого феномена в национальном дискурсе, проявление не только *способности*, но и *готовности* государства к его операционализации.

Среди крупных держав, имеющих большие ресурсы и богатый опыт в сфере публичной дипломатии, на современном этапе разворачивается борьба за статус

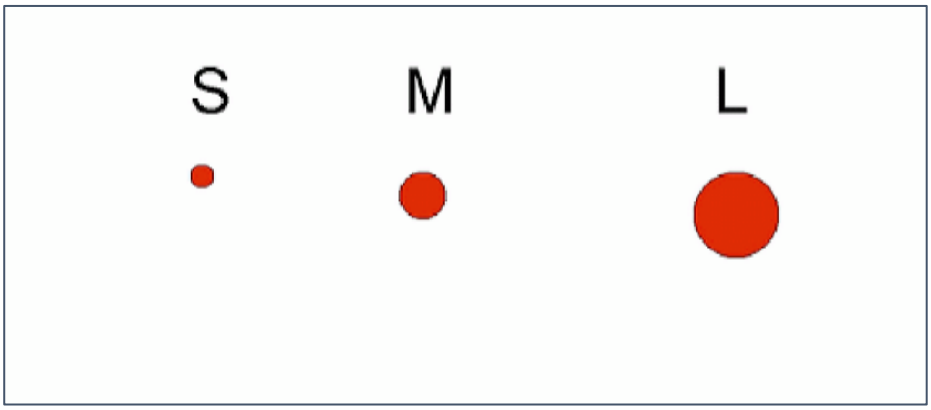
[391] Laydjiev I. Searching for Influence and Persuasion in Network-Oriented Public Diplomacy: What Role for «Small States»? *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2, Issue 1, pp.40-48.

сверхдержавы в области «мягкой силы» (*soft power superpower*).[392] Логично, что публично-дипломатический опыт таких акторов находится в фокусе активного научного внимания, тогда как профильная деятельность менее амбициозных государств оказывается на периферии исследовательского дискурса.

На самом деле, для малых и средних государств «мягкосиловые» ресурсы представляются наиболее удобным универсальным инструментом по улучшению их имиджа, поскольку они, в отличие от крупных держав, не всегда могут себе позволить вести затратную внешнюю политику, подкреплённую ресурсами «жёсткой силы»[393]. Однако в контексте осуществления публичной дипломатии в упомянутой слабости/ограниченности малых / средних государств специалисты находят свои плюсы.

Канадский исследователь М.Мак-Доуэлл утверждает, что потенциально малые или средние страны в публичной дипломатии имеют свои сильные стороны. Разработанная им теоретическая модель в определенной степени оспаривает мнение о том, что публичная дипломатия *крупных* государств априори имеет превосходство над *малыми*/*средними*. Визуальное представление сравнительных преимуществ публичной дипломатии малых (S), средних (M) и крупных (L) государств говорит о бесспорных сильных сторонах последних (см. *Рис.2*).

Рисунок 2. Сравнительные преимущества ПД малых/средних (S/M) и крупных (L) государств

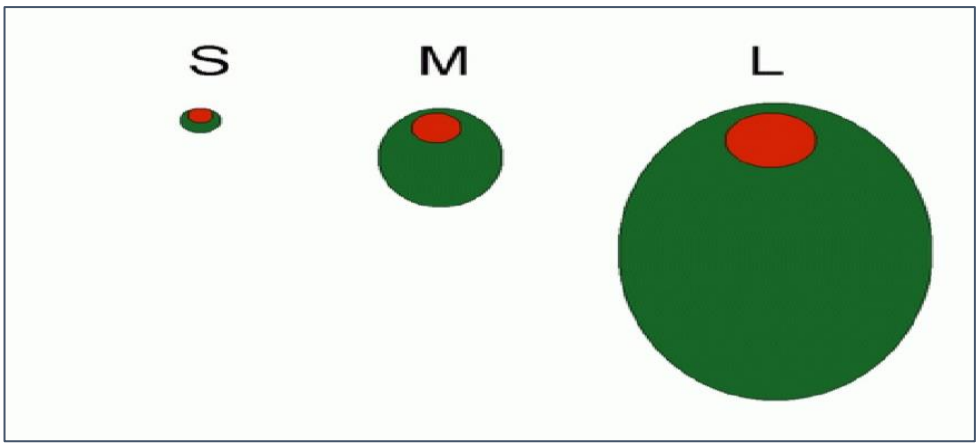

[392] Fletcher T. How to become a soft power superpower. The SP30 blog.15 Sept. 2017. [Electronic resource]. – Mode of access: https://softpower30.com/become-soft-power-superpower/ (accessed: 13.04.2018).
[393] Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С.145-154. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154.

Однако, по мнению Мак-Доуэлла, ирония заключается в том, что крупные государства (в отличие от малых), несмотря на владение громадными ресурсами, не могут успешно контролировать исходящий из страны поток информации или свои *месседжи*. Конечно, они стараются бороться с различными стереотипами, но поток информации о культуре, экономике и других аспектах их внутренней жизни сложно контролировать. Другими словами, для крупных держав сложнее сохранить внимание целевой аудитории в рамках одного конкретного месседжа, тогда как перед малыми, не самыми активными государствами-акторами публичной дипломатии, такие сложности могут и не возникать.

На рисунке ниже (см. *Рис.3*) публично-дипломатический потенциал малых (S), средних (M) и крупных (L) государств представлен красными кружочками, а зеленый цвет иллюстрируют всю информацию об этих странах, которая доступна широкой аудитории целевых обществ[394].

Рисунок 3. Публично-дипломатический потенциал малых, средних и крупных государств[395].

С таким подходом можно не соглашаться ввиду беспрецедентного развития инфокоммуникационных технологий, которое все сильнее усложняет государственный контроль над исходящей информацией. Более того, такое моделирование дает возможность оценить перспективы информационного измерения публичной дипломатии, тогда как широкий спектр других ресурсов в

[394] McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2008. Vol. 32:3 (Special Edition), pp. 8-17.
[395] Ibid.

ней не учитывается. Более убедительным аргументом модели Мак-Доуэлла является то, что о крупных государствах-акторах публичной дипломатии известно достаточно много, они не могут работать «с чистого листа», тогда как малые, не самые активные / известные государства – могут. Это открывает для них и новые возможности в последовательной работе над конвертацией потенциала их публичной дипломатии в практический ресурс внешней политики.

Еще одну интересную теоретическую разработку публичной дипломатии малых / средних государств предлагает профессор Университета имени Я.И.Коменского (*Comenius University*) в Братиславе Йозеф Батора. По его мнению публичную дипломатию малых / средних государств от аналогичной практики крупных держав отличает три параметра:

- Основная цель (*mission*). Крупные государства обычно ставят перед своей публичной дипломатией 3 цели: *объяснение* (explaining), *продвижение интересов через разъяснительные/информационные кампании* (advocacy) и *ребрендинг*. Публично-дипломатическая деятельность малых/средних государств в основном направлена на *привлечение внимания* (capturing attention).
- *Объем или охват передаваемых месседжей и образов* (volume or breadth of massages and images). Крупные государства-акторы имеют солидный культурный ресурс и способность к проецированию влияния по широкому спектру направлений, тогда как малые/средние государства в публичной дипломатии стараются занимать определенные ниши, что дает им возможность наиболее эффективно использовать скудные ресурсы.
- *Сущностная легитимность* (outset legitimacy). Влияние крупных государств часто конструируется ресурсами «жесткой силы», тогда как малые/средние акторы продвигают национальные интересы через *привлекательные международные инициативы* (attractive causes),

например участие в миростроительном процессе, проектах помощи развития, *человеческой безопасности* (human security) и др[396].

Предлагаемые Баторой характерные черты публичной дипломатии малых/ средних государств достаточно хорошо наблюдаемы, если посмотреть на профильную деятельность этой категории государств в современной мировой политике. Батора в своей работе приводит пример Канады и Норвегии. Данный список можно пополнить другими яркими примерами, например, Ватикана, Швейцарии, Австрии, Швеции, Южной Кореи и др.

Дифференцирующие критерии Баторы, по мнению диссертанта, в полной мере можно применять и к публично-дипломатической практике государств постсоветской Центральной Азии. Все они, так или иначе, стремятся к *привлечению внимания* международного сообщества, активно эксплуатируя / продвигая определенные актуальные / привлекательные инициативы глобальной повестки. К примеру, Узбекистан в последние годы стал пропонентом идеи добрососедства и регионального сотрудничества, Казахстан стремится к формированию имиджа активного международного медиатора-миротворца, Таджикистан энергично продвигает *водную дипломатию* на глобальном уровне.

Однако, отнеся государства Центральной Азии к категории малых стран в контексте практики публичной дипломатии, все же следует уточнить, *во-первых*, несопоставимость их публично-дипломатических ресурсов / усилий, например, с той же Норвегией[397], *во-вторых*, активность такой практики среди самих стран региона сильно варьируется - от наименее пассивного Туркменистана до наиболее энергичного Казахстана.

Казахстан после приобретения независимости уделял значительное внимание своему международному имидж-мейкингу, достаточно активно применяя механизмы продвижения своей «мягкой силы». Республика еще с 90-х

---

[396] Batora J. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. *Discussion Papers in Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations -"Clingendael", 2005, pp.7-8.

[397] Подробнее о направлениях публичной дипломатии Норвегии *см*.: Gilboa E. The Public Diplomacy of Middle Powers. *Public Diplomacy Magazine*, 2009. Issue 1, pp.22-28.

годов занимается международной (само)рекламой или конструированием своего национального бренда. По словам американской исследовательницы Э.Марат, реклама республики регулярно появлялась на CNN, BBC, ABC и на страницах популярных на Западе газет - *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *The Economist* и др[398]. На международные имиджевые кампании Казахстан ежегодно тратит около 50 миллионов долларов[399], а за энергичную эксплуатацию стратегий имидж-билдинга республика на Западе получила достаточно неодназначное название «пиар-государство» (*a PR state*)[400].

Более того, если рассматривать лобби как часть стратегии публичной дипломатии, то все страны Центральной Азии с первых годов независимости обращались к этому инструменту (преимущественно для достижения экономических целей). Однако активнее всего к использованию данного механизма воздействия прибегал именно Казахстан; в разное время правительство страны работало с лоббистскими структурами для достижения не только экономических целей, но и в деле создания положительного имиджа в США. Такие данные - правда, только от лоббистских институтов, предоставляющих информацию согласно Закону «О регистрации иностранных агентов», можно найти на сайте Центра ответственной политики (*Center for Responsive Politics*). Данный центр публикует материалы по деятельности иностранного лобби в США. Анализ существующей базы контрактов между государственными ведомствами Центральной Азии с американскими PR и лоббистскими организациями показывает, что Казахстан является постоянным «клиентом» этих структур с начала 90-х годов[401]. Так, в 2008 году одна из крупнейших частных американских PR-компаний APCO Worldwide помогла Казахстану в создании парламентской

---

[398] Marat E. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol.61. No.7. pp. 1123-1136.

[399] Insebayeva S. Imagining the Nation: Identity, Nation Building, and Foreign Policy in Kazakhstan. In: *Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials and Cultural Change*. Edited by Marlene Laruelle.Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. Pp.53-61.

[400] Fauve A. Global Astana: Nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes. *Central Asian Survey*. 2015. No. 34(1). pp. 110-124.

[401] См.: Foreign lobby watch. URL: https://www.opensecrets.org/fara/countries

группы «Друзей Казахстана» в Конгрессе. Именно ее члены выступали с предложением выдвинуть казахстанского президента на нобелевскую премию мира за вклад в ядерную безопасность. Еще одна лояльная Астане парламентская группа появилась в 2009 году в результате сотрудничества американского посольства в США с фирмой Policy Impact Communications[402].

Несмотря на наличие определенного опыта и практики, на данный момент институциональные основы публичной дипломатии Казахстана еще не сформированы. Этот вопрос оказывается в фокусе внимания казахстанских специалистов, сторонников маркетингового подхода к публичной дипломатии. Например, И.Абильдаев уверен, что на современном этапе «наличие хорошей международной репутации государства, положительного бренда страны является неотъемлемой частью имиджевого компонента, как внутри страны, так и за ее пределами»[403]. По его словам, стратегия государственного брендинга странами СНГ, в частности Казахстаном, является непоследовательной, несистемной и не имеющей комплексного характера. В отсутствии единого государственного органа, ответственного за разработку стратегии брендинга, такая ситуация приводит к несбалансированным действиям элементов государственного брендинга. Для Казахстана наглядным негативным примером является «эффект Бората», продемонстрировавший «неготовность страны отвечать на подобные вызовы на должном политическом уровне». И.Абильдаев уверяет, что подобный «голливудский» маневр имел успех только потому, что страна не имела четко выстроенной стратегии государственного брендинга[404]. Следует, однако, отметить, что критика в отношении упомянутого пресловутого фильма в Казахстане впоследствии сменилась благодарностью его авторам. В частности, посол Казахстана в Великобритании Ерлан Идрисов, изначально назвавший фильм на страницах *The Guardian* «оскорбительным и несправедливым»[405], потом признал,

[402] Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016. С. 191-192.
[403] Абильдаев И. Формирование государственно-политического бренда Республики Казахстан // ҚазҰУ хабаршысы - Вестник КазНУ. Философия, политология, культурология сериясы. – 2010. – № 1(34). – С.58-61.
[404] Там же.
[405] Offensive and unfair, Borat's antics leave a nasty aftertaste. The Guardian. 04 October 2006.

что благодаря «Борату» интерес к Казахстану вырос во всем мире[406]. Бывший глава министр иностранных дел Казахстана Ержан Казыханов в 2012 г. тоже говорил о позитивном эффекте Бората, отметив, что благодаря ему резко возросло количество туров в страну. Некоторые креативные и предприимчивые представители туристической индустрии даже организовывали в Казахстан специальный «Борат-тур»[407]. Такой эффект продукции киноиндустрии в эпоху развития медиатехнологии и Интернета оказался в фокусе внимания специалистов маркетингового подхода к публичной дипломатии и национального брендинга[408].

Необходимо признать, отсутствие институциональных основ публичной дипломатии Казахстана не может способствовать эффективному прикладному применению данного феномена, однако стоит отметить большой потенциал республики в этой области, сформированный рядом его достижений, крупных международных и внутригосударственных инициатив и мега-событий (*mega events*) разного профиля[409]. Из них стоит отметить:

- инициативу о проведении Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА);
- создание международной дискуссионной площадки «Евразийский Медиа Форум», которую можно назвать каналом влияния на мировое общественное мнение и ретранслятором всех исходящих из Казахстана внешнеполитических инициатив;
- реализацию инициативы Казахстана по проведению международного межконфессионального форума «Съезд лидеров мировых и традиционных религий», который регулярно проходит в Астане и

URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/oct/04/comment.television
[406] Kazakhstan... is nice! The Sunday Times. December 24 2006.
URL: https:// www.thetimes.co.uk/article/kazakhstan-is-nice-kmkp6jlqq77
[407] Фильм «Борат» привлекает в Казахстан все больше туристов. «MIR24. TV» от 23.04.2012.
URL: http://mir24.tv/news/lifestyle/489346:
[408] *См.* Stock F. The Borat Effect. *Place Branding and Public Diplomacy*. August 2009. Vol. 5. Issue 3. pp. 180–191.; Fullerton J, Kendrick A., Wallis C. Brand Borat? Americans' reaction to a Kazakhstani place branding campaign. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4,no.2. pp. 159-68.
[409] Nurmakov A. Kazakhstan and the Global Industry of Mega Events: A Case of Autocratic Management. In *Mega Events in Post- Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. Pp.99-129.

называется казахскими политическими деятелями важнейшим институтом глобальной «духовной дипломатии»[410];

- проведение исторического саммита ОБСЕ в Астане в 2010 году;
- идею и запуск коммуникативной площадки «G-Global» в 2012 г. с целью объединения усилия международного сообщества в деле создания справедливого и безопасного миропорядка;
- принятие Стратегии «Казахстан-2050», ставящей задачу вхождения Казахстана в число 30-ти самых развитых государств мира[411];
- принятие государственной программы «Информационный Казахстан – 2020», которая в числе прочих задач будет работать над наращиванием присутствия Казахстана в зарубежном информационном пространстве[412];
- достижение и сохранение достаточно высокого показателя МИД Казахстана в рейтинге использования цифровой дипломатии (*digital diplomacy performance*) - Digital Diplomacy Review. Казахстанский МИД занимает 38 место (статус **C++**) среди внешнеполитических ведомств 210 государств и территорий и 3 место в СНГ (после МИД РФ и МИД Украины)[413];
- проведение международной специализированной выставки под эгидой Международного бюро выставок - Астана ЭКСПО-2017;
- активную посредническую деятельность в урегулировании украинского и сирийского кризисов[414];

---

[410] Подробнее о деятельности СЛМТР смотрите: URL:http://www.religions-congress.org/component/option,com_frontpage/Itemid,1/lang,russian/

[411] Послание Президента страны народу Казахстана, «Стратегия «Казахстан-2050». URL: http://mfa.gov.kz/index.php/ru/informatsiya-o-kazakhstane/poslaniya-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana/poslanie-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050

[412] Указ Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 года № 464 «О Государственной программе “Информационный Казахстан – 2020”». URL :http://www.mid.gov.kz/ru/pages/o-gosudarstvennoy-programme-informacionnyy-kazahstan-2020

[413] Digital Diplomacy Review 2016. URL: http://digital.diplomacy.live/ranking-and-rating/ Для сравнения с показателями МИД других стран ЦА *см.*: Приложение 5.

[414] Исабаева С. Как и чем Казахстан может способствовать разрешению кризиса в Украине? Central Asia Monitor jn 11-09-2014. URL:https://camonitor.kz/13391-kak-i-chem-kazahstan-mozhet-sposobstvovat-razresheniyu-krizisa-v-ukraine.html

- победу заявки Казахстана на проведение первых Олимпийских игр по национальным видам спорта, организуемых ЮНЕСКО в 2021 года (*Worldwide UNESCO Traditional Games)*. За право проведения первой этноолимпиады Казахстан боролся с Турцией, Канадой и Южной Кореей.

В формировании опыта казахстанской публичной дипломатии значительную роль играет регулярное присутствие в мероприятиях на площадках «тюркского мира» и ежегодных встречах в рамках Всемирного тюркского форума[415]. В повестке данного форума в течение последних лет все чаще поднимается тематика культурной и общественной дипломатии[416]. В 2015 году в рамках саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет), который прошел под председательством казахстанского президента Н.Назарбаева, состоялся 4-ый Всемирный тюркский форум, основной темой которого была «Публичная дипломатия, медиа, информация»[417].

Наряду с общетюркским наследием Казахстан пытается использовать в своей публичной дипломатии ресурсы казахской диаспоры. Численность последней казахстанский исследователь Г.Мендикулова оценивает в 800 тыс. человек[418], а Н.Сейдин говорит о 5 миллионах[419]. В сентябре 1992 года в Алма-Ате состоялся первый Всемирный курултай[420] казахов с участием представителей казахской диаспоры более 30 стран. На первом курултае было принято решение об учреждении Всемирной ассоциации казахов (ВАК), которая с тех пор занимается организацией курултаев. Стоит отметить и нормативно-правовую основу работы Казахстана с диаспорой; ещё в 1996 году была принята государственная программа

---

[415] Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития. // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №: 5 (44). – С. 42-49.
[416] Проект видения 3-го Всемирного тюркского форума (28 - 30 мая 2014, Эдирне). URL: http://www.tasam.org/files/PDF/DTF3_vizyon_RU.pdf
[417] Документ о стратегическом видении IV Всемирного тюркского форума («Публичная дипломатия, медиа, информация»). Стамбул, 23-25 апреля 2015. URL: http://www.tasam.org/Files/pdf/DTF4_vizyon_RU.pdf
[418] Mendikulova G. The Diaspora Policy of the Republic of Kazakhstan. [Electronic resource]. – Mode of access: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/publications/no14/14-07_Mendikulova.pdf
[419] Сейдин Н. Казахи за рубежом как объект национальной политики Казахстана. ЦентрАзия,03.01.2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041585360
[420] Историческое название общего собрания, съезда у монгольских и тюркских народов.

поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Она была направлена как на расширение контактов с казахской диаспорой, так и на возвращение ее представителей на историческую родину.[421] Данная программа впоследствии неоднократно обновлялась. В 2018 году правительство Казахстана приняло план мероприятий на 2018−2022 годы по поддержке этнических казахов за рубежом. Документ направлен на реализацию поручений президента страны, озвученных на V всемирном курултае казахов в 2017 году. План предусматривает издание учебно-методических пособий и обеспечение литературой казахских культурных центров за рубежом, учреждение стипендиальной программы для обучения казахов, проживающих за рубежом, в вузах Казахстана[422].

Эффективность диаспоральной политики Казахстана в контексте публичной дипломатии сложно оценить. Некоторые казахские специалисты во многом скептически относятся к деятельности всемирных курултаев казахов и его организатора – Всемирной ассоциации казахов. Они считаются, что ВАК делает слишком большой акцент на приглашении зарубежных казахов к переезду на историческую родину, хотя этнические казахи в качестве граждан других государств могли стать проводниками национальных интересов Казахстана в своих странах, выступая как силы влияния и как медиаторы (посредники) между Казахстаном и другими государствами[423].

Немаловажным является образовательное измерение казахстанской публичной дипломатии. Хотя его масштабы по части привлечения иностранных студентов государственными грантами остается незначительным (в 2016 году более 100 иностранных студентов получили гранты на обучение в Казахстане)[424],

---

[421] Государственная программа поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 1996 года (№ 3308). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/hozyaystvennaya_deyatelnost/id-U960003308_/#z0

[422] В Казахстане приняли план поддержки соотечественников за рубежом. ИА Regnum, 25.05.18.
URL: https://regnum.ru/news/2421254.html

[423] Исабаева С. Всемирный курултай казахов: кому и зачем он нужен? Central Asia Monitor,11-05-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://camonitor.kz/26719-vsemirnyy-kurultay-kazahov-komu-i-zachem-on-nuzhen.html

[424] Более 100 иностранных студентов получат грант на обучение в Казахстане
URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/100-inostrannyih-studentov-poluchat-grant-obuchenie-299899/

тем не менее, объявлено о планах по увеличению аналогичных программ для иностранных студентов. В вузах Казахстана в 2015 году обучались более 9 тысяч иностранных граждан, что ставит республику на второе место (после Кыргызстана) в центральноазиатском регионе по этому показателю[425].

Обращает на себя внимание международная стипендия Президента Республики Казахстан «Болашак», которая реализуется с 1993 года. Она позволяет гражданам Казахстана получить образование в ведущих университетах за рубежом с обязательным условием успешного завершения учебы и дальнейшего трудоустройства в Казахстане[426]. В риторике казахстанского политического истеблишмента и отдельными исследователями «Болашак» преподносится как инструмент улучшения имиджа Казахстана в мире, средства укрепления его международных связей и ресурсом для выстраивания «мягкой силы». Программа также является доказательством того, что элита страны получила образование на Западе, и поэтому надлежащим образом руководит страной. По подсчетам специалистов, около 500 государственных чиновников, занимающие высокие должности, действительно являются «болашаковцами»[427]. Однако некоторые западные специалисты видят в «Болашаке» инструмент власти, государственного контроля и укрепления авторитаризма. Например, политолог Аделе дель Сорди из Амстердамского университета в своем исследовании утверждает, что казахстанский режим просто «использует» выпускников «Болашака» для легитимации своей власти внутри страны, покупая их лояльность вложенными в их образование средствами[428]. Аргументы Сорди достаточно сомнительны, поскольку программа «Болашак» реализуется за счет государственного бюджета и правительство вправе требовать от ее выпускников, которые при этом обучались в

---

[425] Более девяти тыс. иностранных студентов учатся в Казахстане - МОН РК URL: inform.kz http://www.inform.kz/ru/bolee-devyati-tys-inostrannyh-studentov-uchatsya-v-kazahstane-mon-rk_a2822550

[426] Центр международных программ РК. Международная стипендия Президента Республики Казахстан. URL: https://www.bolashak.gov.kz/ru/pretendentu/pravila.html (дата обращения 12.03.2017)

[427] Космарский А. Любишь учиться — люби и Акорде служить. «Болашак» как инструмент власти Назарбаева. ИА «Фергана», 10.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fergananews.com/articles/10221

[428] Del Sordi A. Sponsoring student mobility for development and authoritarian stability: Kazakhstan's Bolashak programme. *Globalizations*, 2018. Vol.15. Issue 2. pp.215-231.

лучших вузах Запада, возвращение на родину и содействие в развитии национальной экономики.

Наряду с упомянутой стипендиальной программой, повышению конкурентоспособности и популяризации казахстанского образования призван учрежденный в Астане по инициативе казахского президента «Назарбаев университет». В нем преподаватели из ведущих мировых университетов преподают на английском языке. В данной связи необходимо отметить потенциал одного из кампусов Университета Центральной Азии (УЦА) в казахском Текели. Являясь сестринским агентством Организации Ага Хана по развитию (*Aga Khan Development Network – AKDN*), УЦА называется региональным связующим узлом технологий и инноваций, а возможность его студентов познакомиться с жизнью своих стран за пределами столиц, «поможет сформировать поколение будущих лидеров, которые одинаково хорошо знакомы как с космополитизмом и международными точками зрения, так и с местной спецификой региона»[429]. Последний пример демонстрирует использование Казахстаном ресурсов НПО в сфере образования в своей публичной дипломатии, что соответствует задачам Концепции внешней политики Казахстана[430].

Таким образом, на текущем этапе становления публичной дипломатии Казахстана необходимо выделить масштабность и креативность инициатив, воспринимаемых с интересом на международной арене. Значительную роль в этом играет авторитет президента республики Н.Назарбаева, лично поддерживающий инициативы по созданию положительного и привлекательного имиджа Казахстана в глазах зарубежной общественности.

В соседнем с Казахстаном *Кыргызстане* политические деятели признают значение информационного фактора и «мягкой силы», «без которой трудно

---

[429] Почему Нарын, Хорог и Текели? Кампусы УЦА на перекрестках региона. Официальный сайт УЦА. URL: http://www.ucentralasia.org/Resources/ItemRussian/1127 (дата обращения 12.03.2017)

[430] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://mfa.gov.kz/ru/content-view/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg

обеспечить авторитет и влияние государства в международных отношениях»[431]. В сильно устаревшей Концепции внешней политики Кыргызстана повышению авторитета и укреплению положительного имиджа этой республики на международной арене выделено особое место. Отмечается стремление страны стать удобной площадкой для расположения международных организаций, культурно-образовательных центров, для проведения международных и региональных форумов. Из факторов, способных повысить узнаваемость страны в мировом сообществе называются национальные бренды Иссык-Куль, эпос «Манас», Чингиз Айтматов, «Великий Шелковый путь»[432]. Выявляя логику выстраивания такого рода привлекательных контентов «мягкой силы», как у Кыргызстана, российский исследователь О.Леонова отмечает, что даже небольшие государства, не способные претендовать на статус региональной державы, не обладающие большими экономическими возможностями и не являющиеся наследниками древнейших цивилизаций мира, могут обладать большим «мягкосиловым» потенциалом[433].

В русле вышеупомянутых брендов Кырыгызстана отдельно следует упомянуть масштабное этноспортивное событие - Всемирные игры кочевников (ВИК). Первые ВИК, в которых приняли участие около 600 спортсменов из 19 стран, Кыргызстан провел в 2014 году. В 2016 году в Играх участвовало уже 1200 спортсменов из 62 стран, а в 2018 году участниками стали 2000 спортсменов из 82 стран - статистика, которая подтверждает слова киргизского специалиста К.Мамбеталиева об уникальности этих игр. По его словам, миссия ВИК, в отличие

[431] Выступление Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э.Б. Абдылдаева по случаю начала учебного года в Дипломатической академии МИД КР им. Казы Дикамбаева. Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. 2015. № 5(05). С.6-10.

[432] Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 10 января 2007 г. УП N2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.kg /contents/view/id/105 (дата обращения: 27.07.2017).

[433] Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

от других этноспортивных игр современности, не ограничивается национально-страновыми видами этноспорта, а опирается на принцип интернациональности[434].

Независимые аналитики пишут, что ВИК не вызывают большого интереса в мире, однако официальные власти страны уверяют, что многие иностранные туристы стали узнавать Кыргызстан не по названию, а по *Nomad games*. Если в 2011-2012 годы страны посетили 2,2 млн человек, то в 2016-м число туристов достигло 4,2 миллиона. А «миллиардные доходы туризма, по большей части, привлечены благодаря Играм кочевников»[435]. Конечно, ВИК еще не стали всемирно узнаваемым брендом Кыргызстана, однако можно прогнозировать рост интереса к ним на фоне растущего инфо-медийного внимания. По данным секретариата ВИК, телетрансляция первых Игр охватила аудиторию в 230 млн человек, вторых – 500 млн[436]. Эти цифры кажутся вполне реалистичными с учетом того, что в 2014 и 2016 годах ВИК освещали крупнейшие СМИ мира, такие как Al Jazeera, Euronews, Deutsche Welle, Russia Today, Reuters, National Geographic, Associated press, Синьхуа и др.

Проведение таких мега-событий очень важно для Кыргызстана. Как форма культурной дипломатии, они способствуют культурному обмену и углублению межкультурного сотрудничества, популяризируют национальную культуру. Одновременно, такие мероприятия, как ВИК, открывают для страны возможности для самопрезентации, способствуют росту популярности и узнаваемости, положительно влияют на рост числа туристов. И, конечно, ВИК при правильном использовании их потенциала, могут стать значительным элементом имиджевых и брендинговых кампаний Кыргызстана, помочь в привлечении внимания к аттрактивности и уникальности страны. Это этноспортивное мега-событие также

---

[434] Мамбеталиев К.У. Уникальность Всемирных игр кочевников // Грамота. – 2017. – № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. – С. 127-129.
[435] Стали ли Игры кочевников брендом Кыргызстана? Радио Азаттык, 05.07.2018. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-nomad-games-brand/29339911.html
[436] О Всемирных играх кочевников. URL: http://www.worldnomadgames.com/ru/page/O-VIK-37/

может способствовать формированию положительного международного имиджа Кыргызстана и внести свой вклад в укрепление его репутации.

Говоря о репутации, нужно подчеркнуть, что у Кыргызстана, получившего на Западе название «островка демократии» в Центральной Азии, неплохой репутационный потенциал уже имеется. На фоне остальных государств региона, Кыргызстан остается «примером слабости авторитарной власти… при сравнительно более высоком уровне политической самоорганизации населения и развитости институтов гражданского общества»[437]. Молодая республика пережила две революции, которые оказали заметное влияние на ее политическую стабильность и социально-экономическое положение. Революции стали катализатором социального активизма и дали толчок развитию гражданского общества, в разы увеличилось число НПО, которые активно начали влиять на социально-политическую жизнь в стране. Однако, стоит отметить, что мнения исследователей относительно роли таких институтов разнятся: одни в них видят конструктивных игроков, другие – угрозу безопасности государства[438].

В экспертном сообществе Кыргызстана признается активная роль НПО во внутренней и внешней политике государств. Отмечается, что если во внутреннем измерении НПО выступают в качестве дополнительного механизма общественных отношений, играя активную роль в формировании гражданского общества, то во внешней политике они используются как инструмент публичной дипломатии и «мягкой силы»[439]. Неправительственные организации в Кыргызстане больше занимаются социальными, благотворительными и образовательными проектами внутри страны[440], что не делает их полноценным инструментом публичной

---

[437] Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. Российский совет по международным делам. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/ (дата обращения: 15.12.2017).

[438] Наргиза Мураталиева: Деятельность НПО в Киргизии подрывает ее национальную безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gorchakovfund.ru/news/13164/

[439]Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития. Время Востока. 23.11.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/ rol-nepravitelstvennykh-organizatsii-v-kyrgyzskoi-respublike-sostoyanie-etapy-r#8

[440] Краткий обзор гражданского общества в Кыргызской Республике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf

дипломатии этой республики во внешнеполитической практике. Однако, занимаясь названными направлениями с населением внутри страны, особенно в приграничных зонах с большим конфликтогенным потенциалом, НПО могут путем проведения регулярных трансграничных семинаров и тренингов для населения способствовать укреплению доверия и снижению напряженности между Кыргызстаном и соседними странами. В образовательной сфере сотрудничество с НПО тоже может быть использовано в целях публичной дипломатии. Один из трех кампусов Университета Центральной Азии расположен в Кыргызстане, он уже работает и принимает студентов со всего региона, а также из других государств. Это усилит позиции Кыргызстана, как регионального лидера по числу принимаемых иностранных студентов, которые, если выразиться лексикой публичной дипломатии, являются *стратегическим ресурсом*.

Как представляется диссертанту, на данный момент обобщать опыт Кыргызстана из-за недостатка национальных публикаций, посвященных вопросам публичной дипломатии, было бы преждевременно. Однако с учетом международного резонанса прошедших в 2016, 2017 и 2018 годов Всемирных игр кочевников в Иссык-Кульской области, можно предположить, что ресурсы публичной дипломатии будут активно включаться и использоваться в деятельности государственных и негосударственных структур.

Туркменистан, как отмечалось в предыдущей главе, наряду с другими направлениями внешней политики расширяет и культурно-гуманитарное сотрудничество. Распространение широкой информации о Туркменистане и туркменском народе, проведение мероприятий по ознакомлению с этой страной считаются прямой обязанностью туркменской дипломатии. Ашхабад регулярно становится площадкой для международных научно - культурных, спортивных мероприятий, на которые приглашаются иностранные экспертов и деятели культуры[441]. В 2015 году было проведено более 30 международных ярмарок и

[441] В Ашхабаде открылся международный форум «Диалог культур на Великом Шелковом пути» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=9902 (дата обращения: 13.03.2015)

конференций по самому широкому спектру тематик[442]. Начиная с 2015 года дни туркменской культуры проходили в Армении, Турции, Хорватии, Японии, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Белоруссии, Китае и др.

Говоря об акторности Туркменистана в сфере публичной дипломатии, следует отметить, что эта страна до сих пор остается одной из самых закрытых в мире. По мнению экспертов, Туркменистан времен С.Ниязова у международного сообщества ассоциировался исключительно с негативными образами, связанными с культом личности, диктаторским стилем правления первого туркменского президента, его книгой «Рухнама» и повсеместными нарушениями прав человека[443]. В таких условиях логично было бы предположить, что вопрос наращивания «мягкой силы» представляется не совсем актуальным, поскольку активность в этой сфере привлекает внимание не только к государству, но и к его проблемам[444]. Однако постниязовский Туркменистан начал проявлять активность на данном направлении, занимаясь поиском возможных форм сотрудничества, проводя, в частности, в стране международные мероприятия. Новое руководство республики начало активно использовать ресурсы публичной дипломатии для изменения образа Туркменистана в глазах международного бизнес - сообщества и политических кругов в позитивную сторону. Для этого командой президента Гурбангулы Бердымухамедова применяются механизмы национального брендинга с использованием не только элементов богатой культуры Туркменистана, но и его нейтрального статуса[445].

На фоне проведения изоляционистской политики Туркменистаном, возникает логичный вопрос об эффективности его международного имидж-билдинга. Даже по сравнению с другими странами региона, в которых международные правозащитные организации находят перманентные признаки

---

[442] Petra Posega. Turkmenistan- a brand in the making? Modern Diplomacy. June 4, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moderndiplomacy.eu/2015/06/04/turkmenistan-a-brand-in-the-making/

[443] Omelicheva M. Eye on the international image: Turkmenistan's nation branding. *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions*, ed. M. Omelicheva. LM: Lexington books, 2015. Pp.91-110.

[444] Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. С.95-96.

[445] Omelicheva M. – Указ.соч.

ограничения гражданских, политических прав и свободы СМИ, Туркменистан держится особняком. В рейтинге *Freedom House* (2018 г.) страна находится в топ-4 самых несвободных государств мира, а в индексе свободы СМИ неправительственной организации «Репортёры без границ» (фр. *Reporters sans frontières*) Туркменистан стабильно входит в тройку стран с самыми худшими показателями[446]. Независимых СМИ в стране нет, а позиционирующие себя как таковые (в том числе представленные в сети Интернет) издания в основном дублируют официальную, изложенную в контролируемых государством СМИ, повестку дня[447]. Официальные медиа страны рисуют радужную картину «эпохи могущества и счастья», однако рассказы очевидцев, фото и видеоматериалы, которые в последние годы регулярно появляются в сети Интернет, показывают социально-экономический кризис и проявления усиливающегося культа личности президента Г.Бердымухамедова.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что центральноазиатские соседи Туркменистана в упомянутых рейтингах не сильно опережают его, однако они в целом остаются открытыми для внешнего мира. Комплекс внутренних социально-политических проблем и закрытость внешнему миру лишает международную имидж-мейкинговую стратегию Ашхабада репутационного фундамента. Учитывая высокую степень интерместичности (*intermestic*)[448] современной публичной дипломатии, упомянутые внутренние вызовы сильно ограничивают возможности продвижения «мягкой силы» Туркменистана на международной арене.

В публичной дипломатии *Узбекистана* важное место всегда занимало культурное направление. По мнению А.Файзуллаева, культурное наследие

---

[446] *См.*: Reporters Without Borders' 2018 World Press Freedom Index. URL: https://rsf.org/en/ranking

[447] Зверинцева Т. И до и после обеда. Туркменские СМИ погрузили страну в информационный вакуум. ИА «Фергана», 23.08.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fergananews.com/articles/10137 (дата обращения: 29.08.2018).

[448] Термин *intermesctic* происходит от английских слов *international* и *domestic* и обозначает взаимосвязь международных и внутренних вопросов государтва. В контексте практики публичной дипломатии его следует понимать как влияние внутриполитических вопросов/проблем на эффективность публично-дипломатической деятельности. *См.*: Pantoja Y.I.M. Conceptualizing a New Public Diplomacy Model: 'Intermestic' Strategies and Instruments to Promote Change in Mexico's GM Food Policy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2018. Volume 13, Issue 3, pp.245 – 271.; Huijgh E. Changing Tunes for Public Diplomacy: Exploring the Domestic Dimension. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2 : Iss. 1, Article 6, pp. 62-73.

Узбекистана представляет собой «неисчерпаемый ресурс для брендинга страны»[449], а Ш.Таджиев, среди главных конкурентных преимуществ республики в контексте реализации политики «мягкой силы» выделяет «узнаваемые во всем мире и признанные авторитетными международными организациями древняя история, богатая самобытная культура и архитектура»[450]. Логично, что в контексте международной презентации такого богатства Узбекистан уделяет особое внимание проведению дней своей культуры за рубежом. В последние годы они проходили в Казахстане, России, Индии, Китае, Таджикистане, Вьетнаме и других странах. Узбекские посольства ежегодной организовывают большие мероприятия по случаю празднования «Навруз». На них приглашают известных деятелей культуры, политиков, бизнесменов страны пребывания и показывают культурное богатство своей республики, ее туристический потенциал[451]. В последние годы на страницах популярных западных и ближневосточных журналов, газет и интернет-изданий все чаще появляется реклама Узбекистана с подробными гидами по его достопримечтельным местам.

Узбекские специалисты в данном контексте обращают внимание и на большую кулинарную «мягкую силу» республики. Потенциал узбекской гастродипломатии, по их мнению, наряду с другими функциями, может способствовать «покорению умов и сердец через желудки», реализации политико-дипломатических целей[452]. На самом деле, использование уникальности национальной кухни является еще одним ресурсом малых/ средних государств в их публичной дипломатии[453]. Данной теме в 2014 году был посвящен целый выпуск

---

[449] Файзуллаев А. Страна как бренд. Газета.uz, 19.04.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country-branding/

[450] Таджиев Ш. Публичная дипломатия как важная составная часть «мягкой силы» // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.74-87.

[451] Marat E. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol.61, no.7, pp. 1123-1136.

[452] Абдуазимов М. Гастродипломатия: мировой опыт и потенциал Республики Узбекистан // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2017. – №2. – С.5-21.

[453] Согласно методологии агентства Portland, которое составляет рейтинг «мягкой силы» (*The Soft Power 30*) государств, одним из важных конструкторов такой силы является суб-индекс культуры - национальная кухня. По данным агентства, международные опросы в 2018 году показали, что 11,11 % респондентов в контексте определения «мягкой силы» государств на первом месте ставили именно национальную кухню. *См.*: Mcclory J. et al. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. *Portland*. [Electronic resource]. – Mode of access: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf

журнала *Public Diplomacy Magazine*[454], на страницах которого ученые и практики в области публичной дипломатии дискутируют о гастродипломатии как о межкультурном коммуникационном инструменте, средстве повышения узнаваемости и улучшении имиджа государства.

Информационное измерение публичной дипломатии Узбекистана берет свое начало с середины 90- х годов. В 1995 году при МИД Узбекистана было создано информационное агентство «Жахон» в целях распространения объективной информации об Узбекистане и его политике, развития контактов международными информационными агентствами. ИА «Жахон» занимается изданием и распространением за рубежом справочников, буклетов, информационных бюллетеней, аудио-визуальной продукции, раскрывающих потенциальные возможности Узбекистана для широкого международного сотрудничества[455]. Контент-анализ русскоязычной версии сайта ИА «Жахон» показал, что в его материалах в последние годы регулярно встречаются понятия «публичная дипломатия» и «мягкая сила»[456], которых авторы используют в контексте описания / анализа внешнеполитических инициатив нынешнего президента страны.

Необходимо отметить, что новое руководство страны демонстрирует понимание необходимости подготовки специалистов по продвижению Узбекистана в международной среде. Так, успешная реализация образовательной программы «Международная журналистика и связи с общественностью», подготовленной Школой бизнеса и международных компетенций МГИМО МИД России для выпускников бакалавриата узбекского Университета мировой экономики и дипломатии (УМЭД)[457], является одним из примеров того, что в Ташкенте осознают важность высококвалифицированных кадров, способных

---

[454] Gastro Diplomacy. *Public Diplomacy Magazine*. Winter 2014, Issue 11. *См. также*: Лебедева М.М. Еда как зеркало политического развития мира // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С.187-190.

[455] Мухаммад аль-Бухари. Роль Народной дипломатии в укреплении дружбы и экономическо-общественного сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://muhammad-bukhari.blogspot.ru/2012/02/blog-post.html

[456] См.: Официальная русскоязычная версия веб-страницы ИА «Жахон» URL: http://jahonnews.uz/ru

[457] Заместитель министра иностранных дел Узбекистана А.А.Абдувахитов в МГИМО. Церемония закрытия Летней школы. Портал МГИМО, 16.07.18. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/zamestitel-ministra-inostrannykh-del-uzbekistana-abduvakhitov-v-mgimo/

заниматься продвижением государства в международной информационной среде. Примечательно, что в начале 2018 года именно низкая эффективность деятельности УМЭД стал объектом критики президента Узбекистана во время его выступления на совещании, посвященном деятельности МИД и посольств страны за рубежом. По словам президента Ш.Мирзияева, вуз «не на должном уровне справляется с задачами по подготовке действительно перспективных, преданных своему делу профессиональных молодых кадров»[458].

Важным институтом народной дипломатии Узбекистана являлся учрежденный еще в 1997 году Совет обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами. Он в статусе самоуправляемого неправительственного общественного объединения, используя возможности народной дипломатии, занимался:

- широкой международной популяризацией достижений Узбекистана в различных областях;
- ознакомлением зарубежной общественности с богатой историей, культурой, литературой и искусством этой страны;
- конструированием положительного международного имиджа Узбекистана как независимого демократического государства, достойного партнера в культурной, научной и гуманитарной сферах;
- установлением и развитию международных культурно-просветительских связей в сотрудничестве с ООН и другими международными организациями[459].

В 2017 году в рамках Стратегии действий дальнейшего развития Узбекистана на ближайшие годы в целях активизации публичной/народной дипломатии новый президент республики Ш.Мирзияев издал Указ «О мерах по дальнейшему

---

[458] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на совещании, посвященном деятельности МИД РУ и посольств за рубежом. Официальный веб-сайт президента РУ, 12.01.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.press-service.uz/ru/lists/view/1423

[459] Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по поддержке Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами» г. Ташкент,26 мая 1997 г., № УП-1785. URL: http://www.lex.uz/acts/216094

совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами»[460], в соответствии с которым на базе Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами был учрежден Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров. Особо хотелось отметить пункт в задачах новоучрежденного комитета касательно активизации работы с диаспорой соотечественников за рубежом[461]. По словам узбекских властей, новый институт на основе методов народной дипломатии «будет проводить последовательную работу по установлению и развитию доброжелательных и взаимоуважительных связей с действующими в стране международными организациями…, с функционирующими в зарубежных странах смежными структурами»[462].

Данные шаги можно рассматривать как движение в сторону постепенного оформления институциональных основ публичной дипломатии Узбекистана. Однако на данный момент в узбекской публичной дипломатии, как и в аналогичной практике соседнего Туркменистана, преобладает сильный этатизм. Незаметной в ее осуществлении остается роль негосударственных акторов. Отражается это и на степени научного осмысления феномена, которая, судя по доступным национальным публикациям, остается на невысоком уровне. Приведенные примеры практических шагов нового руководства страны за последний год позволяют говорить о том, что Узбекистан пойдет на более активное использование ресурсов публичной дипломатии с привлечением к этой сфере негосударственных акторов.

Анализ становления акторности государств Центральной Азии показывает, что все они так или иначе занимаются деятельностью, которую в международной

---

[460] Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами». Ташкент, 19 мая 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://press-service.uz/ru/lists/view/532

[461] Узбекистан: Важный этап во внешней политике. Официальный сайт МИД Узбекистана. URL: https://mfa.uz/ru/press/news/2017/07/11752/

[462] Пак В. Мир, согласие, единство. Официальная страница Парламента РУ. URL: http://parliament.gov.uz/ru/events/opinion/22699/?sphrase_id=2038752

практике называют публичной дипломатией. Характерным для всех является стремление к созданию национального бренда, что является частью стратегии комплексной публичной дипломатии. Однако в зависимости от политических особенностей, внешнеполитических задач и имеющихся ресурсов активность стран региона на названном направлении варьируется. Казахстан активно занимается публичной дипломатией, особенно в ее брендинговом сегменте, одновременно развивая научно-образовательное измерение. Активность Кыргызстана не находится на высоком уровне, несмотря на определенный репутационный ресурс в международной среде, но страна имеет солидный по меркам региона потенциал в образовательном спектре. Туркменистан остается закрытой страной, а попытки формирования ее позитивного международного имиджа ограничивают неоднозначная внутриполитическая ситуация и отсутствие диалога с зарубежными странами на уровне общественных структур. Узбекистан активно использует ресурсы своего богатого культурного наследия для брендинга. Внешнеполитическая стратегия нового руководства, которое заново открыло страну для внешнего мира, позволяют прогнозировать наращивание использования Узбекистаном ресурсов публичной дипломатии.

Выводы к главе

В существующей профильной литературе государства Центральной Азии преимущественно описаны как объекты публичной дипломатии вне-региональных держав. Действительно в регионе активно продвигают свою «мягкую силу» разные державы. Сопоставимыми по потенциалу, масштабу деятельности и задействованному инструментарию представляется публичная дипломатия России и США. Россия пока не до конца использует свой потенциал публичной дипломатии в регионе, американцы же постоянно свое участие наращивают, особенно в информационном пространстве.

Из других государств следует отметить растущую активность публичной дипломатии Китая, а также Ирана и Турции. Все они, хотя и с разным успехом,

используют культурно-образовательные программы. Турецкая публичная дипломатия в последние годы еще и опирается на программы помощи по линии содействия развитию.

Анализ формирования акторности государств Центральной Азии показывает, что все они, так или иначе, занимаются той работой, которую в международной практике называют публичной дипломатией. В стратегии их публичной дипломатии особо выделяется элемент бренд-мейкинга. На разных этапах становления независимости центральноазиатские страны постоянно занимались конструированием своего национального бренда, де-факто стремясь ликвидировать отставание на направлении, на котором ранее существенных успехов обычно добивались только страны Запада.

В ряде случаев усилия государств Центральной Азии уже принесли позитивные результаты. Публичная дипломатия Казахстана обладает не только солидным потенциалом, но и опытом практической деятельности, соответствующим кадровым обеспечением. Достияжения своей публичной дипломатии Казахстан последовательно стремится конвертировать в ресурс национальной внешней политики. Профильный потенциал Кыргызстана формируется благодаря его достаточно положительной репутации на Западе, привлекательностью образования для студентов из региона и его окружения, знаковыми акцентами на развитии традиционных для многих азиатских стран видов спорта. Шаги по формированию позитивного международного имиджа Туркменистана остаются пока в большей степени мало результативными ввиду «закрытости» этой страны, неоднозначной внутриполитической ситуации и отсутствия диалога с зарубежными странами на уровне общественных структур.

Существенно увеличить возможности публичной дипломатии может Узбекистан, который и так активно использует ресурсы своего богатого культурного наследия для формирования позитивного международного восприятия ее партнерами и иностранными гражданами. Конструктивная внешнеполитическая стратегия нового руководства Узбекистана, которая

предполагает отход от «каримовского» изоляционизма в сторону большей вовлеченности в региональные и международные процессы, позволяет прогнозировать наращивание активности узбекской публичной дипломатии в ближайшие годы.

Таким образом, страны Центральной Азии выступают все более представительными участниками международного взаимодействия с использованием инструментов публичной дипломатии и ее ресурсов. При этом они отчасти опираются на иностранный опыт, особенно в том, что касается технологий продвижения позитивного имиджа государства за его пределами, но во многом стремятся выстроить оригинальный конкурентоспособный бренд на основе национальных традиций и цивилизационных особенностей региона. В то же время страны Центральной Азии сталкиваются с определенными ограничениями в развитии своей профильной деятельности, обусловленными, *во-первых*, недостатком материальных средств; *во-вторых*, спецификой политического развития и связанного с данным вопросом международной репутации; *во-третьих*, нехваткой специально подготовленных кадров и, *в-четвертых*, с абсолютно преобладающей ориентацией на возможности государственных структур. Возможности по линии участия во взаимодействии общественных организаций пока используются не достаточно.

ГЛАВА III. ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК РЕСУРСА РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

На первый взгляд, публичная дипломатия представляется инструментом продвижения сугубо национальных интересов; во многом такая трактовка справедлива. Однако внимательный анализ прикладного измерения рассматриваемого феномена показывает, что на практике в публичной дипломатии элементы сотрудничества соседствуют с соперничеством. Открытая конкурентная публичная дипломатия обычно наблюдается между теми государствами, у которых имеется конфликт интересов или набор значительных противоречий.

Что касается государств центральноазиатского региона, то у них с нерегиональными государствами нет серьезных политических конфликтов, а с недавнего времени и между ними наблюдается небывалая «оттепель». Такие реалии и тенденции делают публичную дипломатию дополнительным ресурсом развития взаимодействия центральноазиатских государств.

В настоящей главе проводится теоретико-концептуальный разбор существующих наработок по публичной дипломатии как механизма сотрудничества, анализируется аналогичный потенциал публичной в контексте центральноазиатского региона, дается оценка его значимости в урегулировании внутрирегиональных конфликтов и выявляются возможности применения ресурсов публичной дипломатии в достижении внешнеполитических задач Таджикистана.

3.1. Концептуальные аспекты анализа публичной дипломатии как механизма международного сотрудничества с учетом центральноазиатской проблематики

Публичная дипломатия сочетает в себе элементы сотрудничества и соперничества. Концептуально тематика сотрудничества по линии публичной

дипломатии в научной литературе хорошо описана, однако массив знания и теоретико-концептуальных наработок в этом направлении требует определённой систематизации. Учитывая, что речь идет о роли публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества в начале XXI века, то автор исходит из логики диалоговой модели публично-дипломатической деятельности, поскольку модель в формате монолога времен «холодной войны» оставляет слишком мало пространства для сотрудничества.

Говоря об односторонности публичной дипломатии, исследователи часто имеют в виду информационное измерение ее деятельности, которым публичная дипломатия, естественно, не ограничивается. Однако и в этом сегменте публичной дипломатии, как отмечает Дж.Най, не стоит рассматривать деятельность государств через призму несовместимости *моя информация* vs *твоя информация*. У акторов могут быть общие цели, достижение которых требует выхода за пределы узко-национальных интересов, то есть развитие сотрудничества[463]. Здесь стоит отметить, что модель соперничества логично характерна для публичной дипломатии тех государств, которые традиционно являются (гео)политическими конкурентами или имеют сложные отношения на конкретном этапе исторического развития. Данной тематике (*Public diplomacy: Adversarial States)* посвящен 17-й выпуск журнала *Public Diplomacy Magazine* за 2017 год[464], в которых авторы анализируют конкурентную публичную дипломатию разных государств в отношении друг друга на современном этапе.

Крайне важным ресурсом продвижения кооперации по линии публичной дипломатии является развитие контактов на человеческом уровне, например, в рамках образовательных обменов[465]. Опыт и результаты послевоенного сотрудничества Франции и ФРГ в образовательной сфере и признание американцами эффективности программ образовательных стажировок для

---

[463] Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy. *Public Diplomacy Magazine*, 2010, issue 3, pp.120-124.
[464] *См.:* Adversarial States. *Public Diplomacy Magazine*. Issue 17, Winter/Spring 2017.
[465] Snow N. Valuing Exchange of Persons in Public Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. Nancy Snow, Philip M. Taylor. NY: Rougledge, 2009. P. 244.

исследователей США из Советского Союза[466] являются хорошим подтверждением того, что элементы сотрудничества в комплексной стратегии публичной дипломатии присутствовали и во времена «холодной войны».

Теоретико-концептуальное осмысление сотрудничества в публичной дипломатии начинается с определения форм/моделей, особенностей структурных элементов последней и ее характеристики на разных этапах практического применения. Американские ученые Дж.Ковэн и А.Арсенолт выделяют три формы публичной дипломатии: *монолог*, *диалог* и *транснациональное сотрудничество*. Первую форму они связывают с практикой публичной дипломатии времен «холодной войны», для которой было характерно распространение односторонних потоков информации без попыток анализа их восприятия реципиентами. Диалоговая форма является относительно новой и подразумевает общение/обмен мнениями между адресатом и адресантом. И, наконец, третья модель – сотрудничество, является долгосрочной по своему исполнению. Она наиболее эффективна, поскольку направлена на создание совместных проектов между обществами и способна конструировать взаимное позитивное восприятие[467].

Еще раньше похожую модель публичной дипломатии предложил британский исследователь и практик Марк Леонард. Он выделяет три измерения публичной дипломатии: реактивное, связанное с управлением информационными потоками (*news management*), проактивное, направленное на стратегические коммуникации (*strategic communications*) и установление отношений (*relational building*). Эти измерения в практической плоскости отличаются по временному критерию – если в первом речь идет об оперативном реагировании на совершившее событие, то есть о часах, то в случае с установлением отношений требуется не один год[468].

---

[466] Долинский А.В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – №2. – С. 56-62.

[467] Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol.616, no.10, pp. 21-23.

[468] Mark Leonard, Catherine Stead, Conrad Smewing. *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre, 2002. pp. 10-11.

В своей работе М.Леонард выявляет особенности кооперативной (*co-operative*) и конкурентной (*competitive*) публичной дипломатии. Первая, по его мнению, основывается на понимании взаимовыгодного сотрудничества, на консолидации ресурсов и совместных многосторонних программах публичной дипломатии. Конкурентная публичная дипломатия, наоборот, эгоцентрична и направлена на завоевание популярности в глазах зарубежных аудиторий, что часто идет в ущерб аттрактивности других государств[469].

В современной международной практике применение кооперативной формы публичной дипломатии может способствовать решению многих проблем, в том числе в сфере безопасности. При реализации сотрудничество-ориентированной модели публичной дипломатии речь идет об определенном переосмыслении стратегии классической публичной дипломатии, когда государства должны меньше акцентировать внимание на принципе «полюбите нас», а больше концентрироваться на проектах, которые конструируют индивидуальное мышление людей и затрагивают их жизни[470].

Анализ существующих теоретических моделей публичной дипломатии в контексте кооперативной деятельности показывает, что сотрудничество в основном находится в фокусе долгосрочной стратегии публичной дипломатии. М.Мак-Доуэлл, оценивая эффективность публично-дипломатических стратегий, и во многом продолжая логику рассмотренных выше исследователей, представляет публичную дипломатию в виде пирамиды, на вершине которой находятся целенаправленные, краткосрочные/точечные (*focused, short-term activities*) действия, а в самом низу расположены действия долгосрочного, расплывчатого характера (*diffuse and long-term activities*) (см. *Рис.4*)[471].

---

[469] Ibid. pp. 23-30.
[470] Seib P. Public Diplomacy and Counterterrorism // HuffPost.
URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and-cout_b_719242.html
[471] McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*, 2008. Vol. 32:3, (Special Edition), pp. 8-17.

Рисунок 4. Уровни деятельности публичной дипломатии по М.Мак-Доуэллу.

Свою пирамиду автор объясняет по-разному. Привязывая ее к «мягкой силе», он утверждает, что деятельность на нижнем уровне способствуют ее укреплению, позволяя использовать достижения этого уровня на самом высоком уровне – в рамках информационных кампаний. В контексте же кооперативной публичной дипломатии, Мак-Доуэлл советует практикам публичной дипломатии не увлекаться первым уровнем, а стремиться к выстраиванию многоаспектных и долгосрочных взаимоотношений с целевыми обществами.

Американский специалист Р.С.Захарна, исследуя особенности ресурсов публичной дипломатии, ориентированных на сотрудничество и выстраивание отношений (*relational building initiatives*), выделяет три группы:

- программы культурно-образовательного обмена, визиты лидеров;
- культурные и языковые институты, программы содействия развитию, программы городов-побратимов, формирование социальных неполитических сетей;
- формирование стратегических транснациональных сетей и создание; коалиций государств и негосударственных акторов для достижения конкретных политических целей.

Для каждой группы автор приводит конкретные примеры международного сотрудничества из практики. В рамках первой группы упоминаются программы

образовательных обменов США, Японии и опыт формирования «сетей/ассоциаций выпускников» (*alumni networks*), визит М.Горбачева в США и его общение с рядовыми гражданами, что благодаря широкому телеосвещению изменило имидж «русской суровости» в американском общественном сознании. В контексте второй группы Захарна приводит пример культурно-языковых институтов США, Франции, Великобритании, Китая; международные программы Японии в области содействия развитию; учрежденное в начале XXI века британским Форин офисом международной неполитической научной ассоциации/сети - *Science and Innovation Network*. И, наконец, примером из практики для третьей группы являются уже упомянутый в настоящей работе Оттавский процесс и инициированная британской НПО *Global Witness* кампания по противодействию контрабанде алмазов из зон конфликтов - «процесс Кимберли»[472].

Вышеприведенные примеры доказывают, что публичная дипломатия играет важную роль в развитии международного сотрудничества по широкому спектру направлений. И речь здесь идет не только о невоенных аспектах; ресурсы публичной дипломатии сегодня оказываются востребованными в «мягкой» борьбе с деструктивной идеологией современного терроризма. В этом направлении на многостороннем уровне по линии публичной дипломатии сотрудничество идет не только в рамках таких крупных и активных акторов как АСЕАН, НАТО, но и в рамках относительно новых игроков в этой сфере - СНГ, ОДКБ и ШОС[473].

Государства все больше внимания уделяют публичной дипломатии, увеличивая расходы на профильные программы. Относительно новые игроки усиливают свои позиции на этом направлении. Так, Россия в 2017 году потратила почти 200 млн. рублей на продвижение программ общественной дипломатии. Хотя основные российские институты публичной дипломатии (Фонд поддержки

---

[472] Zaharna R.S. Mapping out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, Nancy Snow, Philip M. Taylor (eds.). NY: Rougledge, 2009, pp. 86-100.

[473] *См*.: Боришполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.89-111.; Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.112-127.

публичной дипломатии имени Горчакова, Российский совет по международным делам, Россотрудничество) часто испытывают проблемы с финансированием, тем не менее, они активно реализовывают программы и проекты научно-образовательного характера для зарубежной молодёжи по внешней политике и международным отношениям, формируют площадки для международной экспертной дискуссии по различным проблемам глобальной повестки с участием зарубежных экспертов, политиков и официальных лиц[474].

Помимо нацеленности на достижение национальных интересов, публичная дипломатия традиционно сильных акторов в этой области играет значительную роль в системном развитии международного сотрудчничества начала XXI века. Она, используя комбинированные ресурсы государств и негосударственных участников, обогащает не только свой инструментарий за счет цифровых средств коммуникации, но и расширяет номенклатуру сфер вовлеченности. Например, исследователи отмечают рост внимания публичной дипломатии США к проблематике окружающей среды, что является отражением современной тенденции экологизации мировой политики.[475] Региональные направления американской публичной дипломатии в контексте развития сотрудничества тоже вызывают интерес. Нельзя сказать, что публичная дипломатия США в Центральной Азии преуспела в достижении своих исходных целей касательно вопросов демократии, прав человека и свободы слова. Более того, как было отмечено в предыдущей главе, в регионе имеются примеры использования американцами ресурсов своей публичной дипломатии в качестве механизмов «жесткосилового» воздействия. Справедливости ради, однако, следует признать, что примеров реализации американских проектов с публично-дипломатическим содержанием, содействующих развитию сотрудничества в регионе и его окружении, тоже не мало.

---

[474] Бурлинова Н., Иванченко В., Грибкова Д. Российская публичная дипломатия в 2017 году. Обзор основных событий и трендов. Центр поддержки и развития общественных инициатив — «Креативная дипломатия». М.: – 2018. – 36с.

[475] Фоминых А. Е., Ярыгин Г. О. Экологизация публичной дипломатии США // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С.110-120.

В 2011 году занимавшая в тот период пост Госсекретаря Х. Клинтон, заявила о выдвижении инициативы «Нового шелкового пути» (*New Silk Road*), осуществление которой предусматривало создание «афганоцентричной» региональной экономической интеграции Центральной и Южной Азии. В реализации данного проекта одним из главных компонентов было названо налаживание бизнес-контактов между странами Центральной и Южной Азии. Этим, кстати, систематически занимается американская публичная дипломатия в регионе. Благодаря финансированию США организуются конференции для предпринимателей из центральноазиатских стран, проводится аналитическая работа в вузах и улучшается коммуникационная инфраструктура[476]. Однако и данная, на первый взгляд, положительная инициатива изначально виделась как часть стратегии реализации геополитического проекта; она рассматривалась в качестве, если не альтернативы евразийской интеграции, то одного из механизмов предотвращения, как утверждали американцы, «ресоветизации» региона. В этом контексте заслуживает внимания мнение французской исследовательницы М.Ларуэль, которая утверждает, что Вашингтон принял ограниченную, романтически-ностальгическую концепцию «Шелкового пути». И, несмотря на активную работу американской публичной дипломатии (в ее экспертном / информационном измерении) в деле формирования общественно-исследовательского дискурса о значимости Центральной Азии для США, на практике инициатива не была поддержана должным образом как из-за отсутствия необходимых ресурсов и реальной заинтересованности, так и из-за смешивания географических понятий. С другой стороны, конкуренты США в регионе - Россия и Китай, предпринимают конкретные шаги по формированию совместных с государствами региона механизмов кооперации, что, в отличие от американской стратегии, «свидетельствует о долгосрочной приверженности обеих стран к Центральной Азии»[477]. На текущий момент дальнейшая судьба американского

[476] U.S. Support for the New Silk Road. US Department of State.
URL: https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm
[477] Laruelle M. The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests? *Eurasian Geography and Economics*, 2015. Volume 56. Issue 4, pp.360-375.

«Шёлкового пути» находится под вопросом; в официальном (да и исследовательском) американском дискурсе она почти не упоминается, хотя некоторые изначальные проекты в ее рамках (CASA -1000, TAPI и др.) находятся на разных стадиях реализации.

Из позитивных примеров деятельности американской публичной дипломатии в регионе можно назвать некоторые экономические проекты. Они преимущественно финансируются по линии Агентства США по международному развитию (*USAID*), деятельность которого преподносится как помощь американского народа, что, собственно, и отражено на эмблеме организации – «От американского народа» *(From the American People)*. USAID в регионе реализует много локальных проектов, однако из общерегиональных следует отметить работу одного из наиболее успешных его форматов – Центральноазиатского торгового форума (*Central Asia Trade Forum*). Данное мероприятие каждый год проводится в разных странах Центральной Азии (см. *Рис.5*) и признается важной площадкой для налаживания торговых связей, установления прямых бизнес-контактов, содействия развитию международной торговли. За последние годы более 3000 предпринимателей, экспертов, *лидеров общественного мнения* из 20 стран приняли участие в работе форума[478]. В 2015 году по его итогам были подписаны Меморандумы о сотрудничестве и протоколы намерений на общую сумму более $45млн. на поставку товаров, предоставление транспортно-логистических услуг, организацию тренингов, выставок и ярмарок[479].

Рисунок 5. Год/место проведения Центральноазиатского торгового форума[480].

[478] Подробнее *см.* на сайте ЦТФ. URL: http://www.catradeforum.org/
[479] О ЦТФ в 2015 году *см.*: URL: http://car-rec.net/tsentralno_aziatskiy_torgoviy_forum/
[480] Рисунок взят с сайта Центральноазиатского торгового форума. *См.*: URL: http://catradeforum.org/ru/

USAID участвует и в реализации программы «Умная вода» (*Smart Waters*), начатая в 2015 году после центральноазиатского турне тогдашнего американского госсекретаря Джона Керри. В рамках данной программы «американцы намерены обучить новое поколение экспертов по управлению водными ресурсами», полагая, что таким образом удастся «обеспечить длительное и надежное «водяное перемирие» в чреватом столкновениями из-за недостатка воды регионе»[481]. Smart Waters, бюджет которого составляет около 10 миллионов долларов, будет реализовываться поэтапно - до 2020 года. На данном этапе к достижениям проекта можно отнести активизацию профильного научного обмена в регионе, формирование Малых Бассейновых Советов (в Кыргызстане), состоящих из представителей местных общин на всех пилотных территориях[482]. Учитывая улучшение региональной обстановки в последние годы и позитивную динамику урегулирования водных вопросов, упомянутая программа может способствовать укреплению связей и дальнейшему диалогу между организациями водного хозяйства, специалистами в области водных ресурсов и академическими сообществами в Центральной Азии.

В тему о значимости публичной дипломатии как механизма развития сотрудничества в его центральноазиатском направлении вписывается и грандиозный китайский проект - «Один пояс - один путь». Одним из связующих элементов идеи данной глобальной инициативы китайцы считают *народные связи*, развитие и усиление которых призвано сформировать общественную поддержку проекту, правильное понимание его целей и выгоды для всех участников в зарубежных обществах и в конечном итоге «конвертировать преимущества политического взаимодействия, географической близости, экономической взаимодополняемости и культурных контактов… в преимущества практического сотрудничества и устойчивого роста, чтобы сделать экономические связи

---

[481] Дубнов А. Зачем Джон Керри объехал всю Центральную Азию.Московский Центр Карнеги,05.11.2015. Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/61869

[482] *См.*: Smart Waters - Fact Sheets. *USAID.*
Mode of access: https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/fact-sheets/smart-waters

государств Евразии более тесными, их взаимное сотрудничество более глубоким, а пространство развития более широким». [483] Значимость упомянутого проекта для китайской дипломатии позволяет говорить не только о дальнейшем развитии публичной дипломатии Китая в центральноазиатском направлении, но и о хороших перспективах и масштабах международного сотрудничества.

Конечно, в рамках одного параграфа сложно анализировать все ресурсы публичной дипломатии, которые вносят вклад в развитии международного сотрудничества в начале текущего столетия. Однако на основе анализа теоретико-концептуальных аспектов сотрудничества в публичной дипломатии и наблюдения практической деятельности государств и негосударственных акторов на данном направлении, можно сделать вывод, что сотрудничество наряду с соперничеством являются имманентными атрибутами публичной дипломатии. Учитывая наличие широкой ресурсной основы стратегии публичной дипломатии и растущую конкуренцию государств в этой сфере, можно прогнозировать усиление соперничества, а параллельно и развитие общего контекста для международного сотрудничества в начале XXI века.

3.2. Механизмы публичной дипломатии как фактор развития международного сотрудничества государств центральноазиатского региона

Под механизмами публичной дипломатии некоторые исследователи понимают правительственные и неправительственные институты, формирующие и реализующие программы публичной дипломатии в зарубежных странах.[484] Другими словами, речь идет не только об определённых акторах / суб-акторах, но и об их практической деятельности, то есть о *системе работы*. В контексте настоящего параграфа под механизмами публичной дипломатии следует понимать практические шаги государств Центральной Азии в тех сферах, через которые

[483] Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения. 14.02.2015. Сайт Посольства КНР в РФ. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1237889.htm
[484] Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. – М.: Аспект Пресс, 2013. С.56.

традиционно осуществляется публично-дипломатическая деятельность, способствующая развитию долгосрочного международного сотрудничества.

Ресурсы публичной дипломатии достаточно широко используются государствами Центральной Азии, что оказывает значительное влияние на расширение их международного сотрудничества. Внутрирегиональный аспект темы настоящего параграфа автор рассматривает через текущую динамику сотрудничества в сфере культуры, науки и образования. Это измерение во многом опирается на договоренности многостороннего характера в рамках СНГ,[485] ШОС,[486] площадки «тюркского мира» и др. Если в СНГ уже сложилась нормативно-правовая база и институциональные оформление некоторых аспектов публичной дипломатии[487], то в ШОС они только создаются. Примечательно, что президент Узбекистана во время своего выступления на саммите ШОС в Астане в 2017 году предложил рассмотреть возможность учреждения Центров ШОС - постоянно действующих институтов народной дипломатии[488]. В целях реализации данной инициативы в июне 2018 года Ш. Мирзияев издал постановление «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане». Образованный в форме негосударственной некоммерческой организации, данный Центр учрежден по предложению целого ряда государственных ведомств, ключевыми из которых являются Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами, Министерство иностранных дел и Министерство культуры. Наряду с другими важными задачами Центр призван содействовать расширению культурно-гуманитарных связей со странами ШОС, организации взаимных визитов делегаций, развитию сотрудничества между странами ШОС в

---

[485] Боришполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С.89-111.

[486] Алиева Р.Р. Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2014. – Т.14. вып.4. – С.81-89.

[487] Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Мега-события как форма культурной дипломатии в странах СНГ// Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.107-116.

[488] Выступление Президента Узбекистана на саммите ШОС в г. Астане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=16&v=-WlMY5jeIDA

информационной сфере, формированию информационных ресурсов и взаимодействию со средствами массовой информации с целью широкого разъяснения целей, задач, приоритетов деятельности и основополагающих принципов ШОС. Центр также займется подготовкой и регулярной публикацией информационно-аналитических материалов о достижениях стран ШОС в культурно-гуманитарной сфере[489].

Помимо многостороннего формата, развиваются и двусторонние контакты. Так, в июле 2015 года в Кыргызстане прошли Дни культуры Таджикистана. В рамках данного мероприятия кыргызстанцы познакомились не только с богатым искусством соседней страны, но и с современными достижениями Таджикистана в области культуры[490]. В 2016 году уже в Таджикистане состоялся Дни культуры Кыргызстана. Такие культурные мероприятия между странами региона в последние годы стали проводиться на регулярной основе. Особо хотелось отметить активизацию культурного сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном. Впервые за почти двадцатилетний период обе стороны принимали у себя дни культуры друг друга. В рамках этих мероприятий были организованы ярмарки, торгово-промышленные выставки.[491] По итогам визита таджикского президента в Узбекистан в августе 2018 года наряду с другими важными соглашениями в социально-гуманитарной сфере, был подписан и меморандум о сотрудничестве между Обществом дружбы и культурных связей Таджикистана и Комитетом межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами при Диване Министров Республики Узбекистан[492]. Эксперты заговорили о том, что Ташкент и Душанбе в отношениях активно переходят к использованию ресурсов

[489] Постановление Президента Республики Узбекистан от 26.06.2018 г. (№ ПП-3807) «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане».
[490] Таджикистан-Кыргызстан: с чего все начиналось. Asia-Plus, 14.08.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tj/ru/news/tadzhikistan-kyrgyzstan-s-chego-vse-nachinalos
[491] Дни культуры Таджикистана в Узбекистане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.sputniknews uz.com/trend/dni_kulturu_tadjikistana_v_uzbekistane/
[492] Подписание новых документов о сотрудничестве между Таджикистаном и Узбекистаном. Офиц.сайта МИД Таджикистана, август 2018г. URL: http://mfa.tj/?l=ru&cat=8&art=3584

«мягкой силы»[493]. Также, следует отметить, что в 2017 году казахский президент Н.Назарбаев объявил 2018 год годом Узбекистана в Казахстане. Он отметил, что на повестке дня стоит проведение года Казахстана в Узбекистане, в рамках которого будут организованы различные мероприятия, способствующие еще большему скреплению двух народов.

Активизация культурного измерения публичной дипломатии внутри региона в последние годы стала возможной во многом благодаря Узбекистану. «Перезагрузка» отношений между странами региона после прихода к власти нового президента в этой стране дает большие надежды на усиление многоаспектной кооперации в Центральной Азии. После астанинского саммита центральноазиатских государств в марте 2018 года президент Казахстана заявил о необходимости активизации между странами региона сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, которое, по его словам, «заглохло» с советских времен. Н.Назарбаев призвал возродить практику проведения фестивалей культуры, встреч молодежи; наращивать обмен студентами и укреплять взаимодействие в сфере туризма. После астанинского саммита в интервью создателям документального фильма «Проект-Центральная Азия» известный американский исследователь по Центральной Азии Ф.Старр заявил, что «в 90-е годы каждая из бывших советских республик региона пела свою песню, но теперь они начинают петь вместе, формируя новое региональное самосознание»[494].

Задействование образовательных ресурсов в публичной дипломатии государств Центральной Азии варьируется в зависимости от потенциала этих стран в названной области. Кыргызстан и Казахстан наиболее привлекательны в этом сегменте как для студентов из региона, так и за его пределами. Это объясняется наличием в этих странах вузов, предоставляющих более качественное образование или дающих дипломы международного признания. В вузах Кыргызстана

---

[493] Гузель Майтдинова: Ташкент и Душанбе перешли в отношениях к использованию мягкой силы. Asia-Plus, 06.06.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.news.tj/ru/node/240680

[494] Документальный фильм «Проект - Центральная Азия». Видеохостинг YouTube. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=3jddswFTimY

обучаются более 2,5 тыс. казахских студентов, около 2 тыс. из Таджикистана, 506 и 75 студентов из Узбекистана и Туркменистана соответственно[495]. Большинство из 14 тыс. иностранных студентов, которые учатся в Казахстане, приходится на страны Центральной Азии - 3683 граждан Узбекистана, 1320 - Туркменистана, 1026 - из Кыргызстана[496]. Таджикистан тоже старается делать свои вузы привлекательными для иностранных абитуриентов. По данным министерства образования республики от 2013 года в вузах страны из стран региона учились 363 студента из Туркменистана, 255 из Узбекистана и более ста студентов из Кыргызстана и Казахстана[497]. Сколько иностранных студентов проходит обучение в Туркменистане не удалось уточнить по причине отсутствия общедоступной статистики. Показатели Узбекистана в этом аспекте публичной дипломатии представляются достаточно скромными. По данным 2018 года из соседних стран в узбекских вузах учатся 120 граждан Туркменистана, 42 Казахстана и 10 студентов из Кыргызстана[498].

Приведенная статистика является иллюстрацией слабого применения образовательных ресурсов в публичной дипломатии[499]. Однако у Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана есть хороший шанс инкорпорировать в свою публичную дипломатию потенциал образовательных структур, учреждаемых международными неправительственными организациями. В данном случае речь идет о крупном образовательном проекте Организации Ага Хана по развитию в регионе - Университете Центральной Азии (УЦА). Его кампусы расположены в Нарыне (Кыргызстан), Хороге (Таджикистан) и Текели (Казахстан).

---

[495] В каких вузах Кыргызстана учатся иностранцы и откуда они — инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20171206/1036697522/v-kakih-kyrgyzstanskih-vuzah-uchatsya-inostrancy.html

[496] Сколько иностранных студентов учатся в Казахстане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/process/education/skolko_inostrannyih_studentov_uchatsya_v_kazahstane/

[497] ВУЗы Таджикистана становятся привлекательными для иностранцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus.ozodi.org/a/24910280.html

[498] Основные показателей системы высшего образования в Республике Узбекистан. Отчет Государственного комитета по статистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.uz/uploads/docs/oliy-talim-yan-dek-2017-ruu.pdf

[499] *См.* Приложение 3.

Учредительный договор и Устав УЦА были подписаны Президентами Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Ага Ханом IV, ратифицированы парламентами трех республик и зарегистрированы в ООН. Президенты названных стран имеют статус Покровителей УЦА, а Ага Хан IV - Канцлера Университета. В учредительном договоре отмечается, что в Центральной Азии существует «потребность в экономическом, социальном и культурном развитии через экономическое развитие, социальные и культурные инициативы, современное образование, и средства связи, которые сохраняют и улучшают естественное и культурное наследие народов Центрально-Азиатского Горного Региона»[500]. УЦА, который будет предлагать образование международного стандарта, призван решать эти вопросы. На церемонии открытии первого кампуса УЦА в Нарыне в октябре 2016 года тогдашний вице-премьер, а нынешний президент Кыргызской Республики, Сооронбай Жээнбеков заявил, что УЦА – «это не простое учебное заведение – это академическая мастерская для подготовки лучших кадров и современных профессионалов»[501].

Значимость УЦА в контексте Центральной Азии заключается не только в том, что данный университет будет предлагать образование высокого стандарта и готовить высококвалифицированных специалистов для решения насущных проблем региона. Став элементом системы публичной дипломатии трех упомянутых государств, УЦА как точка притяжения для студентов со всего региона и его окружения, может способствовать развитию контактов между народами Центральной Азии, формированию экспертных сообществ и общей доверительной атмосферы, что в перспективе может позитивно повлиять на развитие международного сотрудничества государств Центральной Азии[502].

---

[500] Договор между Республикой Таджикистан, Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Имаматом Исмаилитов по созданию Университета Центральной Азии. г. Бишкек. 31 августа 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17042

[501] Речь Сооронбай Жээнбекова на торжественном открытии кампуса Университета Центральной Азии в Нарыне. Нарын, 19.10.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdn.org/ru/speech/mr-sooronbay-jeenbekov

[502] Бахриев Б.Х. Социально-гуманитарная деятельность негосударственных акторов в Центральной Азии: кейс Организации Ага Хана по развитию // Наследие В.Г.Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Всероссийской научно-исторической конференции (Нижний Новгород, 24-26 апреля 2018 г.) / под ред. А.Н. Фортунатова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ. С.267-284.

За пределами своего региона государства Центральной Азии тоже используют ресурсы публичной дипломатии. Помимо России, в которой государства Центральной Азии традиционно активны в названной сфере, развиваются активностӣ по другим регионам и странам. Свой вклад в этом деле вносят и общественные организации. Например, укрепляется сотрудничество таджикского общества дружбы и культурных связей (ТОДКС) с Китайским обществом дружбы и культурных связей в г. Урумчи (СУАР КНР) и Китайским народным обществом дружбы с заграницей в Пекине. Как отмечает таджикский специалист Р.Алиева, «контакты, встречи и обмены по линии этих организаций обогащают «народную дипломатию» двух стран, выступающую важным самостоятельным звеном в деле расширения культурных связей и укрепления взаимопонимания двух соседних народов»[503]. В своей работе Р.Алиева приводит большой перечень состоявшихся мероприятий по линии культурной дипломатии Таджикистана и Китая.

Крупные культурные мероприятия за пределами региона организовывает и Узбекистан. В апреле 2018 года в Вьетнаме были проведены Дни культуры Узбекистана. Активное участие в данном мероприятии приняли представители Общества Дружбы «Узбекистан-Вьетнам», поездку которых организовал недавно учрежденный для продвижения узбекской публичной дипломатии Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров Узбекистана[504]. В 2017 году данный комитет совместно с посольством Латвии в Узбекистане организовал «круглый стол» на тему «Роль народной дипломатии в развитии дружеских отношений между народами Узбекистана и Латвии». Стороны высоко оценили роль народной дипломатии в развитии сотрудничества между ними.

---

[503] Алиева Р.Р. Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2014. – Т.14. вып.4. – С.81-89.

[504] Мухамедов А.Р. Узбекистан-Вьетнам: народная дипломатия в действии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kultura.uz/view_2_r_11392.html

Казахстан помимо культурно-образовательных ресурсов в своей публичной дипломатии использует и такую форму взаимодействия как система породненных городов. По мнению казахстанских специалистов, после обретения независимости названная форма народной дипломатии была взята на вооружение и успешно продвигается. К примеру, у города Алматы 15 городов-побратимов, расположенных от Северной Америки до Восточной Азии. В республике существует Международная ассоциация «Породнённые города», которая оказывает содействие двусторонним и многосторонним отношениям Казахстана как в рамках СНГ, так и с партнёрами в других странах[505].

Конечно, приведенными примерами практика публичной дипломатии государств Центральной Азии не ограничивается. Рассмотренные факты отражают не весь комплекс публично-дипломатической работы, а некоторые ее аспекты, которые носят более долгосрочный характер и наиболее четко иллюстрируют роль механизмов публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии. Даже такой ограниченный набор практических примеров из нескольких областей показывает, что инструментарий публичной дипломатии, используемый странами региона как в отношении между собой, так и с вне-региональными государствами, является дополнительным фактором кооперации и средством формирования основ для будущего конструктивного взаимодействия.

3.3. Возможности ресурсов публичной дипломатии в урегулировании региональных конфликтов в Центральной Азии

В профильной научной и практико-ориентированной литературе публичная дипломатия преимущественно представляется практикой мирного времени. Ее понимают как инструмент проецирования влияния на зарубежные общества, как механизм конструирования благоприятного имиджа государства. Солидных научных публикаций, анализирующих данный феномен в условиях конфликтов не

[505]Абжапарова Л.Ж., Сарсембаева А.Б. Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-7. – С. 1520-1523.

так много, хотя публичная дипломатия, как представляется, предлагает разнообразные дополнительные возможности в налаживании конструктивного диалога между сторонами конфликтного взаимодействия.

По утверждению некоторых специалистов, благодаря своему «мягкому» характеру, опоре на специализированные НПО и институты гражданского общества публичная дипломатия представляется эффективным механизмом разрешения конфликтных ситуаций там, где официальные структуры ограничены, не пользуются доверием населения, не обладают глубоким представлением о причинах возникновения конфликтов и путях его решения. Инструменты публичной дипломатии, например те же структуры НПО, оказываются востребованными в реализации различных негосударственных инициатив в области безопасности[506], а также в постконфликтном миростроительстве и формировании доверительной атмосферы между конфликтующими сторонами[507]. В качестве примера можно привести российскую публичную дипломатию в урегулировании сирийского кризиса. Ее достижения и ограничения, связанные с высококонкурентным региональным контекстом, рассматриваются в статье Л.Рустамовой[508].

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что расмотрение публичной дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов на региональном уровне, то есть с участием нескольких государств, делает некоторый отход от канонического понимания данного феномена неизбежным. Представляется необходимым определенное переосмысление сущности классической публичной дипломатии – от национального эгоизма к коллективному альтруизму и готовности к сотрудничеству для достижения общих целей. В контексте урегулирования

---

[506] Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 4 (43). – С. 45–56.

[507] *См.:* Cowan G., Arsenault A. Moving from monologue to dialogue to collaboration: The three layers of public diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, № 1. P. 10–30.; Pratkanis A. Public Diplomacy in International Conflicts: A Social Influence Analysis. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY, London: Routledge, 2009. pp. 111-153.; Semetko H. A. Media and public diplomacy in times of war and crisis. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52, № 5. P. 639–642.

[508] Рустамова Л.Р. Публичная дипломатия России в урегулировании конфликта в Сирии // Мировая политика. – 2018. – № 1. – С.33-37. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.1.25576.

конфликтов распространенная *конкурентная модель* публичной дипломатии, являющейся преимущественно *национально-ориентированной* практикой, кажется не совсем подходящей[509]. Наиболее оптимальной моделью представляется ориентированная на развитие отношений во взаимовыгодных направлениях *кооперативная* публичная дипломатия[510].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что в Центральной Азии - сложном и неоднородном в плане политики, экономики, безопасности и т.д. регионе, ресурсы публичной дипломатии могли бы быть полезны для установления стабильных внутрирегиональных отношений. Как отмечает Н.Потапова, исследователь из Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистана), «углубление и расширение уже существующих механизмов осуществления публичной дипломатии и создание новых» представляются значительными дополнительными мерами по разрешению проблемы безопасности Центральной Азии, связанной в том числе с Афганистаном[511]. Хотя в последнее время в отношениях между странами региона и наблюдается позитивная динамика, но множество конфликтогенных факторов внутри и внерегионального происхождения до сих пор оказывают отрицательное влияние на их взаимоотношения[512].

Эксперты часто называют Центральную Азию регионом *дуализмов*, которые носят историко-культурный (персо-тюркские народы), географический (страны верховья-низовья рек), (гео)политический характер (демократия-автократия, Ташкент-Астана). После приобретения странами региона независимости во многом эти дуализмы легли в идейную основу их наце/государство-строительства[513]. Ретроспективный анализ исторического значения названных противопоставлений

---

[509] Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011. – № 25. – С.63-73.
[510] Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public Diplomacy*. L.: The Foreign Policy Centre, 2002. P. 10–11.
[511] Потапова Н.Ю. «Мягкая сила» в дипломатии Узбекистана при решении проблем безопасности (на примере Афганистана) // Сборник научных статей - *Science and Innovations in the Globalized World*, San Diego, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=25744573& (дата обращения: 01.01.18).
[512] Умаров Ф.Б. Влияния конфликтогенных ситуаций на взаимоотношения государств Центральной Азии // Вестник Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан «Таджикистан и современный мир». – 2012. – №1 (30). – С. 120-129.
[513] Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Алматы: Фонд им. Ф. Эберта. 2015. – 31с.

говорит о преувеличении их значимости для определения отношений между народами региона. Однако в постсоветский период, в условиях отсутствия регулярного конструктивного диалога между государствами и обществами Центральной Азии, эти порой раздутые дуализмы становятся негативными для региональной стабильности факторами. И здесь диссертант во многом разделяет мнение узбекского ученого Ф.Толипова о том, что в региональных взаимоотношениях элитистская составляющая стала преобладать над народной, то есть интеграция по своей сути с народным началом «превратилась в элитистскую по своему характеру дезинтеграцию»[514].

В этом контексте публичная, или, как ее обычно называют в регионе, *народная*, дипломатия представляется одним из превентивных механизмов и инструментов борьбы с упомянутыми выше вызовами, а также в формировании сетей регулярных контактов между государствами и обществами Центральной Азии. Хотя исследователи называют ее крайне важной «в ситуации, когда имеется дефицит доверия для преодоления конфронтации»[515], на данный момент прикладные возможности данного феномена в названной сфере в рассматриваемом нами регионе не стали объектом серьезного научного анализа.

Опыт прикладного применения ресурсов публичной / народной дипломатии в урегулировании конфликта в регионе имеется. В урегулировании кровопролитной гражданской войны в Таджикистане помимо официальных государственных посредников участие принимали и влиятельные таджикские, российские, иранские и другие общественные, религиозные деятели. Публично-дипломатические механизмы и ресурсы сыграли значительную роль в достижении национального согласия, единства с учетом местных традиций и менталитета таджикского общества. Российский ученый И.Звягельская высоко оценивает значимость

---

[514] Толипов Ф. Центральная Азия: теория дезинтеграции // Центральная Азия 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / Под ред. М.Ларюэль и А.Курманова. – Университет Дж. Вашингтона, 2017. С.24-28.; *См. также*: Толипов Ф. Центральная Азия как пространство, полития, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С.119-127.

[515] Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С.154–164.

межтаджикского общественного диалога - «параллельной дипломатии», в контексте «многоуровневого мирного процесса, включающего задачи достижения национального примирения и поиска оптимальных путей постконфликтного развития».[516] В центральноазиатском контексте можно привести пример деятельности Организации Ага Хана по развитию, которая была одним из активных влиятельных негосударственных участников урегулирования гражданской войны в Таджикистане[517].

На современном этапе при создании регулярно функционирующих региональных диалоговых форматов можно использовать площадки крупных международных организаций. Наглядным примером представляется РЦПДООН, конфликторегулирующий потенциал которого был упомянут в первой главе настоящей диссертации. Здесь же добавим, что данный Центр ежегодно организует семинары в рамках серии «Стратегический диалог». По сути, это площадка для налаживания прямой коммуникации между центральноазиатскими «мозговыми центрами» (в основном это государственные институты стратегических исследований) с международными организациями и независимыми экспертами по вопросам безопасности и превентивной дипломатии. Примечательно, что в последние годы приглашённые Центром эксперты из стран региона для обсуждения общих проблем региональной безопасности, часто говорят о необходимости применения «мягкой силы» в этом направлении[518].

Другой такой площадкой может стать недавно учрежденный Узбекистаном Центр народной дипломатии ШОС, который призван:

- содействовать укреплению взаимного доверия и добрососедства, межнационального и межконфессионального согласия, развитию межцивилизационного диалога среди стран ШОС;

---

[516] Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект Пресс, 2009. С. 169.

[517] Алексеева А. Роль Организации развития Ага Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 1(54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. Под редакцией Е.А. Степановой, С. 308-323. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-308-323

[518] The Impact of External Factors on Security and Development in Central Asia / UNRCCA. Bishkek, 2016.

- применять инструменты народной дипломатии с целью сближения стран ШОС и их народов, укрепления духа взаимного доверия и добрососедства;
- создавать условия для установления дружественной атмосферы взаимодействия между институтами гражданского общества, в том числе молодежными и женскими организациями стран ШОС[519].

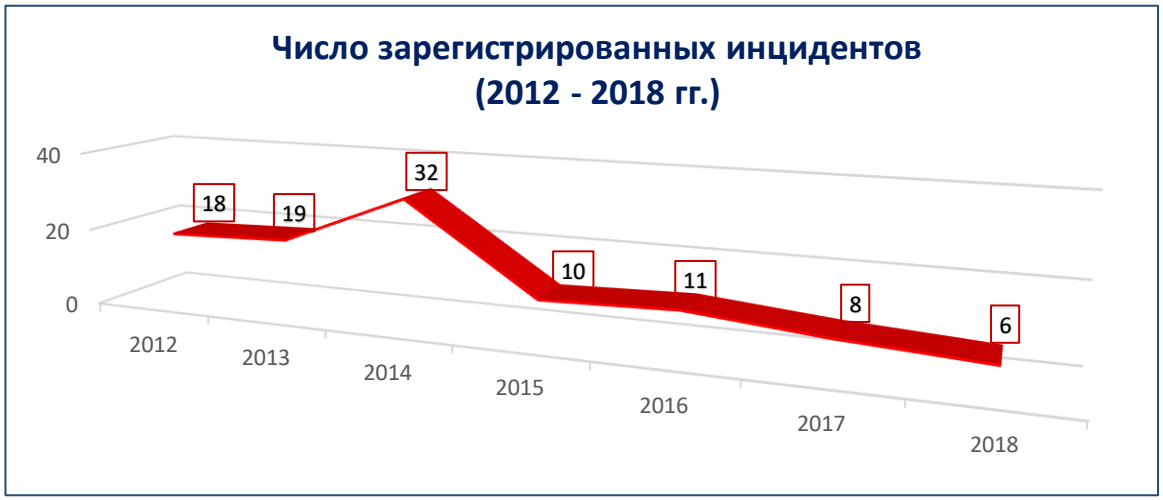
Одной из сложнейших конфликтогенных проблем центральноазиатского региона является незавершенность и несовершенство государственных границ. Существующие линии их прохождения являются источником многочисленных межгосударственных противоречий, оказывая негативное влияние на политическую стабильность в регионе и на перспективу не только его интеграции, но и евразийской интеграции в целом. Остро данный вопрос стоит между «тройкой» — Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Часто на приграничных районах происходят стычки местных жителей и вооруженных сил, доходило дело и до грани полномасштабного конфликта, когда в 2016 году Кыргызстан, обвинив Узбекистан во вторжении на его территорию, обратился в ОДКБ за помощью в решении сложившейся ситуации[520].

В предотвращении такого рода конфликтов эффективность инструментов публичной дипломатии продемонстрировал опыт местных властей в таджикско-киргизских приграничных районах, где достаточно часто можно наблюдать признаки напряженности. В решении противоречий и поиске ответов на острые вопросы взаимоотношений в этих районах местные власти начали активно прибегать к авторитету и опыту *аксакалов* — уважаемых в местных общинах людей, организовывали культурные мероприятия. Хотя обе стороны признают определенную эффективность таких инициатив публично-дипломатического

[519] Постановление Президента Республики Узбекистан от 26.06.2018 г. (№ ПП-3807) «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане».
[520]Кыргызстан обратился к ОДКБ за помощью в разрешении приграничного спора с Узбекистаном // ИА Фергана. 22.03.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fergananews.com/news/24567

характера в поддержании стабильности в спорных приграничных зонах[521], общая динамика напряженности все еще остается тревожной (см. *Рис*. 6).

Рисунок 6. Динамика напряженности в разных участках таджикско-киргизской границы (с 2012 г. по июль 2018 г.)[522].

В целом, эксперты из региона уверены, что именно народную дипломатию следует «рассматривать как один из основных инструментов улаживания конфликтов, до окончания процесса делимитации и демаркации границ»[523]. Наиболее важным элементом миростроительных инициатив (*peacebuilding initiatives*) называется работа с молодым поколением в приграничных районах, где из-за регулярных стычек и столкновений (преимущественно с участием молодых людей) между населением обеих стран сформировались достаточно сложные отношения, а в некоторых местах крайне негативное восприятие другой стороны. Такая картина в молодёжной среде во многом характерна для приграничных территорий Таджикистана и Кыргызстана; одним из путей выходов из сложившейся ситуации исследователи видят в повышении вовлеченности молодых людей с обеих сторон в общие проекты через организацию совместных тренингов, семинаров, молодежных лагерей, культурных фестивалей, спортивных

[521] Таджикско-киргизские переговоры: от стабильности на границах до экономического сотрудничества / пер. с тадж. Радиои Озоди. 24 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ozodi.org/a/tajik-and-kyrgys-border-tensions-dicreased-in-recent-years/28136570.html

[522] Диаграмма составлена автором на основе данных Погранслужбы Республики Кыргызстан и материалов СМИ. Данные за 2018 год охватывают период с января по июль.

[523] Таджикский политолог: народная дипломатия решит приграничные конфликты. Спутник. 04.08.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.sputnik.kg/opinion/20150804/1017164924.html

мероприятий и т.д.[524] Другими словами, речь идет о необходимости формирования и укрепления стратегического *социального капитала* через механизмы кооперативной публичной дипломатии.

Такой транснациональный социальный капитал в качестве ресурса публичной дипломатии целесообразно привлекать и к решению проблем водного сотрудничества, хотя стоит признать его ограниченность из-за высокой степени политизации водного вопроса и его важности в системе приоритетов политики стран региона. Однако проведение регулярных встреч профильных экспертов со всего региона, представителей гражданского общества и НПО могло способствовать лучшему взаимопониманию, конструктивному диалогу и нивелированию опасений по поводу возможного применения водных ресурсов в качестве «гидрополитического» оружия. Специалисты утверждают, что одним из необходимых условий для успешных программ в этой области является участие общественности, НПО - причём равноправное, на не селективно - декоративное[525]. В решении водно-энергетических вопросов можно использовать площадку существующих региональных институтов. Определёнными возможностями в этом направлении обладают СНГ и ШОС[526]. Впрочем, отдельными странами региона ресурсы «мягкой силы» уже используются, не только для создания своего образа как ответственного защитника окружающей среды, но и для решения существующих противоречий с соседями по водному вопросу[527].

---

[524] *См.*: Usmanov J. Engaging Youth to Sustain (Inter-Communal) Peace at the Tajikistan-Kyrgyzstan Border. In: *New Voices from Central Asia. Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Volume 2. Marlene Laruelle (ed). Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp.161-180. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads /2018/05/New-Voices-from-CA-vol-2-5.pdf (accessed: 01.10.2018).; Mamatova D. Grassroots Peacebuilding: Cross-Border Cooperation in the Ferghana Valley. In:*New Voices from Central Asia. Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Volume 2. Marlene Laruelle (ed). Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp.147-160. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads /2018/05/New-Voices-from-CA-vol-2-5.pdf (accessed: 01.10.2018).

[525] Есекин Б.К. Сотрудничество стран Центральной Азии в бассейне Арала: почему не получается? //Материалы Международной научно-практической конференции «Вода для устойчивого развития Центральной Азии», посвящённой началу Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028» (г. Душанбе, 23-24 марта 2018 года). – Душанбе: Издательство «ПРОМЭКСПО», 2018. С.57-62.

[526] Боришполец К. П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения // Вестн. МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С.31–37.

[527] Menga F., Mirumachi N. Fostering Tajik hydraulic development: Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam. *Water Alternatives*. 2016. Vol. 9, № 2. P. 373–388.

На фоне усиления угроз религиозного экстремизма и терроризма в Центральной Азии, публичная дипломатия может стать одним из важных компонентов антитеррористической стратегии государств региона. Ее инструменты должны применяться не только в самом регионе, но и за его пределами, особенно в России, где работает и проживает большое число выходцев из региона. Для многих молодых мигрантов именно Россия становится транзитным пунктом на пути к присоединению к радикальным группировкам на Ближнем Востоке, Афганистане и Пакистане. Публичная дипломатия государств Центральной Азии в лице своих диаспор, деятелей религии и культуры должна активно работать с молодыми мигрантами — выходцами из своих государств, способствовать их адаптации в новой социокультурной среде в качестве превентивной меры против формирования маргинальных кругов, представляющие собой благодатную почву для распространения экстремистских нарративов.

В контексте угроз безопасности центральноазиатского региона и методов борьбы с ними необходимо учитывать обстановку в соседнем Афганистане. Многие вызовы и угрозы исходят именно от деструктивных сил в этой стране и для нейтрализации их влияния ресурсы публичной дипломатии могут оказаться крайне востребованными[528]. По мнению Ю.Лалетина, мнения старейшин, позиции лидеров племен в истории Афганистана всегда играли решающую роль для решения любых задач и проблем, и «народную дипломатию» в контексте этой страны можно назвать дипломатией старейшин и религиозных лидеров[529]. Их авторитет в обществе, разнообразие опыта были бы крайне полезны для решения многих практических задач, если бы их допускали к участию на регулярной основе в работе правительства и МИД[530]. Действительно, в Афганистане в местах регулярного сбора людей (мечети, такияханы и другие святые места) можно использовать

[528] Цветкова Н.А., Сытник А.Н. Публичная дипломатия в Афганистане,2002-2018 гг.: влияние США на социальные сети, политическую систему и университеты // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2018. – Т. 11. – Вып. 4. – С.344-361.
[529] Лалетин Ю. П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // Восток. – 2008. – № 2. – С.137–149.
[530] Шах М. Потенциал «народной дипломатии» и значение ее применения в Афганистане // Афганистан.Ру. 03.05.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://afghanistan.ru/doc/14632.html

влияние религиозных деятелей, их традиционные обращения к прихожанам, выступления представителей власти для донесения до людей всей пагубности радикальной религиозной идеологии. И в Центральной Азии, учитывая, что в некоторых регионах реальным субъектом местной власти до сих пор являются религиозные деятели[531], их авторитет, особенно тех, обладающих правом выносить *фетвы* (решения по какому-либо общественному, политическому или правовому вопросу), представляется значительным инструментом для «мягкой» борьбы с радикализацией. Однако, как показывает практика, такими возможностями часто пользуются представители экстремистских группировок.

Практика использования религиозных институтов и деятелей в борьбе против радикальной идеологии в постсоветской Центральной Азии существует[532], однако она нуждается в системности, организованности, привлечении религиозных авторитетов из других стран и регулярности встреч местных духовных лидеров с представителями их общин, которые в большом количестве проживают в других странах. Необходимость поддержания духовных связей как превентивная мера против распространения религиозного экстремизма среди мигрантов из Центральной Азии в других странах, в частности в России, показывают выводы международных исследований[533], Здесь возникает необходимость налаживания сотрудничества как по линии государственных ведомств, так и общественных организаций, институтов гражданского общества.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на недостаточное научное внимание к публичной дипломатии как фактору, смягчающему остроту

---

[531] Овсянников Д., Попов Д. Суннитский ислам и государственная власть в Таджикистане: вопросы взаимодействия и идентификации // Мусульманский мир. – 2017. – №2. – С. 6-25.

[532] Наиболее полно данный вопрос исследуется в серии работ американского специалиста Н.Такера (*Noah Tucker*). *См.*: Tucker N. et al. Public and State Responses to ISIS Messaging: Tajikistan / Uzbekistan / Kazakhstan / Kyrgyzstan / Turkmenistan (with R.Turaeva). *CERIA Brief* No.11 / 12 / 13 / 14 / 15. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9287 (accessed: 29.10.2018).

[533] Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq: drivers and responses. *USAID*. May 4, 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PBAAE879.pdf; Tucker N. Islamic State messaging to Central Asians Migrant Workers in Russia. *CERIA Brief*. No.6, March 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/6982; Syria Calling: Radicalisation in Central Asia. *Crisis Group Europe and Central Asia Briefing* №72, January 2015. 16p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b72-syria-calling-radicalisation-in-central-asia.pdf

конфликтного взаимодействия, напряженности в отношениях между сторонами, в прикладной плоскости этот феномен обладает возможностями не только для укрепления «мягкой силы» государств, но и для улаживания опасных с точки зрения международной безопасности конфликтов, установления конструктивного диалога и формирования доверительных взаимоотношений.

В контексте центральноазиатского региона последовательное использование ресурсов публичной дипломатии дают возможность региону превратиться в некое «сообщество безопасности» (англ. *security community*)[534], Позитивные тенденции последних лет в межгосударственных отношениях, понимание и готовность к диалогу и сотрудничеству между странами региона на данном этапе конструируют основу трех условий, которые известный немецкий политолог Карл Дойч считал фундаментальными для формирования *security community*. *Во-первых*, благодаря активному взаимодействию между населением региона укрепляется *чувство общности*, контакты же на высоком политическом уровне способствуют повышению степени сопоставимости политических ценностей. *Во-вторых*, характер нынешних достигнутых договоренностей говорит о том, что страны региона стремятся к адекватному реагированию на проблемы и нужды друг друга. *В-третьих*, названные тенденции создают доверительную политическую атмосферу в регионе, повышая предсказуемость поведения его государств друг для друга.

Можно прийти к выводу, что ресурсы публичной дипломатии целесообразно использовать при решении практически всех конфликтогенных вопросов в Центральной Азии, но эффективность такой работы будет определяться в зависимости от приоритетов различных государств и готовности идти на компромисс. Если в такой политизированной сфере, как водная проблема,

[534] Теория сообщества безопасности Карла Дойч представляет собой социологический подход к вопросам поддержания мира между государствами. Ее основная идея состоит в том, что главными факторами возникновения уверенности в мирном развитии отношений между государствами являются взаимное доверие и наличие общей идентичности. Ключевой характеристикой любого сообщества безопасности является взаимная уверенность его участников в том, что при решении любых споров никто из них не будет использовать силу. См.: Deutsch, Karl W.; et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press. 1957.

возможности публичной дипломатии кажутся ограниченными, то при выработке комплексной стратегии решения приграничных споров, в преодолении пресловутых «дуализмов», в борьбе с экспансией радикальных идеологий ресурсы публичной дипломатии в регионе имеют значительный потенциал, который пока должным образом не используется.

3.4. Потенциал публичной дипломатии Таджикистана в интересах укрепления внешнеполитических позиций страны и повышения ее имиджа на международной арене

В существующей научной литературе по публичной дипломатии государств Центральной Азии в фокусе внимания исследователей преимущественно оказывается профильная практика Казахстана. Это представляется логичным на фоне энергичных шагов Астаны в продвижении своей «мягкой силы». Встречаются и работы об особенностях публично-дипломатической деятельности Кыргызстана, Узбекистана и даже «закрытого» Туркменистана. Опираясь на эти работы, автор настоящей диссертации составил более комплексную картину деятельности стран региона в сфере публичной дипломатии. Однако, без исследования потенциала и опыта Таджикистана, профильная исследовательская картина кажется фрагментарной. Именно этот пробел в осмыслении тематики публичной дипломатии в ее центральноазиатском направлении во многом лег в основу логики выделения публичной дипломатии Таджикистана отдельного параграфа в настоящем диссертационном исследовании.

По публичной дипломатии Таджикистана научных работ практически нет, поэтому в настоящем параграфе автор анализирует потенциал публичной дипломатии Таджикистана в укреплении внешнеполитических позиций страны и формировании ее положительного международного имиджа. Однако перед тем, как перейти к анализу таджикской публичной дипломатии, хотелось бы охарактеризовать потенциал «мягкой силы» Таджикистана. Автор уточняет, что «мягкая сила» государства в понимании автора данной концепции Дж. Ная, формируются привлекательностью его культуры, аттрактивностью политических

ценностей, демонстрацией реальной приверженности этим ценностям и успешными внешнеполитическими действиями на международной арене[535].

В сознании большинство иностранцев – как из близких, так и дальних стран – Таджикистан ассоциируется с бедной страной, оправляющейся от разрушительных последствий гражданской войны; с государством, которое зависит от денежных переводов своих трудовых мигрантов. Наряду с этим различные международные правозащитные организации часто критикуют республику за проблемы с функционированием институтов демократии и свободой СМИ[536]. Картину дополняют географическое соседство с нестабильным десятилетиями Афганистаном и «репутация» транзитной страны для афганских опиатов. Примерно так вырисовывается образ Таджикистана в информационном поле и формируется значителный зарубежный дискурс о нем, что логично влияет на его восприятие в международной среде[537]. Безусловно, многое из вышесказанного имеет отношение к действительсности, однако часто подобный образ Таджикистана и его властей формируется на основе тенденциозных, предвзятых и политизированных оценок. Но все равно возникает логичный вопрос: что же тогда с привлекательностью Таджикистана? На какие ресурсы может опираться потенциал его «мягкой силы»?

Для начала обратимся к международным рейтингам «мягкой силы», которые при оценке изучаемой страны опираются на широкий ряд параметров – от объема расходов на образование, статистики туристической отрасли и уровня грамотности населения до количества зарубежных представительств, числа фолловеров официальных страниц первых лиц государств в социальных сетях и наличия на территории государства объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

---

[535] Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 94-109.

[536] См.: Human Rights Watch World Report 2016: Tajikistan. [Electronic resource]. — Mode of access:https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/Tajikistan

[537] Бушков В.И., Поляков С.П., Селиванец А.А., Собянин А.Д. Таджикистан: образ российского стратегического союзника в СМИ // Профи. – 2001. – № 1-2. – С. 67–72.

Из всего многообразия критериев применительно к Таджикистану диссертант выдвигает на первый план те параметры, которые на данный момент представляются наиболее перспективными в определении его «мягкосилового» потенциала.

1. Историко-культурное наследие

Историко-культурное наследие Таджикистана можно считать одним из ключевых компонентов потенциала его «мягкой силы». Президент Таджикистана Э.Рахмона называют землю предков таджиков вечным музеем истории. Действительно, на данный момент в стране зарегистрировано 1873 историко-культурных памятника, из них 324 исторических, 1264 памятника древней старины, и 258 - архитектурные памятники[538]. Из этого числа 2 объекста - Саразм и Таджикский национальный парк (Памирские горы) - находятся в списке объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, составляя 0,2 % от общего числа. Кроме этого, по состоянию на 2017 год, 16 объектов на территории страны находятся числе кандидатов на включение (*tentative list)* в список всемирного наследия[539].

Помимо объектов материального наследия в репрезентативный список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО входит музыка *шашмаком* (от Таджикистана и Узбекистана), праздник *Навруз* (совместная заявка 21 государств), *оши-палав* – традиционное блюдо и его социально-культурный контекст в Таджикистане[540], а также (с декабря 2018 года) искусство вышивания *чакана*[541].

Народные традиции, уникальные особенности обычаев таджикского народа, уходящие корнями в глубокую древность, являются потенциалом его «мягкой

---

[538] Тиллоев С.С. Место памятников культурного наследия в Республике Таджикистан // Вестник КГУСТА. – 2013. – №4. – С.179-183.

[539] UNESCO World Heritage Centre: Tajikistan. [Electronic resource]. — Mode of access: http://whc.unesco.org /en/statesparties/tj

[540] UNESCO Intangible Heritage. Oshi Palav, a traditional meal and its social and cultural contexts in Tajikistan. [Electronic resource]. — Mode of access: https://ich.unesco.org/en/RL/oshi-palav-a-traditional-meal-and-its-social-and-cultural-contexts-in-tajikistan-01191?RL=01191

[541] *Чакан* представляет собой вышивание узоров, цветов и символических рисунков яркими нитками на шелковых или хлопковых тканях. Используется для украшения одежды и домашнего текстиля. Многие символы/элементы узоров, которыми декорируется *чакан*, связаны с культурой доисламского периода истории таджиков.

силы». Тот же праздник Навруз - самый почитаемый праздник в Таджикистане, считается древнейшим праздником в истории человечества.[542] ЮНЕСКО, включая его в вышеназванный Репрезентативный список, назвала Навруз традиционным праздником, пропагандирующим ценности мира и способствующим установлению дружбы между разными народами. В знак уважения к Навруз, традиционному празднику 300 миллионов людей по всему миру, и его значимости в межкультурном диалоге, в феврале 2010 года Генеральная ассамблея ООН объявила 21 марта «Международным днём Навруза»[543]. Можно сказать, что древние традиции и обычаи, аутентичная культура каждого этноса, общие праздники иранских народов, например, названный нами Навруз, формируя потенциал «мягкой силы» Таджикистана, способствуют развитию контактов между народами. Примером может служить ежегодное совместное празднование Навруз странами Центральной Азии, Ирана, Афганистана с участием представителей других государств в одной из стран региона.

Однако названный потенциал, если его рассматривать в контексте «мягкой силы», является скорее пассивной «мягкой силой»[544]. «Деятельной» она может стать только в случае превращения страны в объект активного интереса иностранных туристов.

2. *Туристическая аттрактивность как фактор «мягкой силы» Таджикистана*

Объясняя значимость туризма как стратегического ресурса внешней политики языком политической науки, вспоминаются слова американского

---

[542] Исомитдинов Ж.Б. К истории и традициям праздника Навруз // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2014. – № 5 (61). – С.161-170.

[543] Resolution adopted by the General Assembly on 23 February 2010 (A/RES/64/253) on International Day of Nowruz. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/64/25

[544] Российские исследователи М.Братерский и А.Скриба «мягкую силу» условно делят на две составляющие: пассивную и «деятельную» «мягкую силу». Первая - это характеристики, имманентные конкретной стране, существующие просто потому, что они есть. Обладая привлекательностью *a priori*, государство, тем не менее, не стремится к тому, чтобы «понравиться» другим. Вторая, «деятельная» «мягкая сила», наоборот, характеризуется активной политикой страны-акторы по донесению до объекта воздействия свои преимущества и формированию в его обществе/политической среде выгодную для себя ценностную позицию или позицию по той или иной внешнеполитической проблеме. *См.*: Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т.9. – №2. – С.130-144.

специалиста в области международных отношений Дж. Розенау, который, указывая на множественность участников современной мировой политики, всю их совокупность сводил к символическим образам *туриста* и *террориста*. До него основное содержание международных отношений составляли взаимодействия между государствами, символически представленные французским политологом Р.Ароном в фигурах *дипломата* и *солдата*[545]. Получается, туристы – это стратегический политический ресурс, способный формировать международный имидж государств, которые они посещают, и потенциально оказать влияние на общественное мнение в отношении этих стран и их политики.

Культурное наследие Таджикистана привлекает внимание все большего количества иностранных туристов. В 2015 года туристический прирост этой страны, которая известна своими зелеными пейзажами и подходящими для альпинизма горами, составил 94%. Страну за год посетили 414 тысяч туристов. Всемирная туристическая организация (*ЮНВТО*) признала Таджикистан одним из самых быстрорастущих туристических направлений (2-е место после Парагвая)[546]. В 2017 году, согласно докладу Всемирного экономического форума, Таджикистан улучшил свою позицию, попав в тройку стран с самым значительным прогрессом (*most-improved countries*), поднявшись с 119 место в 2015 на 107 место[547]. Правительство республики в Концепции развития туризма на 2009-2019 гг. ставит задачу – добиться ежегодного привлечения более 1 миллиона туристов в страну до 2020 года[548]. Данная задача, по мнению экспертов, представляется достижимой при условии инвестирования в туристическую инфраструктуру, активного использования медиа-ресурсов для пиара и гармонизации правовых вопросов[549]. Фактически поставленная цель была достигнута по итогам 2018 года; по данным

---

[545] Цыганков П. Мировая политика и ее содержание//Международные процессы. –2005. –Том 3, № 7. – С. 53-65.
[546] UNWTO Tourism Highlights. 2016 Edition. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.dadosefatos.turismo.gov.br/images/pdf/estatisticas_indicadores/UNTWO_Tourism_Highlights_2016_Edition.pdf
[547] The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf
[548] Постановление правительства Республики Таджикистан от 2 апреля 2009 года №202 «Об утверждении Концепции развития туризма в Республике Таджикистан на 2009-2019 годы».
[549] Примкулов А., Христолюбова Д. Туризм в Таджикистане: достижения и барьеры. Специально для Asia-Plus. Душанбе, 23 ноября 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://project75783.tilda.ws/tj_travel

Комитета по развитию туризма при правительстве Республики Таджикистан, страну в 2018 году посетили более 1 миллиона 150 тыс. иностранных граждан[550]. Правда, упомянутый орган не уточняет: в этот показатель он включает только туристов или всех иностранцев, которые посетили республику за 2018 год.

Хотелось бы уточнить, что в настоящей работе туристический потенциал и растущая привлекательность Таджикистана в глазах зарубежных туристов интересует диссертанта не в терминах экономической выгоды, а с точки зрения ресурсов «мягкой силы», то есть как стратегический *имидж-образующий ресурс*. Принося миллионы в казну государства,[551] иностранные туристы увозят *впечатления*, от которых в современный век технологии и интернета зависит формирование образа страны и отношение к ней в тех обществах, откуда в эту страну приезжают туристы.

В этом контексте международные рейтинги выступают неким эталоном при оценке «мягкой силы» государств[552]. Следует признать, что такие рейтинги имеют определенные методологические недостатки, а авторитет их оценок часто ставится под вопрос из-за субъективизма или даже идеологизированности[553]. Однако для масштабного «взвешивания» репутации и влияния государств они все же представляются значительным индикатором «мягкосилового» влияния[554]. В настоящем исследовании для оценки туристической привлекательности в совокупном измерении «мягкой силы» Таджикистана диссертант выбрал 3 международных рейтинга:

- «Индекс конкурентоспособности для путешествий и туризма» (*The Travel and Tourism Competitiveness Index*) Всемирного экономического форума

---

[550] More Than 1 Million Foreign Tourists Visited Tajikistan in 2018.
URL: http://traveltajikistan.tj/2019/02/15/more-than-1-million-foreign-tourists-visited-tajikistan-in-2018/

[551] По данным Всемирной туристической организации, в 2016 году доходы Таджикистана от туризма составили более 149 млн. долларов.

[552] Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №6. – С. 48–58.

[553] Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 54.

[554] Крыстев К.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии//Вестник АРГО. – 2017(6). – С.92-102.

- «Рейтинг брендов стран в туризме» (*Country Brand Ranking. Tourism Edition*) компании «Bloom Consalting»
- «Индекс глобального присутствия» (*Elcano Global Presence Report*) Королевского института Элькано.

В первых двух рейтингах туризм представлен единственным фокусом измерения «мягкой силы» государств, а в третьем он выступает в качестве одного из элементов общей «мягкосиловой» оценки. Для получения адекватного представления о позиции Республики Таджикистан, автор проводит сравнение ее позиций с соседними государствами Центральной Азии (см. *Таблица 2.*). Компаративистский взгляд в данном контексте, *во-первых*, поможет выявить *индивидуальные* сильные стороны государств региона в профильной сфере с учетом того, что последние несколько лет они (кроме Туркменистана) соревнуются друг с другом в привлечении иностранных туристов[555]. *Во-вторых*, такое сравнение показывает *общерегиональный* туристический потенциал, что важно в свете усиливающегося дискурса о введении странами региона единой визы под названием «Шелковая виза» (*Silk Visa*).

Таблица 2. Таджикистан в международных рейтингах (с оценками туристического потенциала) для измерения «мягкой силы» (сравнение со странами-лидерами и государствами ЦА 2016–2017 гг.)[556].

Международный рейтинг	**Методология оценки**	**Число госуд. в рейтинге**	**Лидер рейтинга**	**Таджикистан**	**Казахстан**	**Кыргызстан**	**Туркменистан**	**Узбекистан**
				П о з и ц и я				
The Travel & Tourism Competitiveness Index (2017)	Совокупность показателей, имеющих отнош-е к туризму	**136**	Испания	**107**	**81**	**115**	–	–
Bloom Consulting Country Brand Ranking. Tourism Edition (2017/2018)	Совокупность показателей, имеющих отнош-е к туризму	**193**	США	**179**	**98**	**145**	–	–
Elcano Global Presence Index (2017)	Совокупность показ-й «мягкого» измерения (культура, образов-я, туризм, спорт и др.)	**110**	США	–	**49**	–	**110**	**71**

[555] «Хуш омадед, сэр» говорят в Самарканде! На картах показываем нашу гостеприимность. Портал «Central Asian Analytical Network», 01.11.2018. Режим доступа: http://caa-network.org/archives/14494

[556] *См. также*.: Приложение 6.

Показатели данных авторитетных рейтингов проливают свет на многие проблемы, но и демонстрируют сильные, привлекательные стороны туристической отрасли Таджикистана.

В рейтинге «Индекс конкурентоспособности путешествий и туризма» состояние этой отрасли в каждой стране определяется по 14 показателям. Таджикистан по параметру «безопасность и охрана» лидирует в регионе, имеет хорошие показатели по показателям «здоровье и гигиена», «человеческие ресурсы и рынок труда», «бизнес-среда», «ценовая конкурентоспособность», но сильно отстает по развитию информационных и коммуникационных технологий, туристической инфраструктуры[557].

Рейтинг государственного бренда в сфере туризма, который готовит компания «Bloom Consulting», составляется на основе 4 показателей:

- показатели экономического развития, связанные с туризмом (приток и рост туристов в страну);
- упоминания в поисковых запросах в контексте туризма (*digital demand*);
- стратегического позиционирования национальных туристических организаций (*country brand strategy*);
- стратегии присутствия в виртуальном пространстве (*online performance*).

В 2017 году Таджикистан впервые оказался в рейтинге и занял 179 место, получив статус категории B – «относительно хорошо» (*slightly good*) по такому важному показателю, как стратегическое позиционирование национальных туристических организаций[558]. Значимость данного показателя выявляется после анализа онлайн-запросов, связанных с Таджикистаном во всем интернете. Нас же

---

[557] The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf

[558] Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition. – 40 p. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.bloomconsulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf

интересует именно туристическая привлекательность страны, то есть то, что ищут пользователи о туризме в Таджикистане. Согласно данным *The Digital Country Index 2017*, Таджикистан находится на 184 месте в мире (среди 243 стран и территорий) и больше всего пользователи интернета ищут информацию о туризме и об инвестициях в республике. В контексте туризма 77% интересуется общей информацией о стране, остальных интересует природные красоты и развлечения, культурное наследие и состояние туристического рынка.[559] Логично, что при слабой представленности Таджикистана в сети интернет, *пользователи-потенциальные туристы / инвесторы* сталкиваются с недостатком информации, что может оказать влияние на их выборе страны посещения или на решение инвестировать в ее экономику.

В «Индекс глобального присутствия» королевского Института «Элькано» Таджикистан пока не вошел, но в наш список мы его включили, поскольку он, в отличие от двух предыдущих, оценивает показатели Туркменистана и Узбекистана. Вероятно, с увеличением числа оцениваемых стран в ближайшие годы в рейтинг попадут Таджикистан и Кыргызстан. Сам рейтинг представляет собой суммарную оценку по трем измерениям – экономике, военной области и «мягкому» аспекту[560]. Включенные в рейтинг Туркменистан и Узбекистан по «мягким» показателям (туризм, спорт, культура, наука, образование, технология и др.) занимают 110 (последнее) и 71 места соответственно. Если позитивный потенциал Ашхабада формируется за счет культурных и спортивных достижений / мероприятий, то Ташкент, помимо этих параметров, представляется сильным в аспекте туристической привлекательности и в научной сфере.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что культурное наследие Таджикистана формирует хорошую основу для развития туризма, который в свою очередь может способствовать укреплению «мягкой силы» этой республики.

---

[559] The Digital Country Index'17. Tajikistan. URL: https://www.digitalcountryindex.com/Tajikistan-reputation

[560] Elcano Global Presence Report 2018. Madrid: Real Instituto Elcano, 2018 – 60 p. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/data/Global_Presence_2018.pdf

Однако существующие проблемы, о которых было сказано, тормозят практическое превращение туристической отрасли в инструмент «мягкой силы» Таджикистана.

3. Международные инициативы с акцентом на водную дипломатию

Наряду с культурным компонентом потенциал «мягкой силы» государств формируется за счет их успешных международных инициатив. В этом сегменте у Таджикистана имеются успехи, которые, в первую очередь, связаны с усилиями страны в области водного сотрудничества. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон с высоких международных трибун всегда привлекает внимание мирового сообщества не только к проблемам Таджикистана, соседнего Афганистана, к борьбе с терроризмом, экстремизмом и контрабандой наркотиков, но особый акцент делает на обеспечение человечества чистой водой[561]. Самые важные выступления Э.Рахмона по водной проблематике в 2013 году даже были изданы в качестве отдельной книги *«Таджикистан: водная дипломатия»* на арабском языке в Египте[562].

В определении глобальной повестке дня по водному сотрудничеству Таджикистан действительно является одним из самых активных государств. Дипломатия водного сотрудничества, согласно Концепции внешней политики Республики Таджикистан, является одним из приоритетов внешней политики страны, которая стремится к обеспечению своей созидательной роли «в водных вопросах в регионе и на международной арене, что отвечает как национальным интересам, так и чаяниям мирового сообщества»[563]. В данной сфере одним из важнейших международных достижений Таджикистана стало поддержание в ООН инициативы его президента Э.Рахмона об объявлении 2003 года – годом пресной воды. С тех пор Таджикистан превратился в одного из главных международных

---

[561] См.: Выступление Эмомали Рахмон на пленарном заседании 72-й сессии Генассамблеи ООН, 19.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/16226

[562] Книга «Таджикистан: водная дипломатия» переведена на арабский язык. НИАТ «Ховар», 16.08.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://khovar.tj/rus/2013/08/kniga-tadzhikistan-vodnaya-diplomatiya-perevedena-na-arabskij-yazyk/

[563] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tajikemb.kg/files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan-ru.pdf

игроков в сфере *водной дипломатии*. Таджикские исследователи утверждают, что именно комплекс международных инициатив Таджикистана по водной проблематике привел к формированию такого понятия, как «водная дипломатия» в Центральной Азии[564].

В соответствии с Душанбинской декларацией 23 декабря 2003 Генеральная Ассамблея ООН приняла соответствующую резолюцию относительно объявления 2005-2015 г. Международным десятилетием действия «Вода для жизни». Принимая во внимание нарастающую водную проблематику и признавая сотрудничество как ключевой фактор в их решении, Генассамблея ООН по инициативе таджикского государства в 2010 году объявила 2013 год Международным годом водного сотрудничества[565].

Душанбе более 8 раз принимал крупные международные мероприятия по водной проблематике с участием большого числа официальных лиц из зарубежных стран. Свежими примерами являются последние Международные конференции высокого уровня. Первая состоялась по итогам реализации Международного десятилетия действий «Вода для жизни», 2005-2015 гг. В ней приняли участие свыше 1500 человек – представители более 100 государств и десятка международных организаций. В своих выступлениях высокопоставленные участники мероприятия поддержали инициативы Таджикистана, в том числе очередное предложение Президента республики о провозглашении нового международного десятилетия действий под лозунгом «Вода для устойчивого развития». Новая глобальная инициатива в декабре 2016 года была единодушно одобрена резолюцией Генассамблеи ООН, которая дает старт новой декаде международной программы «Вода для устойчивого развития (2018-2028)»[566]. Вторая международная конференция – по новой Декаде, состоялась в столице

---

[564] Амирхонов М.М. Дипломатия водного сотрудничества Республики Таджикистан: обеспечение устойчивого развития страны // Таджикистан и современный мир. – 2017. – №2(57). – С.73-84.
[565] Глобальные водные инициативы Республики Таджикистан. Asia-Plus, 27.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.asiaplus.tj/ru/news/globalnye-vodnye-initsiativy-respubliki-tadzhikistan
[566] Резолюция ООН о Международном десятилетии действий «Вода для устойчивого развития», 2018–2028 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/14109

Таджикистана в июне 2018 года. В ее работе принимали участие более 1500 делегатов из более 120 стран мира, а также более 150 специалистов и работников СМИ. ООН выразила признательность Таджикистану за высокую организацию мероприятия, а в душанбинской декларации, выпущенной по итогам Конференции, говорится о возможности создании в Душанбе Международного центра по Десятилетию действий по водным ресурсам при поддержке Правительства Таджикистана и других заинтересованных сторон[567].

Безусловно, хорошие позиции Таджикистана в определении глобальной повестки дня по одному из острейших вопросов современности – водному вопросу, авторитет его президента Э.Рахмона, сделавшего многое для продвижения *водной дипломатии*, способствуют укреплению потенциала «мягкой силы» этой страны. Проведение международных мероприятий по данной теме, как отмечают эксперты, направлено на создание Таджикистаном своего образа как ответственного регионального и глобального актора, защитника окружающей среды (*environmental champion*) и на решение существующих противоречий с соседями по водному вопросу с помощью «мягкой силы»[568]. Опираясь на критерии Й.Баторы в упомянутой выше его работе[569], можно утверждать, что энергичная водная дипломатия Таджикистана на международной арене вполне вписывается в рамки *attractive causes* в публично-дипломатической практике республики.

4. Таджикская диаспора за рубежом

Сегодня на фоне стремительного роста иммигрантских сообществ можно говорить, что одним из сценариев развития человечества является «диаспоризация мира»[570]. Диаспора - транснациональное сообщество мигрантов, которая

---

[567] Заключительная декларация «Продвижение действий и стратегического диалога» по итогам Международной конференции высокого уровня по Международному десятилетию действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028 гг.». Душанбе, 20-21 июня 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wsdconf2018. org/ru/wp-content/uploads/2017/05/Zakl-dokument-Konf-final.pdf

[568] Menga F., Mirumachi N. Fostering Tajik hydraulic development: Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam. *Water Alternatives*, 9(2). 2016. pp. 373-388.

[569] Batora J. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. *Discussion Papers in Diplomacy*. Netherlands Institute of International Relations -"Clingendael", 2005. Pp.7-8.

[570] Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ – 2012. – Москва: МГИМО–Университет, 2012. – С.79-86

поддерживает материально-эмоциональные связи со страной происхождения, паралелльно адаптируясь к возможностям и ограничениям принимающего общества[571], справедливо рассматривается и как один из значимых проводников «мягкой силы» государства[572]. Правильная работа с диаспорой, по словам индийского ученого и дипломата Кишана Рана, способна превратить ее в «информационный мультипликатор страны происхождения»[573], то есть помочь последней не только в привлечении инвестиций, но и, как справедливо отмечает Н.Емельянова, в том, что «лучшие представители бывших соотечественников, не теряющие или возобновившие свои связи с родиной, способны быть хедлайнерами общественного мнения, участвуя в построении привлекательного образа государства»[574].

Еще в 1993 году, выступая на Всемирном форуме таджиков и зарубежных соотечественников, таджикский президент Э.Рахмон призывал гостей форума «лучше познакомятся с Таджикистаном, чтобы благосклонно относиться к Таджикистану, его народу, внутренней и внешней политике» и назвал их потенциальный вклад в это дело «великой исторической миссией»[575]. С тех пор страна работает с диаспорой через проведение форумов, конференций, организовывая встречи через посольства и другие официальные ведомства[576]. При таджикском посольстве в России функционирует Общественный Совет, где представители общественных объединений таджикских мигрантов регулярно обсуждают с послом Республики Таджикистан актуальные вопросы и пути их решения. Также, в России открыто представительство Министерства труда,

---

[571] Esman M.J. *Diasporas in the contemporary world*. Polity Press, 2009. 210 p. *Также см.*: Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 127-133.
[572] *См.*: Лошкарёв И. «Мягкая сила» диаспоры // Международные процессы. – Том 16. – № 2. – С. 141–155.
[573] Kishan S. Rana. *21st Century Diplomacy: A Practitioner's Guide*. New York: Continuum, 2001. P.93.
[574] Емельянова Н. Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы. Портал «Перспективы», 21.03.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajanije_indii_preimushhestva_i_predely_2016-03-21.htm
[575] Выступление Э.Рахмона на открытии второго форума таджиков мира. Душанбе, 08.09.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/1090
[576] *См.:* Проблемы таджикских диаспор за рубежом обсуждают в столице Таджикистана. Asia-Plus от 3 сентября 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.news.tj/ru/news/tajikistan/society/20110903/problemy-tadzhikskikh-diaspor-za-rubezhom-obsuzhdayut-v-stolitse-tadzhikistana; Робита бо ҳамватанони бурунмарзӣ (Связь с зарубежными соотечествинниками). Минтруда и занятости населения РТ, 23.10.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mehnat.tj/mehnat/2016/10/23/робита-бо-ҳамватанони-бурунмарзӣ/

миграции и занятости населения РТ. Такая деятельность, по словам экспертов, позволяет представителям таджикской диаспоры не ощущать себя «инородным телом в российском обществе: есть возможность обратиться за юридической помощью, участвовать в мероприятиях, посвященных праздникам, которые отмечаются в Таджикистане..., читать газеты на родном языке и т.п.»[577].

Таджикистану еще предстоит установить численность таджикской диаспоры и оценить ее возможности в социально-экономическом развитии исторической родины и в плоскости «мягкой силы». Для этого необходимо предпринять целый набор шагов - от установления численности, определения целей взаимодействия с диаспорой, уточнения характеристик диаспоры, укрепления доверия между диаспорами и госучреждениями до мобилизации диаспоры в качестве партнера в развитии Таджикистана[578]. Численность таджикской диаспоры за рубежом на данный момент не установлена. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН за 2013 год, за пределами Таджикистана проживает 602 821 людей, рожденных на его территории. Из этой численности большинство (75%) проживает в Российской Федерации, за которой следуют Казахстан,Украина, Афганистан, Узбекистан, Германия и другие страны[579]. Как отмечает Д.Икромов, в России, где проживает большая часть таджикской диаспоры ее интеллектуальный потенциал огромный, но использование этого потенциала - мизерное[580].

Деятельность существующих организаций таджикской диаспоры, например, в России, показывают, что при умелом использовании этого ресурса можно добиться хороших результатов в плане представления национальной культуры, адаптации прибывающих мигрантов, формирования адекватного образа народа и страны, повышения интереса к культуре в государстве пребывания. Примером

---

[577] Мухамадиев П., Мухамадиев Д. Диаспоры Центральной Азии в России: исторический ракурс и современные тренды развития // Центральная Азия 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / Под ред. М.Ларюэль и А.Курманова. – Университет Дж. Вашингтона, 2017. С.93-98.

[578] Dovelyn Rannveig Agunias and Kathleen Newland. Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries. IOM - MPI, 2012. p.9-10.

[579] UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013).

[580] Икромов Д.З. Оценка потенциала диаспор в развитии Таджикистана // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11. – С.797-802.

является Региональная общественная организация «Таджикская диаспора “Нур”», которая своими ресурсами и при поддержке Посольства Таджикистана в Москве регулярно участвует в крупных российских и международных культурных мероприятиях, представляя богатую культуру Таджикистана. Она вносит вклад в адаптацию и интеграцию таджикских мигрантов в российское общество, организовывая различные лекции и семинары для мигрантов, а также уроки русского, английского и математики - для их детей[581]. В последние годы РОО «Нур» делает акцент на культурные и спортивные мероприятия, организовывая межнациональные / междиаспорные спортивные соревнования.

В целом, если Таджикистан помимо заполнения вышеназванных пробелов, будет еще совершенствовать организацию коммуникаций с таджикской диаспорой, то есть, если будут учреждены подразделения по работе с диаспорой при компетентных государственных ведомствах, созданы интерактивные веб-порталы для обеспечения онлайн-контактов с организациями и членами диаспоры[582], то таджикская диаспора может стать реальным проводником «мягкой силы» Таджикистана.

Конечно, существование некоего потенциала «мягкой силы» не означает автоматическое обладание такой *силой.* Необходима последовательная, систематическая работа, чтобы конвертировать такой потенциал в реальный инструмент достижения внешне и внутриполитических целей государства. Здесь Таджикистану необходимо обратиться к международной практике использования института *публичной дипломатии*, являющейся, по мнению того же Ная, инструментом продвижения «мягкой силы»[583]. Именно переход от факта существования большого потенциала «мягкой силы» Таджикистана к его масштабному освоению в национальных интересах может быть обеспечен благодаря развитию публичной дипломатии. На ее основе может быть успешно

[581] Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия государств Центральной Азии // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 177-193.
[582] Мукомель В. Диаспора -партнер по развитию Таджикистана. Миссия МОМ в РТ. Душанбе, 2014. С.147.
[583] Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616, pp. 94–95.

реализована конвертация сложившегося к настоящему времени спектра предпосылок и условий, отражающих позитивные аспекты международного позиционирования Таджикистана, в обеспечение его статуса как активного участника широкого гуманитарного сотрудничества, создание образа стабильного и привлекательного пространства для инвестиций, а также страны, владеющей опытом сочетания различных подходов к урегулированию современных конфликтов и, следовательно, способной внести вклад в преодоление разнообразных вызовов и угроз региональной безопасности.

Как было отмечено, одним из аспектов публичной дипломатии является культурная дипломатия. В Концепции внешней политики Республики Таджикистан от 2015 года, культурно-гуманитарная дипломатия обозначена в качестве одной из приоритетов внешней политики этой страны. В документе отмечается, что Таджикистан будет стремиться содействовать «созидательной деятельности Форума таджиков и персоязычных мира для укрепления контактов страны с зарубежными соотечественниками, привлечения их потенциала для развития политического, экономического и духовно-культурного взаимодействия, создания атмосферы интереса и доброжелательного отношения к Таджикистану и его народу со стороны мирового сообщества и международных политических кругов»[584].

Для продвижения таджикской культуры за рубежом страна делает многое. Официальные представительства Таджикистана за рубежом, особенно в России, в сотрудничестве с активными организациями таджикской диаспоры продвигают таджикскую культуру. Можно назвать ежегодное празднование Навруза на больших площадках в крупных городах России (в 2015 году под лозунгом «Таджикистан – родина Навруза»), дипломатические приемы посольства Таджикистана в Москве в честь названного праздника, организация культурных, творческих вечеров видных таджикских деятелей культуры, фотовыставки и

[584] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tajikemb.kg /files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan-ru.pdf

другие мероприятия[585]. Дни культуры Таджикистана успешно прошли во многих странах – от Китая, России, Индии до Германии, Франции, Ирана. Примечательно, что в 2017 году на фоне потепления таджикско-узбекских отношений впервые с 1997 года Дни культуры Таджикистана прошли в Узбекистане[586].

Наряду с культурными мероприятиями за пределами страны в самом Таджикистане регулярно проходят международные конференции, посвященные искусству, музыке, творчеству классиков таджикско-персидской литературы. В этом направлении работает и Таджикское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС) - общественная некоммерческая организация, действующая на принципах добровольности в интересах развития и укрепления международных культурных связей, дружбы и сотрудничества с народами зарубежных стран. На данный момент ТОДКС имеет 23 обществ дружбы с разными странами и объединениями государств[587].

Таджикистан активно занимается благоустройством историко-культурных памятников, которых в стране свыше 2 тысячи. По официальным данным, за годы независимости восстановлены и отремонтированы 36 уникальных памятников из числа мавзолеев, музеев, мечетей, крепостей, медресе и минаретов; образованы Республиканский музей-заповедник в Дангаре, Хульбукский историко-культурный заповедник, Панджрудский республиканский историко-культурный комплекс[588].

Такая работа увеличивает число исторических достопримечательностей, привлекая внимание туристов. Однако значительных медиа-ресурсов, на которые сегодня во многом опирается публично-дипломатическая деятельность, страна не имеет. На информационном поле она пока не представлена конкурентоспособными информационными и медийными инструментами. Туристический потенциал Таджикистана без солидного, мультиязычного, регулярного обновляемого

---

[585] *Подробнее.см.:* на сайте Посольства РТ в РФ: https://www.tajembassy.ru/ru/

[586] *См.:* Дни культуры Таджикистана в Узбекистане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.sputniknews-uz.com/trend/dni_kulturu_tadjikistana_v_uzbekistane/

[587] *См.:* Официальная веб-страница ТОДКС – URL: http://www.friendship.tj/index.php/suro-a

[588] Информация с официальной страницы Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/162?device=desktop

информационного пиар-механизма, оказывается слабо задействованным. Эксперты отмечают, что страна недостаточно использует возможности интернета - в поисковиках вроде *Яндекс* и *Google* в основном доминируют негативные новости о Таджикистане[589], что не может привлекать туристов, которые сегодня при выборе потенциальной страны посещения обращаются к информации во всемирной паутине. По данным *Google Traveler*, на выбор туристической дестинации 65-77% путешественников решающее влияние оказывает информация в интернете[590]. Таких видео-роликов, как «Tajikistan. Feel the friendship», который транслировался в 2011 году на канале Евроньюс для привлечения туристов и рекламы Таджикистана, должно быть в разы больше, чтобы формировался *туристический бренд* этой страны. Хотя, следует признать, что формат телевизионной рекламы постепенно становится менее востребованным, уступая место интернет-платформам (социальные сети, видеохостинговые сайты, тематические порталы).

Конечно, телевизионная реклама ещё актуальна, учитывая, что популярные телеканалы дублируют свой контент в Интернете. В этом контексте содействие Комитета по развитию туризма при Правительстве Республики Таджикистан и Министерства культуры республики ведущим зарубежным медиа-холдингам в организации съемок различных популярных программ является позитивным моментом. Из свежих примеров можно назвать выпуск о Таджикистане в рамках популярного проекта российского НТВ «Поедем, поедим!», который на очень высоком уровне – как с точки профессионализма ведущего, так и качества/выбора мест съемок – показывает не только природные красоты республики, но и особенности таджикской национальной кухни. Выражаясь терминологией настоящего исследования, данная телепередача демонстрирует международной аудитории «мягкую силу» таджикской кулинарии или потенциал

[589] Примкулов А., Христолюбова Д. Туризм в Таджикистане: достижения и барьеры. Специально для Asia-Plus. Душанбе, 23 ноября 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://project75783.tilda.ws/tj_travel
[590] The 2014 Traveler's Road to Decision. Google Travel Study, June 2014.
Available at: https://storage.googleapis.com/think/docs/2014-travelers-road-to-decision_research_studies.pdf

гастродипломатии страны. Упомянутый выпуск за три месяца только в *YouTube* (на странице самого НТВ) набрал примерно полмиллиона просмотров.

Наряду с международной рекламой Таджикистану надо заниматься улучшением туристической инфраструктуры внутри страны. В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 ставится задача всемерного развития туризма[591], а в 2017 году в своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан Президент страны Э.Рахмон предложил объявить 2018 год «Годом развития туризма и народных ремесел». По его словам, этот шаг может способствовать развитию сферы туризма, достойному представлению туристических возможностей страны и национальной культуры на международной арене, привлечению инвестиций в туристическую инфраструктуру[592]. В своем аналогичном послании в декабре 2018 года глава таджикского государства признал, что мероприятия в рамках упомянутого тематического года дали «серьезный импульс осознанию важности этой сферы в социально-экономической жизни народа, а число туристов, посетивших Таджикистан в 2018 году, по сравнению с 2017 годом увеличилось в 2,5 раза»[593]. Э.Рахмон, однако, заметил, что одного года мало, поэтому предложил объявить 2019-2021 годы «Годами развития села, туризма и народных ремесел».

Следует отметить, что руководство Таджикистана признает, что «по сравнению с другими странами, туристическая инфраструктура в стране до сих пор развивается неправильно и не отвечает современным требованиям»[594]. Возможности, ограничения и перспективы туристической отрасли республики достаточно полно проанализированы в принятой в 2018 году «Стратегии развития

---

[591] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Душанбе, 2016. Офиц. сайт МИД РТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.tj/?l=ru&cat=1&art=2208

[592] Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 22.12.2017. (*на тадж.*) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.tj/node/16771

[593] Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 26.12.2018. (*на тадж.*) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.tj/node/19088 (дата обращения: 28.12.2018).

[594] Выступление Президента Таджикистана Эмомали Рахмона на Национальном совете по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистн. Душанбе, 27.05.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/11860

туризма на период до 2030 года»[595]. Именно этот документ призван стать своего рода гайдбуком для дальнейшего развития туризма в стране.

В последние годы Таджикистан в профильной сфере внес ряд нововведений, которые в итоге могут оказать положительное влияние на его туристическую привлекательность. Например, в 2016 году страна ввела электронные визы (*e-visa*), что значительно упрощает процесс подачи заявки. Благодаря этому нововведению известный британский туристический журнал *Wanderlust* назвал Таджикистан одной из пяти стран мира, в которых проще всего получить туристическую визу[596]. Важным представляется и структурное преобразование в виде созданного в 2017 году отдельного Комитета по развитию туризма. Раньше он был частью Комитета по делам молодежи, спорта и туризма. Названный комитет в 2016 году провел 613 мероприятий различного уровня – от конференции и туристических ярмарок до участия таджикских туристических компаний в туристических выставках и ярмарках в Токио, Лондоне, Берлине, Москве. На 5-м Форуме туристических компаний комитет провел акцию «Таджикистан - страна туризма»; было распространено более 2500 буклетов, брошюр, кассет и дисков о туристических местах страны[597]. Стоит отметить и то, что Комитету удалось создать и запустить достаточно хорошую мультиязычную, визуально привлекательную и регулярно обновляемую веб-страницу – www.traveltajikistan.tj.

Вдаваясь в анализ туристической отрасли, диссертант не уходит от темы настоящего исследования, поскольку рассмотрение туризма как потенциала «мягкой силы» страны, и публичной дипломатии как инструмента конвертации такого потенциала в ресурс внешней политики требует анализа подобного рода. К тому же, если распространение информации о стране, о ее достижениях на площадках различных форумов (пусть и туристических) за пределами страны для

---

[595] Стратегия развития туризма в Республике Таджикистан на период до 2030 года от 1 августа 2018 года, №372. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=132279&conttype=5

[596] См.: You’re welcome! The 5 easiest visas to get in the world. URL:https://www.wanderlust.co.uk/content/easiest-visas-worldwide?utm_source=Microsoft&utm_medium=MSN_collaboration

[597] Амиров Т. Туризм в Таджикистане развивают. Но туалеты мы до сих пор не построили… [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.news.tj/ru/node/239473

одних является мероприятием экономического характера, то с точки зрения «мягкой силы» и публичной дипломатии – это деятельность долгосрочной перспективы, направленная на повышение международной узнаваемости государства и формирование его положительного имиджа.

Формирование такого имиджа Таджикистана становится проблематичным с учетом возрастающей роли инфокоммуникационных технологий и отставания страны в этой сфере. Серьезным вызовом является применение СМИ как инструмента *конкурентной публичной дипломатии*. Как отмечают таджикские эксперты З.Сайидзода и Ф.Саидов, «содержание значительного массива СМИ показывает, что отображение реальной политической, экономической и социальной ситуации в Таджикистане в мировом (в том числе российском) информационном пространстве явно недостаточно и неадекватно. Большинство публикуемых материалов… носит негативную по отношению к республике окраску. В результате попытки создания целостного представления о Таджикистане, осуществляемые с позиций внешнего наблюдателя, представляют собой комбинации небольшого числа негативных стереотипов с акцентом на некоторых из них»[598]. Другой таджикский специалист Ш.Ризоён утверждает, что подобный негативный образ страны складывается не всегда стихийно, иногда за ним стоят сознательные и эффективные пиар-действия заинтересованных лиц или групп СМИ[599]. Существующие информационные инструменты Таджикистана (НИАТ «Ховар», пресс-служба таджикского МИД, таджикское телевидение) пока не могут на равных конкурировать с большим потоком негативной информации о стране.

В российском информационном пространстве образ Таджикистана и его народа тоже нуждается в определенной корректировке. Для разрушения

---

[598] Сайидзода З.Ш., Саидов Ф.З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. – Душанбе. Иттилоот ва муошират, 2008. С.37.

[599] Ризоён Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Республики Таджикистан. Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, 20.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mts.tj/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=782%3A2017-09-20-09-44-54&catid=143%3A2013-05-27-06-47-01&Itemid=144&lang=ru

существующих негативных стереотипов в отношении представителей таджикского народа необходима комплексная работа не только информационного характера, но и воспитательного – как в России с подключением таджикской диаспоры, так в самом Таджикистане. С учетом того, что в России находится большое число граждан Таджикистана, их поведение зачастую становится основой для формирования образа страны и народа. В таком контексте почти каждый гражданин Таджикистана за его пределами становится ресурсом публичной дипломатии своего государства, то есть может оказать влияние на формирование того или иного образа своей страны в российском обществе. Публичная дипломатия здесь, выражаясь языком американского исследователя и дипломата С.Шнайдера, является то, что делает *вся* нация для своего представления миру[600].

Более того, чтобы на информационном поле заинтересованные акторы не делали акцент исключительно на негативных событиях, необходимо широкое освещение достижений таджикской диаспоры, культурных мероприятий Таджикистана в России. По словам И.Сатторова, посла Республики Таджикистана в России, между обществами Таджикистана и России, несмотря на их принадлежность к общему пространству СНГ, чувствуется недостаток знания друг о друге. Очень важно, чтобы СМИ писали не только о терроризме и преступлениях, но и широко освещали достижения Таджикистана и людей его населяющих. Примечательно, что посол произнес эти слова во время приема в таджикском посольстве в Москве в честь успешного выступления двух таджичек в телевизионном проекте «Удивительные люди» на телеканале «Россия-1». По поводу их участия И.Сатторов заявил, что «многие россияне, увидев наших детей по телевидению, может быть, открыли для себя Таджикистан»[601].

---

[600] Schnider C.P. Culture Communicates: US Diplomacy that Works. Discussion Papers in Diplomacy, №94.Clingendael: Netherlands Institute of International Relations. 2004. P.1.
[Electronic resource]. – Mode of access: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20040300_cli_paper_dip_issue94.pdf

[601] Тайны «девочек-калькуляторов»: Манижа и Ёсуман раскрыли свои секреты. Sputnik, 08.11.2017.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.sputnik-tj.com/style/20171108/1023830228/devochki-kalkulyatory-manizha-yosuman-tadzhikskie.html

На фоне вышесказанного, создание Таджикистаном своих конкурентоспособных, многоязычных информационных и аналитических агентств кажется крайне важной задачей. Задача по широкому использованию возможностей современных информационно-коммуникационных технологий для презентации и пропаганды достижений и перспектив социально-экономического развития страны, ее культурных и научных завоеваний ставится в Концепции внешней политики Таджикистана[602]. Президент Э.Рахмон еще в 2013 году, подчеркивая важность создания международного положительного образа Таджикистана, призывал МИД страны «коренным образом улучшить своё взаимодействие с представителями средств массовой информации и расширить своё присутствие в Интернете и в его социальных сетях»[603]. Данный призыв звучит логичным, учитывая достаточно слабую сетевую активность таджикского МИД. По данным, *Digital Diplomacy Review - 2016,* МИД РТ находился на 106 месте (статус **DD++**) среди дипломатических ведомств 210 стран по показателю использования цифровой дипломатии. В обновленном рейтинге за 2017 год, таджикский МИД находится уже на 111 месте (статус - **DDD** -)[604].

На фоне таких показателей, очевидно, что взаимодействие, о котором говорит президент Таджикистана, должно нести планомерный, постоянный, а не спорадический характер. И социальные сети, ставшие для многих государств ареной продвижения внешнеполитических принципов/инициатив, пока очень слабо представлены в списке инструментариев таджикской дипломатии. Профессор Российско-Таджикского (славянского) университет Р.Ульмасов, называя публичную дипломатию мягким оружием широкого спектра, отмечает, что «внедрение публичной дипломатии требует коренного изменения нашей системы. Система может не верить в нее, как когда-то не верила в тот же Twitter, но Фейсбук

---

[602] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tajikemb.kg /files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan-ru.pdf

[603] Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания Министерства иностранных дел Республики Таджикистан, 15.03.2013, г. Душанбе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.prezident.tj/ru/node/4114

[604] Digital Diplomacy Review 2017. URL: http://digital.diplomacy.live/ddr17/

безжалостен и изменения неизбежны. Сегодня мы не выдумываем велосипед. Мы просто должны быстро крутить его педали»[605]. Интересным и в то же время целесообразным кажется предложение Р.Ульмасова о «созревании» МИД Таджикистана для создания отдельного структурного подразделения – Управления публичной дипломатии.

Действительно учреждение такой профильной структуры, которая координировала бы политику республики в области взаимодействия с зарубежной общественностью, информирования о положении дел в стране, о ее политике, достижениях и создания *международного бренда* Таджикистана, могло бы стать важным шагом в институционализации таджикской публичной дипломатии. С другой стороны, может казаться, что время для такой новации еще не пришло, но в сегодняшнем глобализирующемся мире, где ожесточенная борьба за *умы и сердца* людей разворачивается не только в физическом мире, но и виртуальном пространстве, время только уходит. Успешная конвертация потенциала «мягкой силы» Таджикистана в реальный ресурс практической политики может не только конструировать положительный имидж таджикского государства, помочь в укреплении его внешнеполитических позиций, но и способствовать достижению тех целей, которые стоят перед внешней политикой страны.

Выводы к главе

Анализ теоретико-концептуальных моделей применения публичной дипломатии и практики государств и негосударственных акторов на данном направлении показывает, что сотрудничество наряду с соперничеством всегда характерно для использования ресурсов публичной дипломатии. Учитывая энергичное наращивание публичной дипломатии разными государствами и другими участниками мировой политики, можно прогнозировать усиление не

[605] Ульмасов Р. Миграционная ситуация в Таджикистане: проблемы и пути решения. Портал «Культурная дипломатия». 13.04. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturedip.interaffairs.ru /index.php /analitika/itemlist/user/1030

только конкуренции в данной сфере, но и параллельно - развитие международного сотрудничества.

Анализ сотрудничества между странами Центральной Азии в сфере образования, науки и культуры демонстрирует, что внутри региона взаимодействия по этим направлениям в формате публичной дипломатии развиваются достаточно динамично. Одновременно страны региона расширяют сотрудничество в названных сферах с внерегиональными государствами. Образовательные обмены пока не носят системного характера, тем не менее, негосударственные образовательные структуры, функционирующие с недавних пор в регионе, дают хорошие ресурсы позиционирования Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану, расширяя возможности образовательного сегмента их публичной дипломатии.

Растущее обращение к отдельным ресурсам публичной дипломатии странами региона показывает значимость последней, как механизма развития сотрудничества как внутри региона, так и с государствами за его пределами. Более того, в контексте региона механизмы публичной дипломатии могут быть востребованы в сфере высокой политики - в урегулировании конфликтов. В регионе имеются примеры использования конфликто-регулирующих ресурсов публичной/народной дипломатии. На современном этапе публичная дипломатия может быть важным элементом комплексного подхода к урегулированию приграничных споров, средством преодоления существующих в регионе различных противопоставлений этнокультурного, географического и гео(политического) характера и инструментом деконструирования экстремистских нарративов современных террористов. Пока, однако, потенциал публичной дипломатии на данном направлении в регионе должным образом пока не используется.

Практика публичной дипломатии Таджикистана в научной литература не освещена. В стремлении заполнить этот пробел в исследовательском дискурсе, диссертант проанализировал потенциал «мягкой силы» Таджикистана и возможности ее продвижения через публичную дипломатию. Наиболее

перспективными факторами, формирующими потенциал «мягкой силы» Таджикистана, представляются следующие: уникальность историко-культурного наследия страны, туристическая аттрактивность, регулярные, поддерживаемые на глобальном уровне инициативы в сфере водного сотрудничества и ресурсы таджикской диаспоры.

Однако на данный момент Таджикистан испытывает трудности в продвижении своей «мягкой силы» с использованием публичной дипломатии. В этом контексте, помимо прочего, следует назвать некоторые вызовы / проблемы внутреннего характера: достаточно «стандартный» - как и для других региональных соседей - набор внутриполитических проблем, формирующих противоречивую международную репутацию; слабую представленность страны в глобальном информационном пространстве; отсутствие у нее конкурентоспособных современных медийных инструментов; нехватку кадрового ресурса. Соответственно, формирование позитивного имиджа Таджикистана, разрушение существующих о нем стереотипов становится трудной задачей не только в странах Запада, но и на постсоветском пространстве, в частности в России. Наличие таких фактов говорит о том, что Таджикистан должен более активно развивать механизмы публичной дипломатии в качестве дополнительного ресурса достижения внешнеполитических целей в новом столетии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен публичной дипломатии в последние годы становится достаточно популярным в исследованиях по «мягким» инструментам проецирования национального влияния. В середине 60-х годов, когда понятие «публичная дипломатия» вошло в официальный американский лексикон для замены более одиозного термина «пропаганда», практика американского государства в этой сфере оставалась вполне пропагандисткой. Осознание важности диалога, учета мнения адресатов, понимания их особенности в реализации стратегии публичной дипломатии пришло к практикам только в начале нового столетия.

Оказавшись в фокусе повышенного внимания ученых и практиков, публичная дипломатия в эпоху цифровых технологий обрастала новыми атрибутами, обогащалась в содержательном плане, расширялся и круг ее участников за счет наращения присутствия негосударственных акторов. Параллельно с этими трендами эволюционировали и научные представления о понятии публичной дипломатии. Появился целый ряд близких терминов, к которым специалисты начали апеллировать в качестве синонимов понятия «публичная дипломатия». В русскоязычной политологической литературе ситуация оказалась еще сложнее ввиду не самого удачного перевода оригинального английского термина, что привело к размыванию понятийного аппарата публичной дипломатии.

В настоящей работе автор стремился определить соотношения публичной дипломатии с теми категориями, с которыми она в исследовательском дискурсе регулярно соседствует. Так, детериорация отношения между ведущими мировыми центрами силы на современном этапе и усиления информационного противоборства отражается на динамике концептуального осмысления публичной дипломатии. Можно наблюдать некий откат как в практике, так и в политическом дискурсе - от конструктивного образа публичной дипломатии в сторону ее

трактовки как варианта пропаганды, что актуализирует задачи четкого определения соотношения этих принципиально разных по содержанию явлений.

Как установлено, средства пропаганды могут быть использованы в современной публичной дипломатии даже в ее диалоговом варианте, однако эффективность такой практики не признается высокой. Учитывая достижения современной техники, размывания границ между национальным и международным информационным пространством, дезинформация устанавливается достаточно скоро. Соответственно, эффект от применения средств пропаганды носит краткосрочный характер, а в долгосрочной перспективе лучшей пропагандой, как говорил Э.Мерроу, является правда.

Такие понятия, как «культурная дипломатия», «гражданская дипломатия», «народная дипломатия» не являются новыми. Апологеты самостоятельности первого понятия в его практическом измерении объясняют свою позицию тем, что польза для государства от ее культуры будет больше, если последняя не будет связана с политикоцентричным понятием «публичная дипломатия». Сторонники разграничения двух последних понятий исходят из логики участия негосударственных акторов в деятельности публичной дипломатии в целях установления коммуникации по линии общество – общество с государством в роли фасилитатора, проводника или организатора этого взаимодействия. На самом же деле, культура давно стала ключевым ресурсом публичной дипломатии, как и институты гражданского общества. Поэтому вышеприведенные понятия на практике являются в основном различными направлениями и уровнями взаимодействия в публичной дипломатии.

Диссертант внимательно изучил дискуссии вокруг соотношения понятий «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия», синонимичное использование которых в русскоязычной литературе часто вызывает путаницу. Выводом стало то, что отделение общественной дипломатии от публичной дипломатии на основе активности/пассивности субъекта (государство – общественное начало) и преследуемых целей (политические - неполитические),

хотя и не лишено логики, но слабо убедительно по двум причинам: *во-первых*, государство, даже при пассивном участии в общественной дипломатии, будет продвигать свои цели; *во-вторых*, правильно ли в результате перевода *одного* термина, в оригинале сочетающего в себе и публичную и общественную дипломатию, выделить уже *две* системы взаимодействия с зарубежными обществами. Более убедительным, таким образом, кажется признание общественной дипломатии одним из под-направлений публичной дипломатии.

Профильную научно-теоретическую дискуссию своими идеями обогатили специалисты из области коммерческого маркетинга. Они, опираясь на логику развития глобализации и цифровых технологий, постулируют мнение о том, что имидж государства следует рассматривать как *продаваемый* международной аудитории *продукт*. По сути своей разработанная ими концепция *национального брендинга* в части взаимодействия с внешней аудиторией очень близка к практике публичной дипломатии, однако она носит яркий экономический, а потому и конкурентный характер. Публичная дипломатия же в основном стремится к поиску общностей между странами для налаживания долгосрочных отношений. Однако, умеренное обращение к идеям национального брендинга в комплексной стратегии публичной дипломатии может позитивно влиять на ее общую эффективность.

На фоне повышения роли негосударственных акторов меняются и субъектные атрибуты публичной дипломатии. Если консервативные практики данной сферы не признают претензии на монополию государство, считая его до сих пор единственным актором публичной дипломатии, то исследователи транснациональной модели пишут, что главными акторами публичной дипломатии становятся негосударственные элементы. Последний подход кажется слегка радикальным, но растущее влияние негосударственных акторов на публичную дипломатию сложно отрицать. Помимо НПО, которые уже стали активными партнерами государств в публичной дипломатии, в последние годы свою публичную дипломатию развивают межправительственные организации (МПО). Популяризация своих уставных целей и задач, распространение информации о

своей деятельности крайне важны для МПО, поэтому они наращивают свою публичную дипломатию, которая в силу специфики происхождения МПО является автономной до определенных границ.

В качестве актора публичной дипломатии начали выделять и университеты, поскольку они способны оказывать влияние на коллективную мысль научного сообщества, обладают возможностями для самостоятельного продуцирования нового знания. Акторными атрибутами специалисты наделяют и СМИ, бизнес и даже отдельных индивидов. Однако, как представляется, государство остается главным актором публичной дипломатии, а негосударственные акторы просто становятся значительными партнерами государства в осуществлении им своей публичной дипломатии. Собственная субъектность негосударственных акторов представляется ограниченной.

От международного тренда научного осмысления и практического применения ресурсов публичной дипломатии некоторые регионы значительно отстают. Таким регионом является и постсоветская Центральная Азия. Настоящее исследование выявило, что теоретико-концептуальное осмысление феномена публичной дипломатии в академической среде региона остается на невысоком уровне, хотя в странах региона и наблюдаются позитивные тенденции в сторону аккумулирования международного опыта в интересах продвижения национальной публичной дипломатии. Наиболее продуктивны в этом деле исследователи из Казахстана, хотя в последние годы о публичной дипломатии пишут и отдельные узбекские специалисты.

Сами государства Центральной Азии в профильной литературе преимущественно представлены в качестве объектов публичной дипломатии внерегиональных государств. Во многом это исходит из геополитической и геоэкономической значимости центральноазиатского региона, ставшего ареной соперничества ведущих держав, в том числе и по линии публичной дипломатии. Наиболее сильны в регионе позиции российской публичной дипломатии ввиду продолжительного исторического общежития России с его странами,

распространенности русского языка, популярности российского образования, наличия в России большой диаспоры из региона и др. Однако у российской публичной дипломатии в регионе нет четкой стратегии, механизмов оценки эффективности, что на данном этапе делает ее инструментом достижения преимущественно тактических целей.

Работа американской публичной дипломатии в регионе характеризуется высокой активностью, хотя и не обладает традиционными преимуществами, которыми располагает Россия. Через широкую сеть своих ресурсных центров, различных НПО американская публичная дипломатия энергично работает во всех уголках региона, уделяя большое внимание молодому поколению центральноазиатских граждан. Вместе с тем, публичную дипломатию США в контексте Центральной Азии не обошла стороной критика относительно участия в деструктивных событиях «жесткосилового» характера. Наглядным примером представляется значительная роль американской публичной дипломатии в кровавых событиях «тюльпановой революции» в Кыргызстане. Аналогичная деятельность американцев в других странах региона не имела успеха ввиду политического климата последних, отторжения попыток некоторых НПО развернуть пропаганду чувствительных тем, повышенного внимания к ослаблению влияния России и КНР. Наращивание своего присутствия в информационном-виртуальном пространстве региона США в последние годы обосновывают как раз необходимостью борьбы с российской пропагандой и китайским вызовом. Хотя результативность усилий региональной публичной дипломатии США в деле продвижения традиционных вопросов демократии и прав человека не стоит переоценивать, тем не менее, понимая долгосрочный, стратегический характер публично-дипломатической деятельности, американцы продолжают ее наращивать на центральноазиатском направлении.

Помимо России и США, Центральная Азия оказывается в фокусе активного внимания публичной дипломатии ряда других стран. Особо диссертант выделяет китайскую публичную дипломатию, аналогичную деятельность в регионе Турции

и Ирана. Если Китай, наращивая свое культурно-образовательное измерение публичной дипломатии, во многом связывает их в стратегии реализации своей амбициозной экономической инициативы «Один пояс – один путь», то у турецкой и иранской публичной дипломатии в регионе имелись и до сих пор проявляются мотивации идеологического, культурно-этнического характера. Иран традиционно делает акцент на культурно-образовательные программы, хотя и с меньшим успехом в последние годы. В стратегии турецкой публичной дипломатии направление содействия международному развитию становится главной движущей силой.

В рамках настоящей работы было выявлено, что растет роль стран Центральной Азии как активных участников международного взаимодействия с использованием ресурсов публичной дипломатии. В то же время опыт, масштабы и стратегии публичной дипломатии центральноазиатских государств сильно отличаются. Самым активным является Казахстан, который еще с начала 90-х годов активно занимался формированием своего международного имиджа. Лоббистское направление его публичной дипломатии активно работает в США, решая возникающие репутационные проблемы государства и конструирующая ее имидж как активного актора в современной мировой политике. Также потенциал казахстанской публичной дипломатии формируется на основе ряда крупных международных и внутригосударственных инициатив Астаны.

Публичная дипломатия всех других государств Центральной Азии в основном опирается на ресурсы их богатого культурного наследия и уникальность природных красот. Было установлено, что почти для всех стран региона на разных этапах становления как независимых государств было характерно стремление к формированию своего национального бренда. Спорадические имиджевые / брендмейкинговые кампании, которые в основном продвигались в странах Запада, представляются частью более широкой политики расширения международного признания новообразованных республик, привлечения к ним инвестиционного

внимания западных государств и крупных финансовых структур и повышения их узнаваемости в международной среде.

В целом, можно утверждать, что значительный акцент в профильной работе центральноазиатских государств на концепции национального брендинга, с одной стороны, показывает выбор ими стратегии публичной дипломатии тактического характера, с другой - высокий уровень этатизма их публично-дипломатической деятельности, в реализации которой общественные структуры, гражданское общество пока не играют значительной роли. Вместе с тем, в полной мере ни одному из государств региона до сих пор не удалось разрушить все стереотипы (в основном политического характера) в отношении себя или сконструировать более-менее узнаваемый национальный бренд на международной арене.

В силу своего предназначения публичная дипломатия сочетает в себе элементы сотрудничества и соперничества. Как выяснил диссертант, в существующих теоретических моделях публичной дипломатии, элемент выстраивания отношений с адресатом публичной дипломатии представляется ключевой, но наиболее сложной задачей. Такая практика требует долгосрочного сотрудничества, и не все умеют работать в этом измерении, увлекаясь краткосрочными аспектами. Ресурсы публичной дипломатии оказываются востребованными в продвижении международного сотрудничества не только в невоенных аспектах, но и в сфере безопасности - в «мягкой» борьбе с деструктивной идеологией международного терроризма.

Хотя нектоторые исследователи считают публичную дипломатию инструментом противоборства цивилизаций и реальным оружием, не уступающим по своей эффективности «жесткосиловым» ресурсам (то есть исключительно негативным фактором мирополитической практики), реалиии демонстрируют разноообразные позитивные аспекты современной публичной дипдоматии. Примеры профильной практики наиболее крупных государств показывают, что если их публично-дипломатическая деятельность не подменяется агрессивной пропагандой, то она создает дополнительные основы для взаимодействия.

Например, успешная реализация долгосрочных инициатив в таких сферах, как культурная дипломатия, научно-образовательные обмены возможна во многом на основе двусторонности/взаимодействия. Конечно, при этом вопрос о целях и последствиях (в основном долгосрочного характера) публичной дипломатии конкретных стран в конкретных регионах остается открытым, но то, что многие аспекты публично-дипломатической деятельности способствуют формированию общего контекста для сотрудничества между государствами, находит множество подтверждений. Центральноазиатский контекст, в котором свою публичную дипломатию осуществляют конкурирующие между собой ведущие глобальные и региональные державы, представляется хорошим примером.

Во внутрирегиональном измерении ресурсы публичной дипломатии активно используются странами Центральной Азии. Диссертант анализировал этот тренд через текущую динамику сотрудничества в сфере культуры, науки и образования. Было установлено, что в последние годы энергично наращивается культурное сотрудничество стран региона, они регулярно проводит друг у друга дни культуры, организовывая в их рамках также национальные ярмарки, выставки промышленности и т.д.

Образовательные обмены не носят системного характера. Статистика показывает слабое применение образовательных ресурсов в публичной дипломатии стран региона. Другой вопрос, понимают ли государства региона важность использования образования в качестве инструмента внешней политики долгосрочного воздействия. Тем не менее у Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана есть хороший шанс укрепить образовательный сегмент своей публичной дипломатии за счет инкорпорации потенциала международных негосударственных образовательных структур, функционирующих в регионе.

В целом, динамика использования отдельных ресурсов публичной дипломатии странами региона показывает, что ее механизмы становятся важными триггерами для развития сотрудничества как внутри региона, так и с государствами за его пределами.

Механизмы публичной дипломатии сегодня регулярно применятся в сфере *высокой политики* - в урегулировании конфликтов. В ходе исследования диссертантом выявлено, что несмотря на недостаточное научное внимание к публичной дипломатии как фактора, смягчающего остроту конфликтного взаимодействия, на практике этот инструмент обладает возможностями для улаживания конфликтов, выстраивания доверительных взаимоотношений.

В контексте Центральной Азии имеются примеры использования конфликто-регулирующих ресурсов публичной / народной дипломатии. На современном этапе этот инструмент представляет дополнительные возможности для реализации комплексной стратегии урегулирования приграничных споров, преодоления существующих в регионе различных противопоставлений этнокультурного, географического и гео(политического) характера, «мягкой» борьбы с радикальной идеологией современных террористов. Однако, как показывает практика, потенциал публичной дипломатии в регионе на данном направлении пока должным образом не используется.

Анализ существующей литературы по публичной дипломатии государств Центральной Азии показал, что в фокусе наименьшего внимания оказывается опыт и потенциал Таджикистана. Автор выявляет потенциал «мягкой силы» Таджикистана и возможности ее продвижения через каналы публичной дипломатии. Наиболее перспективными в потенциале «мягкой силы» Таджикистана представляются такие характеристики, как уникальность историко-культурного наследия страны, ее туристическая аттрактивность, регулярные, поддерживаемые на глобальном уровне инициативы в сфере водного сотрудничества и ресурсы таджикской диаспоры.

Пока усилия Таджикистана в продвижении своей «мягкой силы» по линии публичной дипломатии недостаточны, во многом из-за слабой представленности страны в глобальном информационном пространстве конкурентоспособными медийными инструментами. Это делает проблематичным и формирование позитивного имиджа Таджикистана, усложняет работу над разрушением

существующих стереотипов о таджикском государстве и его народе не только в странах запада, но и на постсоветском пространстве, в частности в России. На этом фоне активизации публичной дипломатии Таджикистана представляется требованием современного времени. Она может способствовать узнаваемости страны, конструированию ее положительного международного имиджа, укреплению его внешнеполитических позиций и достижению актуальных целей внешней политики.

Таким образом, можно констатировать, что публичная дипломатия сегодня является не только популярной темой научного дискурса, она стала неотъемлемым элементом внешнеполитического инструментария государств в современную эпоху высоких технологий и новых вызовов. Наращивание активности в сфере публичной дипломатии разными государствами во многом способствует и развитию взаимодействия между странами и народами по самому широкому спектру направлений.

Отвечая на *исследовательский вопрос* настоящего диссертационного исследования, можно говорить, что для стран постсоветской Центральной Азии механизмы публичной дипломатии представляются дополнительным, но пока неполно открытым *окном возможностей* для развития сотрудничества как внутри региона, так и с самым широким кругом участников современной мировой политики. Проведенный анализ выявил тенденции к повышению популярности феномена публичной дипломатии в исследовательском дискурсе региона, а также внимание к нему среди практиков. Это позволяет прогнозировать усиление роли механизмов публичной дипломатии в развитии международного сотрудничества центральноазиатских государств. Анализ особенностей дискурса и практики в сфере публичной дипломатии в Центральной Азии, полученные в настоящей диссертации результаты и сформулированные практические рекомендации могут быть использованы для проведения дальнейших как теоретических, так и прикладных политических исследований в данной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Документы, доклады, интервью и речи официальных лиц:

На русском

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на совещании, посвященном деятельности МИД РУ и посольств за рубежом. Официальный веб-сайт президента РУ, 12.01.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.press-service.uz/ru/lists/view/1423
2. Выступление Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э.Б. Абдылдаева по случаю начала учебного года в Дипломатической академии МИД КР им. Казы Дикамбаева. Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. 2015. № 5(05). С.6-10.
3. Выступление Э. Рахмона на открытии второго форума таджиков мира. Душанбе, 08.09.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/1090 дата обращения: 12.08.2017).
4. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон на Национальном совете по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 27.05.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/11860 (дата обращения: 15.08.18).
5. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания МИД Республики Таджикистан, 15.03.2013, Душанбе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/ node/4114 (дата обращения: 12.11.2018).
6. Выступление Президента Узбекистана на саммите ШОС в г. Астане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.youtube.com /watch?time_continue=16&v=-WlMY5jeIDA (дата обращения: 25.09.2018).

7. Выступление Эмомали Рахмон на пленарном заседании 72-й сессии Генассамблеи ООН, 19.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/16226 (дата обращения: 12.11.2018).
8. Государственная программа поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 1996 года (№ 3308). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/hozyaystvennaya_deyatelnost/id-U960003308_/#z0
9. Договор между Республикой Таджикистан, Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Имаматом Исмаилитов по созданию Университета Центральной Азии. г. Бишкек. 31 августа 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/ act/view/ru-ru/17042 (дата обращения: 11.11.2018).
10. Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения. 14.02.2015. Сайт Посольства КНР в РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1237889.htm (дата обращения: 12.11.2018).
11. Документ о стратегическом видении IV Всемирного тюркского форума («Публичная дипломатия, медиа, информация»). Стамбул, 23-25 апреля 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tasam.org /Files /pdf/DTF4_vizyon_RU.pdf (дата обращения: 19.10.2017).
12. Заключительная декларация «Продвижение действий и стратегического диалога» по итогам Международной конференции высокого уровня по Международному десятилетию действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028 гг.». Душанбе, 20-21 июня 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wsdconf2018. org/ru/wp-content/uploads/2017/05/ Zakl-dokument-Konf-final.pdf (дата обращения: 04.09.2018).
13. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 10 января 2007 г. УП N2.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.kg /contents / view/id/105 (дата обращения: 12.11.2018).

14. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.kz/ru/content-view/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg
15. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.tajikemb.kg/files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan-ru.pdf
16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г., № 640. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_ policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
17. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Душанбе, 2016. Офиц. сайт МИД РТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.tj/?l=ru&cat=1&art=2208
18. Основные показателей системы высшего образования в Республике Узбекистан. Отчет Государственного комитета по статистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.uz/uploads/docs/oliy-talim-yan-dek-2017-ruu.pdf (дата обращения: 12.11.2018).
19. Послание Президента страны народу Казахстана. «Стратегия «Казахстан 2050». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://mfa.gov.kz/index.php/ru/informatsiya-o-kazakhstane/poslaniya-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana/poslanie-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050 (дата обращения: 13.11.2018).
20. Постановление правительства Республики Таджикистан от 2 апреля 2009 года №202 «Об утверждении Концепции развития туризма в Республике Таджикистан на 2009-2019 годы».

21. Постановление Президента Республики Узбекистан от 26.06.2018 г. (№ ПП-3807) «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане».
22. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции (издано с санкции Госсовета КНР). Март, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml (дата обращения: 18.07.2018).
23. Проект видения 3-го Всемирного тюркского форума (28 - 30 мая 2014, Эдирне). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tasam.org/files/PDF/DTF3_vizyon_RU.pdf (дата обращения: 03.05.2017).
24. Резолюция ООН о Международном десятилетии действий «Вода для устойчивого развития», 2018–2028 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.president.tj/ru/node/14109 (дата обращения: 12.11.2018).
25. Речь Сооронбай Жээнбекова на торжественном открытии кампуса Университета Центральной Азии в Нарыне. Нарын, 19 Октября 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdn.org/ru/speech/mr-sooronbay-jeenbekov (дата обращения: 04.07.2018).
26. Стратегия развития туризма в Республике Таджикистан на период до 2030 года от 1 августа 2018 года, №372. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=132279&conttype=5 (дата обращения: 28.12.2018).
27. Указ Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 года № 464 «О Государственной программе “Информационный Казахстан – 2020”». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.gov.kz/ru/pages /o-gosudarstvennoy-programme-informacionnyy-kazahstan-2020 (дата обращения: 20.08.2018).

28. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами». Ташкент, 19.05.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://press-service.uz/ru/lists/ view/532 (дата обращения: 20.08.2018).

На таджикском

29. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан – *на тадж.*) Душанбе, 26.12.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.tj/node/19088 (дата обращения: 28.12.2018).
30. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан – *на тадж.*). Душанбе, 22.12.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.tj/ node/16771 (дата обращения: 09.07.2018).

На английском

31. Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action / Policy Department, Directorate-General for External Policies. Brussels, 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA(2016)535019_EN.pdf (accessed: 23.07.2018).
32. Resolution adopted by the General Assembly on 23 February 2010 (A/RES/64/253) on International Day of Nowruz. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/64/25
33. Resolution No 47/43-POL on the Fethullah Terrorist Organization (FETO). 43rd Session of the Council of Foreign Ministers. Tashkent, 18-19 October 2016.

[Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=286&refID=22 (accessed: 19.08.2018).

34. The Impact of External Factors on Security and Development in Central Asia / UNRCCA. Bishkek, 2015. [Electronic resource]. – Mode of access:https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/old_dnn/The%20Impact%20of%20External%20factors%20on%20Security%20and%20Development%20in%20Central%20Asia_ENG.pdf (accessed: 22.12.2018).
35. Turkish Development Assistance Report 2015. [Electronic resource]. – Mode of access:http://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/TKYR%202015%20ENG/KALKINMA%20.pdf (accessed: 11.12.2018).
36. UNESCO Intangible Heritage. Oshi Palav, a traditional meal and its social and cultural contexts in Tajikistan. [Electronic resource]. – Mode of access: https://ich.unesco.org/en/RL/oshi-palav-a-traditional-meal-and-its-social-and-cultural-contexts-in-tajikistan-01191?RL=01191(accessed: 03.02.2018).
37. United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2015. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2014 Budget Data. South and Central Asia Region. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/247334.pdf (accessed: 01.07.2018).
38. United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2017. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/274950.pdf
39. United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2018. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2017 Budget Data. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.state.gov/documents/organization/287683.pdf (accessed: 01.03.2019).

40. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013).

Доклады рейтинговых агентств, документальные материалы:

На русском

41. Документальный фильм «Проект - Центральная Азия». Видеохостинг «YouTube». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=3jddswFTimY (дата обращения: 11.11.2018).
42. Краткий обзор гражданского общества в Кыргызской Республике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/ default /files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf (accessed: 11.09.2018).

На английском

43. Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition. – 40 p. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.bloomconsulting.com /pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf
44. Elcano Global Presence Report 2018. Madrid: Real Instituto Elcano, 2018 – 60 p. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/data/Global_Presence_2018.pdf (accessed: 11.09.2018).
45. Human Rights Watch World Report 2016: Tajikistan. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/Tajikistan (accessed: 11.09.2018).
46. Mcclory J. et al. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. *Portland*. [Electronic resource]. – Mode of access: https://softpower30.com/ wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf (accessed: 11.11.2018).
47. The 2014 Traveler's Road to Decision. Google Travel Study, June 2014. [Electronic resource]. – Mode of access: https://storage.googleapis.com/think/docs/2014-travelers-road-to-decision_research_studies.pdf

48. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www3.weforum .org /docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf (accessed: 11.10.2018).
49. UNWTO Tourism Highlights. 2016 Edition. [Electronic resource]. – Mode of access:http://www.dadosefatos.turismo.gov.br/images/pdf/estatisticas_indicadores/UNTWO_Tourism_Highlights_2016_Edition.pdf (accessed: 12.12.2017).

Аналитические доклады / тетради, сборники научных конференций:

На русском

50. Бурлинова Н., Иванченко В., Грибкова Д. Российская публичная дипломатия в 2017 году. Обзор основных событий и трендов. Центр поддержки и развития общественных инициатив — «Креативная дипломатия». М.: 2018. – 36с.
51. Курс общественного дипломата / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. – 76 с.
52. Казанцев А.А., Звягельская И.Д., Кузьмина Е.М., Лузянин С.Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. – Москва : РСМД, 2016. – 52 с.
53. Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта. Аналитический доклад / Под редакцией Е.Т. Карина. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2015. – 51 с.
54. Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион / Под редакцией С.Кушкумбаева. Алматы, 2016. – 44 с.
55. Центральная Азия 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / Под ред. М.Ларюэль и А.Курманова. – Университет Дж. Вашингтона, 2017. – 125 с.

56. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В. В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013. 35с.
57. Мукомель В. Диаспора-партнер по развитию Таджикистана. – Душанбе. Издание Миссии МОМ в РТ, 2014. – 147с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://publications.iom.int/system/files/pdf/diaspora_tajikistan_russian.pdf (дата обращения: 07.07.2017).
58. Султанмуратов Н. Образование по-турецки, или Фактор Гюлена в Казахстане. – Алматы. Институт азиатских исследований, 2018. – 16 с.
59. Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Алматы: Фонд им. Ф. Эберта, 2015. – 31с.
60. Наследие В.Г.Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Всероссийской научно-исторической конференции (Нижний Новгород, 24-26.18 г.) / под ред. А.Н. Фортунатова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ. – 355 с.
61. Материалы Международной научно-практической конференции «Вода для устойчивого развития Центральной Азии», посвящённой началу Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028» (г. Душанбе, 23-24 марта 2018 года). – Душанбе: Издательство «ПРОМЭКСПО», 2018. – 428 с.

На английском

62. Batora J. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. Discussion Papers in Diplomacy. *Netherlands Institute of International Relations -"Clingendael"*. March, 2005. 26 p.
63. Boonstra J. EU Central Asia Policy: Steady as She Goes. *Central Asia Policy Brief* No. 4. August 2012. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/7655 (accessed: 11.09.2018).
64. Dovelyn Rannveig Agunias and Kathleen Newland. Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries. *IOM - MPI*, 2012. 254p.

65. Gussarova A., Khon E. Russian Soft Power in Kazakhstan (and Central Asia): Taken for Granted? *Central Asia Institute for Strategic Studies*, 2017. 25 p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://drive.google.com /file/d/0B_ Or2oBlCdPVMkNwajhrNTFBSDg/view (accessed: 02.07.18).
66. Henrikson A. What Can Public Diplomacy Achieve? Discussion Papers in Diplomacy. *Netherlands Institute of International Relations - "Clingendael"*, 2006. 38p. [Electronic resource]. — Mode of access:https://www.diplomatie .gouv.fr/IMG/pdf/publicdiplo.pdf (accessed:12.07.2018).
67. Kassenova N. Projecting soft power as an imperative for the EU in Central Asia. *EUCAM Watch*, Issue 18 - February 2018. [Electronic resource]. – Mode of access:http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Newsletters/ EUCAM_ Watch_18.pdf (accessed: 11.09.2017).
68. Laruelle M & McGlinchey E. Renewing EU and US Soft Power in Central Asia. *EUCAM Commentary* No.28 (October 2017). [Electronic resource]. – Mode of access:http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Commentaries /EUCAM_Commentary_28_Renewing_US_and_EU_Softpower_in_Central_Asi a.pdf (accessed: 12.12.2017).
69. Schatz E. Anti-Americanism and America's Role in Central Asia. National Council for Eurasian and East European Research. *University of Toronto*. Working paper. 2008. 17p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ucis.pitt. edu/nceeer/2008_821-14_Schatz.pdf
70. Schnider, C.P. Culture Communicates: US Diplomacy that Works. Discussion Papers in Diplomacy, №94. *Clingendael: Netherlands Institute of International Relations*. 2004. 22p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20040300_cli_paper_dip_issu e94.pdf (accessed: 11.09.2018).
71. Shafiev A. Iran and Tajikistan: A Story of Love and Hate. *Central Asia Policy Brief* No. 34. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9320 (accessed: 11.09.2018).

72. Stronski P., Nicole Ng. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. *Carnegie Endowment for International Peace*. February 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/CP_331_Stronski_Ng_Final1.pdf
73. Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. Discussion Papers in Diplomacy. *Clingendael: Netherlands Institute of International Relations*. October 2008. 46 p.
74. Tucker N. Islamic State messaging to Central Asians Migrant Workers in Russia. *CERIA Brief*. No.6. March 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/6982 (accessed: 27.10.2018).
75. Tucker N. Public and State Responses to ISIS Messaging: Tajikistan. *CERIA Brief* No.11. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9287 (accessed: 28.10.2018).
76. Tucker N. Public and State Responses to ISIS Messaging: Uzbekistan. *CERIA Brief* No.12. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9291 (accessed: 28.10.2018).
77. Tucker N. Public and State Responses to ISIS Messaging: Kazakhstan. *CERIA Brief* No.13. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasia program.org/archives/9296 (accessed: 29.10.2018).
78. Tucker N. Public and State Responses to ISIS Messaging: Kyrgyzstan. *CERIA Brief* No.14. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasia program.org/archives/9301 (accessed: 29.10.2018).
79. Tucker N., Turaeva R. Public and State Responses to ISIS Messaging: Turkmenistan. *CERIA Brief* No.15. February 2016. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/archives/9305 (accessed: 29.10.2018).
80. Wallin M. Military Public Diplomacy: How the Military Influences Foreign Audiences (White Paper). *The American Security Project*, 2015. 42 p.

81. Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq: drivers and responses. *USAID*. May 4, 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PBAAE879.pdf
82. Syria Calling: Radicalisation in Central Asia. *Crisis Group Europe and Central Asia Briefing* №72, January 2015. 16 p.

Монографии и сборники:

На русском

83. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 623 с.
84. Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Выпуск 4. М.: НОФМО, 2010. – 104 с.
85. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др. отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2011. –549 с.
86. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 119 с.
87. Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.
88. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. 2008. – 248 с.
89. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 241 с.
90. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.

91. Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. — М.: Аспект Пресс, 2016. – 224 с.
92. Месамед В.И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 268 с.
93. Мукимджанова Р.М. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики, монография. — М.: Научная книга, 2005. – 206 с.
94. Публичная дипломатия: Теория и практика: научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 272 с.
95. Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии / Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Междунар. Мир. – Москва; Вашингтон, 2005. – 487 с.
96. Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. – М.: РИСИ, 2016. – 247 с.
97. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с
98. Сайидзода З.Ш., Саидов Ф.З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. – Душанбе: Иттилоот ва муошират, 2008. – 37 с.
99. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 326 с.
100. Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – Москва : РУДН, 2012. – 408 с.
101. Филимонов Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – Москва : РУДН, 2015. – 581 с.
102. Дипломатия Таджикистана. Душанбе: – Изд. МИД РТ, 1994. – 28с.

На английском

103. Berridge G. *Diplomacy: theory and practice* (4th ed). Basingstoke, New York: Palgrave, 2010. 282 p.
104. Bullard A. *The diplomacy of the Great War* (1st ed.). New York: MacMillan, 1916. 344 p.
105. Cross M., Melissen J. (Eds). *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. New York, NY: Palgrave Macmillan Books, 2013. 230 p.
106. d'Hooghe I. *China's Public Diplomacy*. Leiden & Boston: Brill, 2014. 424 p.
107. Esman M.J. *Diasporas in the contemporary world*. Polity Press, 2009. 224p.
108. Golan, G. J., Yang, S., & Kinsey, D. F. (Eds). *International Public Relations and Public Diplomacy: Communication and Engagement*. New York, NY: Peter Lang Publishing. 2015. 458 p.
109. *Culture & Foreign Policy*. Ed. by Valerie M. Hudson. Boulder: Lynn Rienner Publishers, 1997. 293 p.
110. Kishan S. Rana. *21st Century Diplomacy: A Practitioner's Guide*. New York: Continuum, 2001. 392p.
111. Laruelle M. *(Ed).The Central Asia–Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives*. Rowman & Littlefield, 2017. 282 p.
112. Laruelle M. (Ed). *Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials and Cultural Change*.Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. 85 p.
113. Laruelle M. (Ed). *New Voices from Central Asia. Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Volume 2, edited by Marlene Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. 194 p.
114. Laruelle M. (Ed). *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. 169 p.

115. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre, 2002. 183p.
116. Makarychev A, Yatsyk A. (Eds). Mega Events in Post- Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 229p.
117. Mead Walter R. *Power, terror, peace, and war: America's grand strategy in a world at risk*. New York: Knopf. 2004. 226 p.
118. *The new public diplomacy: Soft power in International Relations*, ed. Jan Melissen. New York: Palgrave Macmillan. 2005. 221p.
119. Nye S.J. Soft Power. *The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004.191 p.
120. Nye J. *The Future of Power*. N.Y.: PublicAffairs, 2011. 320 p.
121. Ohanyan A. (ed.) *Russia Abroad: Driving Regional Fracture in Post-Communist Eurasia and Beyond*. Georgetown University Press. 2018, 220 p.
122. Omelicheva M. (ed.) *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions*. LM: Lexington books, 2015. 173 p.
123. Pamment J. *New Public Diplomacy in the 21st Century: A Comparative Study of Policy and Practice*. – Routledge: London, 2013.184 p.
124. Rashid A. *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism? 2nd edition*. NY: New York Review Books, 2017. 278 p.
125. Rasmunssen I. *Towards a theory of public diplomacy: A quantitative study of public diplomacy and soft power*. The Fletcher School (Tufts University), 2014. 59 p.
126. Sevin Efe. *Public Diplomacy and the Implementation of Foreign Policy in the US, Sweden and Turkey*. Palgrave Macmillan, 2017. 258 p.
127. Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 352 p.
128. Spaiser O.A. *The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018. 245 p.

129. *Routledge handbook of public diplomacy*. Snow N., Philip M. Taylor (ed). New York, NY: Routledge, 2009. 382 p.
130. Song W. *China's approach to Central Asia: The Shanghai Co-operation Organisation* (Routledge Contemporary China Series) 1st Edition. New York: Routledge, 2016. 182 p.
131. Tomlin Gregory M. *Murrow's Cold War: Public Diplomacy for the Kennedy Administration*. Lincoln, NE: Potomac Books, 2016. 424p.
132. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429p.
133. Yavuz H. *Toward an Islamic Enlightenment: the Gulen Movement*. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 320 p.

Диссертации:

На русском

134. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX - начале XXI вв: дис. ... докт. истор. наук: 07.00.15. – М. Институт Востоковедения РАН, 2016. – 521с.
135. Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М: МГИМО (У), 2011. – 210 с.
136. Жураев Р.Т. Роль народной дипломатии Узбекистана в международных отношениях: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук: 07.00.02. – Андижан: 1998. – 21с.
137. Казбекова Д.С. Публичная дипломатия во внешней политике Федеративной Республики Германии и Республики Казахстан. Диссертация на соискание ученой степени доктора по профилю. 6D020200 – Международные отношения. – Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2014. – 189 с.

138. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – 236 с.

139. Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М: МГИМО (У), 2017. – 177 с.

140. Смирнов Н.А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М: МГУ имени М.В.Ломоновсова, 2017. – 167 с.

141. Цветкова Н. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... док. ист. наук: 07.00.15. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – 552с.

142. Цзи Кайси. Связи с общественностью в структуре публичной дипломатии (по материалам российско-китайских отношений): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – 172 с.

На английском

143. Egner M. *Between Slogans and Solutions: A Frame-Based Assessment Methodology for Public Diplomacy*. RAND Corporation, 2010. 170 p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD255.html (accessed: 11.11.2018).

144. Sadvakassova D. *Branding Kazakhstan: relationships between state and non-state actors* (master thesis for the Degree of Master of Arts in Eurasian Studies). Nazarbayev University, 2017. 79p. [Electronic resource]. – Mode of access:https://nur.nu.edu.kz/bitstream/handle/123456789/2376/Sadvokassova%20D. .pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 12.08.2018)

145. Xu Shaomin. *The Evolution of Chinese Soft Power: Its International and Domestic Roles*: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy of the University of Western Australia, 2016. 358 p. [Electronic resource]. – Mode of access:https://api.research-

repository.uwa.edu.au/portalfiles/portal/14771493/THESIS_DOCTOR_OF_PHILOSOPHY_XU_Shaomin_2016.pdf (accessed 20.08.2018).

Научные статьи:

На русском

146. Абдраимов М. Дж. Внешнеполитическая информационная деятельность государства в современных условиях: концептуальная основа и проблемы / М.Дж. Абдраимов // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2015. – №5(05). – С.50-54.
147. Абдуазимов М. Гастродипломатия: мировой опыт и потенциал Республики Узбекистан / М. Абдуазимов // Международные отношения: политика, экономика, право – 2017. – №2. – С. 5-21.
148. Абдуллаев М. Узбекистан в ШОС: время народной дипломатии / М. Абдуллаев // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С.16-31.
149. Абжапарова Л.Ж., Сарсембаева А.Б Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-7. – С. 1520-1523.
150. Абильдаев И. Формирование государственно-политического бренда Республики Казахстан / И.Абильдаев // Вестник КазНУ. Философия, политология, культурология сериясы. – 2010. – № 1(34). – С.58-61.
151. Айтмурзаев Н. «Мягкая сила» как потребность общества в социальном порядке в условиях глобализации // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2012. – №5(05). – С. 11-15.
152. Айтмурзаев Н. Применение информационно-коммуникационных технологий в дипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. – 2016. – №5(05). – С.76-81.
153. Алексеева А. Роль Организации развития Ага Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана // Пути к миру и безопасности. – 2018. – №

1(54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. Под редакцией Е.А. Степановой, С. 308-323. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-308-323.

154. Алиева Р.Р. Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС / Р.Р. Алиева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2014. –Т.14. вып.4. – С.81-89.
155. Амирхонов М.М. Дипломатия водного сотрудничества Республики Таджикистан: обеспечение устойчивого развития страны / М.М. Амирхонов // Таджикистан и современный мир. – 2017. – №2(57). – С.73-84.
156. Антюхова Е.А. Публичная дипломатия как важнейший структурный компонент внешнеполитической стратегии НАТО / Е.А. Антюхова // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2017. – Т. 23. № 5. – С. 67-73.
157. Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации / Е.А. Антюхова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3 (72). – С. 21-27.
158. Бартош А.А. Публичная дипломатия Запада как катализатор гибридных войн и цветных революций // Дипломатическая служба. – 2017. – №5. – С.38-53.
159. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе / Б.Х. Бахриев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2017. – №1(70). – С.131-147.
160. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии / Б.Х.Бахриев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2018. – Т.18(2). – С. 189–194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194.
161. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии / Б.Х. Бахриев // Международная аналитика. – 2018. – №1 (23). – С.31-39.

162. Бахриев Б.Х. Туризм как фактор «мягкой силы» Республики Таджикистан на современном этапе / Б.Х. Бахриев // Таджикистан и современный мир. – 2018. – № 4 (63). – С.129-139.

163. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №436. – С. 97-105. DOI: 10.17223/15617793/436/11.

164. Бобров А. Дипломатия публичная или общественная - вот в чем вопрос /А. Бобров // Международная жизнь. – 2017. – №5. – С.188-200.

165. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Мега-события как форма культурной дипломатии в странах СНГ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.107-116.

166. Боришполец К.П. Новое лицо мировой политики: переформатирование постбиполярного пространства // Ежегодник ИМИ. Международная политика в меняющемся мире / Гл. ред. А. А. Орлов, ред. выпуска П. Б. Паршин, А. Л. Чечевишников. – Москва: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1(15). – С.7-12.

167. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ – 2012. – Москва: МГИМО–Университет. – 2012. – С.79-86

168. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития / К.П.Боришполец // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №: 5 (44). – С. 42-49.

169. Боришполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. – С.89-111.

170. Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе / К.П. Боришполец // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 63-70.

171. Боришполец К. П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 31–37.

172. Братерский М.В. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №4 (52). – С. 64-72.

173. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М.В. Братерский, А.С. Скриба // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.130-144.

174. Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии / М.В. Братерский // Россия и современный мир. – 2016. – №2 (91). – С.39-48.

175. Бушков В.И., Поляков С.П., Селиванец А.А., Собянин А.Д. Таджикистан: образ российского стратегического союзника в СМИ // Профи. – 2001. – № 1-2. – С. 67–72.

176. Ван Г., Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – №1. – С.60-69.

177. Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства / Е.В. Василенко // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 1 (5). – С.68– 80.

178. Васильев А.М., Исаев Л.М. Коротаев А.В., Шишкина А.Р. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №12. – С.3-10. DOI:10.31857/S032150750002565-3

179. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога /А. Великая // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С.154–164.

180. Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике / А.А. Вилков // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 66-76.

181. Джаббари Насир Х., Бахриев Б.Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 823—836. DOI:10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836.
182. Долинский А.В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт / А.В. Долинский // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – №2. – С. 56-62.
183. Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 275-280.
184. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии /А.В. Долинский // Международные процессы. – 2011а. – Том 9. – № 1(25). – С. 63-73.
185. Добринская, О.А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Япония 2015. Ежегодник. – М.: 2015, – С.36-57.
186. Дундич А.С. Политическая стабильность в Центральной Азии: перспективы для России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 24-27.
187. Евдокимов Е. «Народная дипломатия». Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды / Е. Евдокимов // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С.285-288.
188. Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ / Н.Н. Емельянова // Международная аналитика. – 2018. – №3. – С. 7-24.
189. Жакенова К.А. Публичная дипломатия как сфера национального брендинга / К.А. Жакенова // Вестник КазЭУ. – 2012. – №6. – С.126-131.
190. Зонова Т. Публичная дипломатия Европейского Союза // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. – С.70-88.
191. Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Дипломатическая служба. – 2015. – №3 (36). – С.176 – 183.

192. Икромов Д.З. Оценка потенциала диаспор в развитии Таджикистана /Д.З.Икромов // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11. – С.797-802.
193. Иманалиев У.К. Деятельность американских неправительственных организаций в Киргизии / У.К. Иманалиев // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2016. – №8 (560). – С 103-118.
194. Исомитдинов Ж.Б. К истории и традициям праздника Навруз. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2014. – № 5 (61). – С.161-170.
195. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – №2. – С. 292-303.
196. Казанцев А. А. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности её использования в Центральной Азии / А. А. Казанцев, А. Л. Синегубов, С. И.Чернявский, А. А. Орлов // Ежегодник ИМИ. – 2014. – №1 (7). – С. 70-88.
197. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 80-91.
198. Казанцев А.А. Политика США в Постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы /А.А. Казанцев // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 4 (25). – С.155-164.
199. Ким Г.Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи / Г.Н. Ким // Казахстан Спектр. – 2012. – №4. – С. 24-36.
200. Коренев Е.С. Общественная дипломати НАТО на постсоветском пространстве / Е.С. Корнеев // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – С.37-42.
201. Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии // Сравнительная политика. – 2017. – №8(3). – С.96-113. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113.

202. Крыстев К.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии // Вестник АРГО. – 2017(6). – С.92-102.

203. Курамаева Г., Нурдавлетова С. Политика «мягкой силы» КНР ы отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Центральная Азия и Кавказ. – 2018. – Том 21. Выпуск 3. – С.18-25.

204. Лалетин Ю. П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации / Ю.П. Лалетин // Восток. – 2008. – № 2. – С. 137–149.

205. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.28–58.

206. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии / М. Ларюэль // Pro et Contra. – 2013 (янв. – апр.). – С.6-20.

207. Латифов Д.Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // Журнал МИД РТ «Внешняя политика». – №1. – 2015. – С. 114-119.

208. Лебедева М.М. Университет в сетевых отношениях современного мира // Ресурсы модернизации. Материалы VII конвента Российский ассоциации международных исследований 28-29 сентября 2012 г. / Под ред. А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, МГИМО (У), 2012. – С. 322-326.

209. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38–42.

210. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 10-13.

211. Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 4 (43). – С. 45–56.

212. Лебедева М.М. Еда как зеркало политического развития мира // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С.187-190.

213. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №3(54). – С. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.

214. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С.8-20.

215. Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О.Г.Леонова // Обозреватель — Observer. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

216. Леонова О. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О.Леонова // Обозреватель — Observer. – 2013. – №4. – С.27-40.

217. Летняков Д., Емельянова Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия / Д. Летняков, Н. Емельянов // Мир России. – 2017. – №26(4). – С.118-142. – DOI: https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142

218. Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 127-133.

219. Лошкарёв И. «Мягкая сила» диаспоры // Международные процессы. – Том 16. – № 2. – С. 141–155. – DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.8.

220. Лукин А. Публичная дипломатия /А. Лукин // Дипломатический ежегодник – 2012. – С. 56-86.

221. Малышева Д.Б. Азиатский вектор внешней политики постсоветских государств Центральной Азии // Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 60-72.

222. Малышев Д.В. Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №2. – С.27-47.

223. Мамбеталиев К.У. Уникальность Всемирных игр кочевников / К.У. Мамбеталиев // Грамота. – 2017. – № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. – С. 127-129.

224. Манойло А.В. Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») // Русская политология — Russian political science. – 2016. – №1. – С.69-79.

225. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / А.Н. Марчуков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №3. – С.95-114.

226. Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая / С.В. Михневич // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – №2. – С.95-129.

227. Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии / С.В. Михневич // Вестник международных организаций. – 2015. – №1. – С.80-117.

228. Мухамадиев П., Мухамадиев Д. Диаспоры Центральной Азии в России: исторический ракурс и современные тренды развития // Центральная Азия 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / Под ред. М.Ларюэль и А.Курманова. – Университет Дж. Вашингтона, 2017. С.93-98.

229. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» / А.О. Наумов // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6). – С.73-86.

230. Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. – С.112-127.

231. Никитина Ю. Российский подход к продвижению «Мягкой силы» в сфере внешней политики // Вестник МГИМО. – 2014. – №2 (35). – С.30-35.

232. Николаев С.А. Превентивная дипломатия для Центральной Азии / С.А. Николаев // Международная жизнь. – 2009. – № 2-3. – С. 96-107.

233. Овсянников Д., Попов Д. Суннитский ислам и государственная власть в Таджикистане: вопросы взаимодействия и идентификации /Д. Овсянников, Д. Попов // Мусульманский мир. – 2017. – №2. – С. 6-25.

234. Пименова Е.В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 52(1). – С.57-66.

235. Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования / Д.С. Плотников // ARS ADMINISTRANDI. – 2016. – С. 160-177.

236. Подберезкин А. Военная сила и политика новой публичной дипломатии / А. Подберезкин // Обозреватель – Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 15-25.

237. Подберезкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций / А.И. Подберезкин, А.В. Жуков // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. –№: 6 (45). – С. 106-116.

238. Попов С.Д. Киргизия в центральноазиатской политике США / С.Д. Попов // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – №2(17). – С.35-59.

239. Потапова Н.Ю. «Мягкая сила» в дипломатии Узбекистана при решении проблем безопасности (на примере Афганистана) // Сборник научных статей - *Science and Innovations in the Globalized World*, San Diego, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id= 25744573& (дата обращения: 01.01.18).

240. Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» / Л.Р. Рустамова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С.145-154. – DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154.

241. Рустамова Л.Р. Публичная дипломатия России в урегулировании конфликта в Сирии /Л.Р. Рустамова // Мировая политика. – 2018. – № 1. – С.33-37. – DOI: 10.25136/2409-8671.2018.1.25576.

242. Рустамова Л.Р. Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России / Л.Рустамова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – No 2. – С. 304-314. – DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314.

243.Саидов Ф. Цифровая дипломатия: понятие, история развития и значение / Ф. Саидов // Внешняя политика. – 2013. – №1. – С.103-112.

244.Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – 2014. – Т.9. – №2. – С.145-166.

245.Сафранчук И.А. Направление перемен в Узбекистане: к сильной системе или личности? / И.А. Сафранчук // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – 2017. – №5-6 (56-57). – С. 29-31.

246.Седых Н.С. Современный терроризм и молодежь: проблемы информационно-психологического взаимодействия / Н.С. Седых // Мусульманский мир. – 2017. – №2. – С.26-38.

247. Сизарёв Д.С. «Мягкая сила» публичной дипломатии Группы семи/восьми / Д.С. Сизарёв // Ярославский педагогический вестник. – 2014 – № 3 – Том I (Гуманит. науки) С.112-118.

248. Сизарёв Д.С. «Мягкая сила» в деятельности «Группы семи/восьми» / Д.С. Сизарёв // Ярославский педагогический вестник. – 2014 – № 4 – Том I (Гуманит. науки). С. 100-103.

249.Смирнов А. Негосударственные акторы в современных информационных войнах / А.Смирнов // Международная жизнь. – 2018. – №5. – С.83-99.

250.Столетов О. В., Чихарев И. А. Университеты как субъекты публичной дипломатии // Мир и политика. – 2013. – № 11 (84). – С. 214–235.

251.Строганов В.Б. Манипулятивные технологии soft power в интернете / В.Б. Строганов // Дискурс-Пи. – 2017. – №3-4. – С.28-29.

252.Таджиев Ш. Публичная дипломатия как важная составная часть «мягкой силы» / Ш. Таджиев // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.74-87.

253. Таджиев Ш. Использование инструментария «мягкой силы» в международных отношениях / Ш. Таджиев // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №2. – С. 107-117.

254. Толипов Ф. Центральная Азия как пространство, полития, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С.119-127.

255. Толипов Ф. Центральная Азия: теория дезинтеграции // Центральная Азия 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / Под ред. М.Ларюэль и А.Курманова. – Университет Дж. Вашингтона, 2017. С.24-28.

256. Теленьга М.П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере «Революции роз» в Грузии 2003 года) // ИСОМ. – 2016. – №3-2. – С.85-89.

257. Тиллоев С.С. Место памятников культурного наследия в Республике Таджикистан / С.С. Тиллоев // Вестник КГУСТА. – 2013. – №4. – С.179-183.

258. Тимощук Е. Интерсубъективность социокультурного мира / Е.Тимощук // Перспективы науки и образования. – 2013. – №6. – С.32-36.

259. Умаров А. Инициативы Республики Узбекистан в афганском направлении: потенциальные возможности и риски / А.Умаров // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.33-43.

260. Умаров Ф.Б. Влияния конфликтогенных ситуаций на взаимоотношения государств Центральной Азии /Ф.Б. Умаров // Таджикистан и современный мир. – 2012. – №1 (30). – С. 120-129.

261. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма / Э.Уостнидж // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Том 17 (4). – С. 131–144.

262. Фанфэй Л. Публичная дипломатия Китая в Центральной Азии / Л.Фанфэй // КЛИО. – 2018. – №3(135). – С.135-141

263. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии / А. Фоминых // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. Вып. 3. – С. 73–86.

264. Фоминых А. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция / А. Фоминых // Вестник Томского Университета. – 2014. – №6. – С. 28-32.

265. Фоминых А. Е., Ярыгин Г. О. Экологизация публичной дипломатии США // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С.110–120.

266. Фоминых А.Е. Публичная дипломатия ЕС // Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / отв. ред. Л. О. Игумнова. Коллективная монография. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – С.254-280.

267. Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №6. – С. 48–58.

268. Харкевич М.В. Военное измерение публичной дипломатии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. – С.21-35.

269. Харкевич М.В. Формы публичной дипломатии и типы государств. // Политика и Общество. – 2016. – № 9. – С. 1244-1255. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.9.16271

270. Холдоров О.Н. Соотношение категорий «Актор» и «Субъект», «Участник», «Агент» в политической теории / О.Н. Холдоров // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 4 (55). – С.128-133.

271. Цыганков П. Мировая политика и ее содержание / П.Цыганков // Международные процессы. – 2005. – Том 3, № 7. – С. 53-65.

272. Цветков А. Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Междун. отн. – 2010. – Выпуск № 3. – С. 110-116.

273. Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–393.

274. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109-122.

275. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США в Евразии: влияние на Русский Мир / Н.А. Цветкова // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.96-99.

276. Цветкова Н.А., Сытник А.Н. Публичная дипломатия в Афганистане, 2002-2018 гг.: влияние США на социальные сети, политическую систему и университеты // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2018. – Т. 11. –Вып. 4. – С.344-361.

277. Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции / М.А. Шпаковская, О.В. Барнашов // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №2. – С. 30-36.

278. Яценко Е.Б. О невоенных инструментах защиты интересов России в регионе Центральной Азии и Афганистана // Вызовы безопасности в Центральной Азии: сборник / Рук. проекта Дынкин А.А., Барановский В.Г.– М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С.139-145.

На английском

279. Abzhaparova L., Kaliyeva A., Tokmurzayeva A. The role of public diplomacy in the strategy of development between Kazakhstan and Turkey. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2016. Vol. 11, no.18, pp. 11073-11080.

280. Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding. *Place Branding*, 2006. №2 (2), pp. 97-107.

281. Anholt S. Foreword. *Journal of Brand Management*. April 2002, Vol. 9. Iss.4, pp. 229–239.

282. Ayhan K.J. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives. *International Studies Perspectives*. 2018. No 1, pp.1-21.
283. Azadi S., Maghsoodi M., Mehrpouyan A. Performance Analysis of Cultural Diplomacy of Iran in Central Asia. *International journal of humanities and cultural studies*, 2015. Volume 2. Issue 2, pp.663-690.
284. Böttger K., Plottka J. A New Start for the EU Central Asia Policy in 2021? Current State, Developments and Perspectives for the Revision of the EU Central Asia Strategy. *L'Europe en Formation*, 2018. Volume 385, no. 1, pp. 45-60. DOI: https://doi.org/10.3917/eufor.385.0045
285. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol.616, iss.10, pp. 21-23.
286. Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. Pp. 31-54.
287. Cull N. Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase. In *Routledge handbook of public diplomacy*, ed. Nancy Snow and Philip M. Taylor. New York, NY: Routledge, 2009. pp. 19–23.
288. Del Sordi A. Sponsoring student mobility for development and authoritarian stability: Kazakhstan's Bolashak programme. *Globalizations*, 2018. Vol.15. Iss. 2, pp.215-231.
289. Ernest J. Wilson, III. Hard Power, Soft Power, Smart Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, Vol: 616. Issue: 1, pp.110-124.
290. Fauve A. Global Astana: Nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes. *Central Asian Survey*. 2015, no. 34(1), pp. 110-124.
291. Fisher A. Network Perspective on Public Diplomacy in Europe: EUNIC. In: *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. Cross M., Melissen J. (Eds). New York, NY: Palgrave Macmillan Books, 2013, pp.137-156.

292. Fominykh A. Russia's Public Diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The Role of the Universities. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2017. Vol.12. Iss.1, pp. 56 – 85.

293. Fullerton J, Kendrick A., Wallis C. Brand Borat? Americans' reaction to a Kazakhstani place branding campaign. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4,no.2. pp. 159-68.

294. Gienow-Hecht J. Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War - A Critical Review. *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24. No.3. Pp. 465-494.

295. Gregory B. American Public Diplomacy: Enduring Characteristics, Elusive Transformation. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2011. № 6(3). Pp.351-372.

296. Gilboa E. The Public Diplomacy of Middle Powers. *Public Diplomacy Magazine*. 2009. Issue 2, pp. 22-28.

297. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 2008. pp. 55-77.

298. Hall I., Smith F. The struggle for soft power in Asia: Public diplomacy and regional competition. *Asian Security*, 2013. Vol. 9. №1. pp. 1-18.

299. Huijgh E. Changing Tunes for Public Diplomacy: Exploring the Domestic Dimension. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2: Iss. 1, Article 6, pp. 62-73.

300. Insebayeva S. Imagining the Nation: Identity, Nation Building, and Foreign Policy in Kazakhstan. In: *Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials and Cultural Change*. Edited by Marlene Laruelle.Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. P. 53-61.

301. Kan H. Actors in World Politics. *Government and Politics*. 2002. Vol. II. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-32-05-03.pdf (accessed: 12.12.2016).

302. Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 113-138.

303. Kim Hwajung. Bridging the Theoretical Gap between Public Diplomacy and Cultural Diplomacy. *The Korean Journal of International Studies*, Vol.15, No.2 (August 2017), pp.293-326.

304. Kukeyeva F., Alipkyzy R., Shokparova Zh., Batrbekova A. Some Theoretical Aspects of the Public Diplomacy // Хабаршы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы - International relations and international law journal. – 2018. – No2 (82). – P. 88-96.

305. La Porte, T. The Impact of 'Intermestic' Non-State Actors on the Conceptual Framework of Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2012. No 7(4), pp.441-458.

306. Laruelle M. The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests? *Eurasian Geography and Economics*. 2015. Vol. 56. Iss. 4, pp.360-375.

307. Laydjiev I. Searching for Influence and Persuasion in Network-Oriented Public Diplomacy: What Role for «Small States»?. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, 2013. Vol. 2. Issue 1, pp. 40-48.

308. Lee G & Ayhan K. Why Do We Need Non-state Actors in Public Diplomacy?: Theoretical Discussion of Relational, Networked and Collaborative Public Diplomacy. *Journal of International and Area Studies*. 2015. Vol. 22 (1), pp. 57-77.

309. Lewis D. Central Asia: Fractured Region, Illiberal Regionalism. In: Anna Ohanyan (ed.) *Russia Abroad: Driving Regional Fracture in Post-Communist Eurasia and Beyond*. Georgetown University Press. 2018, pp. 119-134.

310. Mamatova D. Grassroots Peacebuilding: Cross-Border Cooperation in the Ferghana Valley. In: *New Voices from Central Asia. Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Vol. 2. Marlene Laruelle (ed). Central Asia Program, The George Washington University, 2018. P.147-160. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/05/New-Voices-from-CA-vol-2-5.pdf

311.Marat E. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol.61, No.7. pp. 1123-1136.

312.McDowell M. Public Diplomacy at the Crossroads: Definitions and Challenges in an 'Open Source' Era. *The Fletcher Forum of World Affairs*, 2008. Vol. 32:3 (Special Edition), pp. 8-17.

313. Mead Walter Russell. America's Sticky Power. *Foreign Policy*, No. 141 (Mar. - Apr., 2004), pp. 46-53.

314. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. In *The new public diplomacy: Soft power in International Relations*, ed. Jan Melissen, 2005. New York: Palgrave Macmillan. pp. 3-27.

315. Menga F., Mirumachi N. Fostering Tajik hydraulic development: Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam. *Water Alternatives*, 9(2). -2016. pp. 373-388.

316. Mueller Sh. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY, London: Routledge, 2009. pp. 101-107.

317.Nurmakov A. Kazakhstan and the Global Industry of Mega Events: A Case of Autocratic Management. In *Mega Events in Post- Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P.99-129.

318.Nuraliyeva S., Balaubayeva B. How do ‘people to people’ relations contribute to the implementation of OBOR in Central Asia? *Хабаршы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы - International relations and international law*. 2018. Vol.2 (82), pp.133-141.

319. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 94-109.

320. Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy. *Public Diplomacy Magazine*, 2010 (winter), issue 3, pp.120-124.

321. Omelicheva M. Eye on the international image: Turkmenistan's nation branding. *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions*, ed. M.Omelicheva. LM.: Lexington books, 2015. pp. 91-110.

322. Osipova Y. "Russification" of "Soft Power": Transformation of a Concept. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2014. Vol.5. Iss.1. pp.56-77.

323. Pablo Leon-Aguinaga. The Trouble with Propaganda: the Second World War, Franco's Spain, and the Origins of US Post-War Public Diplomacy. *The International History Review*, 2015 Vol. 37, No. 2. pp.342–365.

324. Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of International Organizations. The Cases of NATO, EU, and ASEAN. *Figueroa Press*, Los Angeles, 2015. 45 p.

325. Pantoja Y.I.M. Conceptualizing a New Public Diplomacy Model: 'Intermestic' Strategies and Instruments to Promote Change in Mexico's GM Food Policy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2018. Volume 13, Issue 3, pp.245 – 271.

326. Paunic N. The Rising Shi'a Crescent: Iranian Smart Power and Implications for the Middle East, Central Asia, and the Persian Gulf. *Carleton Review of International Affairs*, 2016. Vol.3, pp. 70-92.

327. Pratkanis A. Public Diplomacy in International Conflicts: A Social Influence Analysis. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. NY, London: Routledge, 2009. pp. 111-153.

328. Roberts R. Walter What Is Public Diplomacy? Past Practices, Present Conduct, Possible Future. *Mediterranean Quarterly*, no.18:4, 2007. pp. 36-52.

329. Sadovskaya Y., Utyasheva L. "Human Silk Road": The People-to-People Aspect of the Belt and Road Initiative. In: *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*. Edited by Marlene Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp. 109-125.

330. Salibaeva N.A. To the Question about the Concept of «Soft Power» in the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan // Сиёсати хориҷӣ. – 2016. – №2. – P. 62-74.

331. Schatz E. Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan. *Slavic Review*. 2008, no. 67(1), pp. 50–62.

332. Schatz E, Levine R. Framing, Public Diplomacy, and Anti-Americanism in Central Asia. *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54. Iss. 3, pp. 855–869.

333. Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2014. Vol.38:1, pp. 95-100.

334. Semetko H. A. Media and public diplomacy in times of war and crisis. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. No 5. pp. 639–642.

335. Senem B. Çevik. Narrating Turkey's Story: Communicating Its Nation Brand through Public Diplomacy. In *Middle Powers in Global Governance: The Rise of Turkey*, ed. Emel Parlar Dal. 2018. NY: Palgrave Macmillan. pp. 213-230.

336. Snow N. Valuing Exchange of Persons in Public Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. Nancy Snow, Philip M. Taylor. NY: Rougledge, 2009. Pp. 233-247.

337. Starr S.F. A Partnership for Central Asia. *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. No.4, pp.164-178.

338. Stock F. The Borat Effect. *Place Branding and Public Diplomacy*, 2009. Vol. 5. Issue 3, pp. 180-191.

339. Usmanov J. Engaging Youth to Sustain (Inter-Communal) Peace at the Tajikistan-Kyrgyzstan Border. In: *New Voices from Central Asia. Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Vol. 2. Marlene Laruelle (ed). Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp.161-180. [Electronic resource]. – Mode of access: http://centralasia program.org/wp-content /uploads/2018/05/New-Voices-from-CA-vol-2-5.pdf (accessed: 01.10.2018).

340. Van Ham P. War, lies, and videotape: Public diplomacy and the USA's war on terrorism. *Security Dialogue*. 2003. Vol. 34. No 4, pp. 427–444.

341. Van Ham P. Place Branding: The State of the Art. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, pp. 126-149.

342. Vinogradov S. Peacekeeping: we need serious Rethinking. *UN Chronicle*, 1998. Vol. 35, no. 3.

343. Walker C., Ludwig J. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. *National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies*, 2017, pp.6-94.
344. Wang Y. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. №616, pp. 257-273. DOI: 10.1177/0002716207312757
345. Wastnidge E. The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War. *POLITICS*. 2015. Vol. 35 (no 3-4). pp. 364–367.
346. Zaharna R.S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frame-works. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, ed. N. Snow, Ph. M. Taylor. L. – N. Y.: Routledge, 2009. pp. 86-100.
347. Zaharna R.S., Uysal N. Going for the jugular in public diplomacy: How adversarial publics using social media are challenging state legitimacy. *Public Relations Review*, 2016, no 42. pp. 109–119.
348. Zhou Y, Luk S. Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power? *Journal of Contemporary China*. 2016. Vol.25. Iss.100, pp. 628-642.

Интернет-публикации:

На русском

349. Аксай Х. «Тайип-аби» в прошлом: напряженность вокруг Гюлена на постсоветском пространстве. ИноСМИ, 06.08.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inosmi.ru/politic/20160806/237460837.html
350. Вихрев М. Ирано-узбекские отношения на современном этапе. Институт Ближнего Востока, 02.04.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=3548 (дата обращения: 29.10.2017).
351. Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России. РСМД, 04.07.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/ (дата обращения: 29.05.2017)

352. Дубнов А. Зачем Джон Керри объехал всю Центральную Азию. Московский Центр Карнеги, 05.11.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/61869 (дата обращения: 01.11.2018).

353. Гурбангельдыев Дж. Культурная дипломатия – язык межнационального диалога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018 (дата обращения: 19.07.2017)

354. Емельянова Н. Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы. Портал «Перспективы», 21.03.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajanije_indii_preimushhestva_i_predely_2016-03-21.htm (дата обращения: 22.11.2017)

355. Зонова Т.В. Дипломатия будущего. Российский совет по международным делам. 20.04.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-budushchego/?sphrase_id=1784643 (дата обращения: 11.08.2017).

356. Зонова Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы. РСМД. 07.08. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/ (дата обращения: 29.12.2017).

357. Зверинцева Т. И до и после обеда. Туркменские СМИ погрузили страну в информационный вакуум. ИА «Фергана», 23.08.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fergananews.com/articles/10137 (дата обращения: 29.08.2018).

358. Исабаева С. Всемирный курултай казахов: кому и зачем он нужен? Central Asia Monitor, 11-05-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://camonitor.kz/26719-vsemirnyy-kurultay-kazahov-komu-i-zachem-on-nuzhen.html (дата обращения: 29.04.2018).

359. Исабаева С. Как и чем Казахстан может способствовать разрешению кризиса в Украине? Central Asia Monitor, 11.09.2014. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://camonitor.kz/13391-kak-i-chem-kazahstan-mozhet-sposobstvovat-razresheniyu-krizisa-v-ukraine.html (дата обращения: 29.12.2017)

360. Ким Г.Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3167101/Korean-Kazakhstan_Rela tions_and_Koreas_Public_Diplomacy_

361. Космарский А. Любишь учиться — люби и Акорде служить. «Болашак» как инструмент власти Назарбаева. ИА «Фергана», 10.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fergananews.com /articles/10221

362. Косназаров Д. «Мягкая сила» США в Центральной Азии – программы обмена, твиттер-дипломатия и «проамериканизм» (интервью с Анной Гусаровой, директором Центральноазиатского института стратегических исследований). Портал «Central Asian Analytical Network», 12.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caa-network.org/archives/12356 (дата обращения: 22.08.18).

363. Косназаров Д. Мягкая сила ЕС в Центральной Азии: «Большая игра подушками» (интервью с Жанибек Арын, докторантом Университета Сент-Эндрюс, Великобритания). Портал «Central Asian Analytical Network», 09.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caa-network.org/archives/10445 (дата обращения: 22.08.2018).

364. Кулик В. «Мягкая сила» Гюлена в постсоветкской Евразии. «PolitRus», 29.07.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politrus.com/2016/07/29/fethullah-gulen/ (дата обращения: 22.05.2018).

365. Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. РСМД, 23.06.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/ (дата обращения: 15.12.2017).

366. Маннонов А. Я китайский бы выучил... Asia-Plus, 11.02.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20170211/ya-kitaiskii-bi-viuchil-tolko-za-to (дата обращения: 09.05.2017)

367. Мухамедов А.Р. Узбекистан-Вьетнам: народная дипломатия в действии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://interkomitet.uz/uzbekistan-vetnam-narodnaja-diplomatija-v-dejstvii/ (дата обращения: 05.12.2018).

368. Мухаммад аль-Бухари. Роль Народной дипломатии в укрепление дружбы и экономическо-общественного сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://muhammad-bukhari.blogspot.ru/2012/02/blog-post.html (дата обращения: 08.07.2017).

369. Никитина Ю. ОДКБ: время для публичной дипломатии? РСМД, 21 сентября 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-vremya-dlya-publichnoy-diplomatii/?sphrase_id=380911 (дата обращения: 13.12.2016).

370. Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития. Время Востока. 23.11.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-nepravitelstvennykh-organizatsii-v-kyrgyzskoi-respublike-sostoyanie-etapy-r#8 (дата обращения: 29.12.2017).

371. Оспанов Н. Публичная дипломатия Кореи в отношениях с Казахстаном. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arirang.ru/news/2012/12060.htm (дата обращения: 29.12.2017).

372. Попов Д.С. Цифровая дипломатия США в Центральной Азии. М.: Российский институт стратегических исследований, 27.06.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riss.ru/analitycs/2566/ (дата обращения: 03.03.2017).

373. Примкулов А., Христолюбова Д. Туризм в Таджикистане: достижения и барьеры. Специально для Asia-Plus. Душанбе, 23.10.2016. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://project75783.tilda.ws/tj_travel (дата обращения: 29.03.2017)

374. Ризоён Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Республики Таджикистан. Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, 20.09.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.mts.tj/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=782%3A2017-09-20-09-44-54&catid=143%3A2013-05-27-06-47-01&Itemid=144&lang=ru

375. Сейдин Н. Казахи за рубежом как объект национальной политики Казахстана. Портал «ЦентрАзия», 03.01.2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041585360 (дата обращения: 08.05.2018).

376. Сушенцов А. Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии. Аналитическое агентство «Внешняя политика», 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ekonomicheskaya-ekspansiya-kitaya-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 29.05.2017).

377. Ульмасов Р. Миграционная ситуация в Таджикистане: проблемы и пути решения. Портал «Культурная дипломатия», 13.04.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturedip.interaffairs.ru /index.php /analitika /itemlist/user/1030 (дата обращения: 25.05.2018).

378. Файзуллаев А. Страна как бренд. Газета.uz., 19.04.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country-branding/ (дата обращения: 21.10.2018).

379. Файзуллаев А. Публичная дипломатия на службе национальных интересов. Газета.uz., 05.09. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/ (дата обращения: 11.02.2018).

380. Фененко А. Возможна ли «анти-мягкая сила»? РСМД, 16 ноября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-

comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/ (дата обращения: 20.11.18).

381. Чиркова Д. «Народная дипломатия» объединяет мир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.narodnoeslovo.uz /index.php/homepage/zhamiyat/item/10211-narodnaya-diplomatiya-ob-edinyaet-mir (дата обращения: 29.12.2017)

382. Шах М. Потенциал «народной дипломатии» и значение ее применения в Афганистане. Портал «Афганистан.Ру», 03.05.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://afghanistan.ru/doc/14632.html (дата обращения: 29.12.2017)

383. Шершнев И. О поддержке внешнеполитического курса Российской Федерации усилиями общественной дипломатии (выступление на круглом столе «Роль национальных информационных институтов и народной дипломатии в межкультурном диалоге», 27 ноября 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diplomatica.ru/?pl=page&id =110&lng=ru&page=0 (дата обращения: 29.12.2017)

384. Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. Портал «Евразия.Эксперт», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/(дата обращения: 03.12.2017).

На таджикском

385. Азимзода Т.С. Нақши дипломатияи иттилоотӣ дар пешбурди сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон (Роль информационной дипломатии в продвижении внешней политики Республики Таджикистан. – *на тадж.*). Центр стратегических исследований при Президенте РТ, 24.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mts.tj/index.php?option=comcontent&view=article&id=926%3A2017-10-24-09-41-47&catid=107%3A2013-05-27-06-17-24&Itemid=140&lang=tj (дата обращения: 21.12.2018).

386. Бекмуҳаммад Қ. Вақте ҷойи дипломатияи расонаӣ холист // Бознашр аз «Нигоҳ» аз 25.04.2015. (Когда пустует место медиа-дипломатии. - *на тадж.*) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bekmuhammad.wordpress.com/2012/04/25/ (дата обращения: 11.11.2017).

387. Хуррамов Х. Ҳарос аз Чин дар Осиёи Марказӣ аз куҷо маншаъ мегирад? (Откуда возникает синофобия в Центральной Азии? - *на тадж.*) Радио «Озоди», 09.11.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ozodi.org/a/29588235.html (дата обращения: 11.12.2018).

388. Хуррамов Х. Шиддат ёфтани руҳияи зиддичинӣ дар Қирғизистон (Усиление антикитайских настроений в Кыргызстане - *на тадж.*). Радио «Озодӣ», 15.01.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ozodi.org/a/china-kyrgyzstan/29710719.html (дата обращения: 15.01.19).

На английском

389. Axyonova V. The EU Education Initiative for Central Asia five years on: lessons learnt? *EUCAM Watch*, no 3 - February 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: https://eucentralasia.eu/2013/02/the-eu-education-initiative-for-central-asia-five-years-on-lessons-learnt/

390. Brown J. The Anti-Propaganda Tradition in the United States. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.publicdiplomacy.org/19.htm (accessed: 28.09.2018)

391. Fletcher T. How to become a soft power superpower. The SP30 blog.15 Sept. 2017. [Electronic resource]. – Mode of access:https://softpower30.com/become-soft-power-superpower/ (accessed: 13.04.2018).

392. Hubbard B., El Sheikh M. WikiLeaks Shows a Saudi Obsession with Iran. *The New York Times*. July 16, 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2015/07/17/world/middleeast/wikileaks-saudi-arabia-iran.html (accessed: 11.09.2018).

393. Knight J. The limits of soft power in higher education. *Universuty World News*. Jan 31, 2014. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725(accessed: 12.12.2017).

394. Lord Carnes, Helle C. Dale. Public Diplomacy and the Cold War: Lessons Learned. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.heritage.org /research/reports /2007/09/public-diplomacy-and-the-cold-war-lessons-learned

395. Mendikulova G.The Diaspora Policy of the Republic of Kazakhstan. [Electronic resource]. – Mode of access: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/publications/no14/14-07_Mendikulova.pdf (accessed: 11.09.2018)

396. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. January 24, 2018. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.foreignaffairs.com /articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power

397. Posega P. Turkmenistan - a brand in the making? *Modern Diplomacy*. June 4, 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: https://modern diplomacy.eu/2015/06/04/turkmenistan-a-brand-in-the-making/ (accessed: 11.09.2018).

398. Seib P. Public Diplomacy and Counterterrorism. *HuffPost*. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and_cout_b_719242.html (accessed: 09.09.2017).

399. Snow N. Anti-Americanism and the Rise of Civic Diplomacy. Foreign Policy in Focus. Dec. 13, 2006. [Electronic resource]. – Mode of access: https://fpif.org/anti-americanism_and_the_rise_of_civic_diplomacy/ (accessed: 11.09.2017).

ПРИЛОЖЕНИЯ

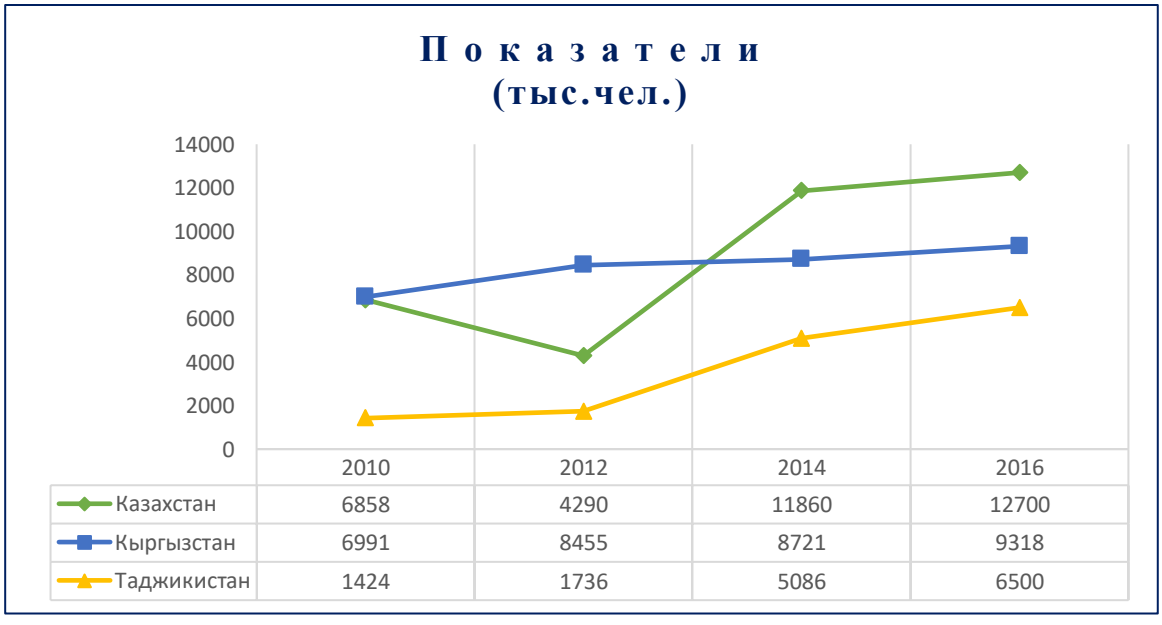
Приложение 1.

Динамика роста количества поданных заявок от граждан государств Центральной Азии на получение американской Грин-карты (2012-2018 гг.)[606]

ГОД	Количество поданных заявок по странам Центральной Азии (тыс.чел.)				
	Казахстан	**Кыргызстан**	**Таджикистан**	**Туркменистан**	**Узбекистан**
2012	*29,032*	*17,351*	*18,917*	*9,212*	*507,361*
2015	*46,613*	*27,427*	*34,672*	*11,966*	*1,387,420*
2018	*93,406*	*72,350*	*122,178*	*29,666*	*2,114,446*

Приложение 2.

Динамика численности китайской рабочей силы в странах Центральной Азии (2010-2016 гг.)[607]

[606] Таблица составлена автором на основе данных Консульского бюро Госдепартамента США.
См.: Diversity Visa Program Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: https://travel.state.gov/content/travel/ en/us-visas/immigrate/diversity-visa-program-entry/diversity-visa-program-statistics.html

[607] Диаграмма составлена автором на основе официальных данных профильных служб стран Центральной Азии и материалов работы: Sadovskaya Y., Utyasheva L. "Human Silk Road": The People-to-People Aspect of the Belt and Road Initiative. In: *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*, edited by Marlene Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. pp. 109-125.

Приложение 3.

Обмен студентами между государствами Центральной Азии - число студентов в вузах государств ЦА из стран региона (2013-2017 гг.) [608]

Страна-обучения студентов	Страна-происхождения студентов				
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Казахстан		1026	588	1320	3683
Кыргызстан	> 2500		< 2000	75	506
Таджикистан	130	141		бол. 2000	255
Туркменистан	—	—	—		—
Узбекистан	47	11	8	120	

Приложение 4.

Турецкая помощь странам ЦА по линии двусторонней ОПР
(Bilateral Official Development Assistance).
Статистика Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA) - 2015 г. [609]

[608] Таблица составлена автором на основе общедоступной статистики из сети Интернет и данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики (2013-2017 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-turizm-v-kyrgyzstane/

[609] Turkish Development Assistance Report 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.tika.gov.tr /upload /2017/YAYINLAR/TKYR%202015%20ENG/KALKINMA%20.pdf

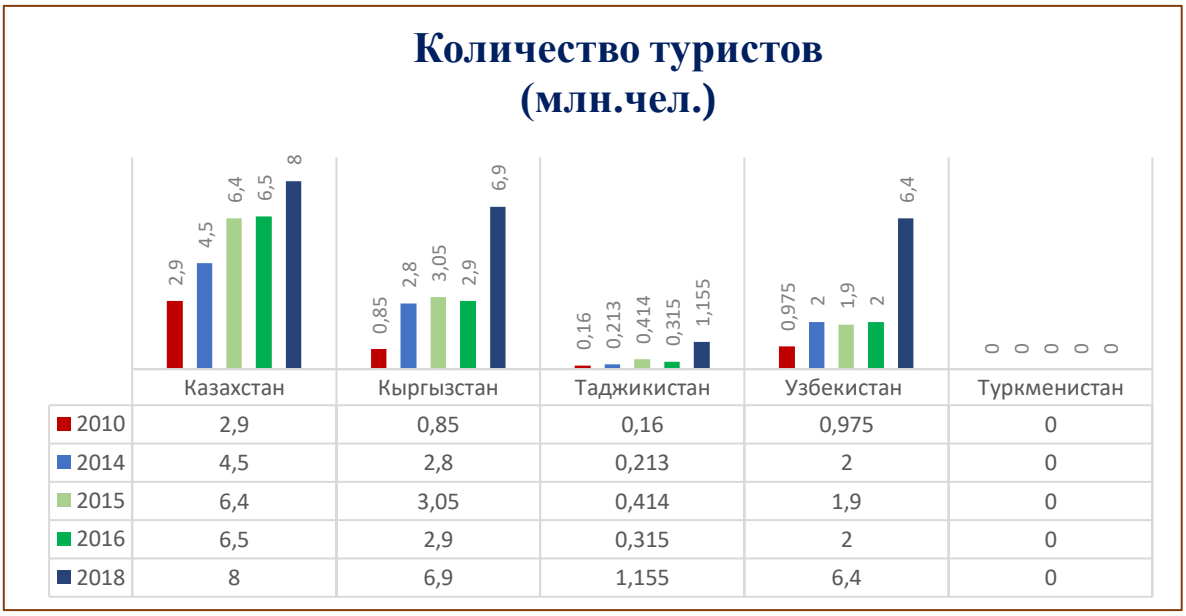
Приложение 5.

Показатели использования МИД государств Центральной Азии ресурсов цифровой дипломатии (2016-2017 гг.) [610]

МИД страны	Место/статус в рейтинге 2016	Место/статус в рейтинге 2017	Количество виртуальных каналов
Казахстан	38 (C++)	44 (CC+)	10
Кыргызстан	96 (DDD --)	137 (DD-)	4
Таджикистан	106 (DD++)	111 (DDD-)	5
Туркменистан	151 (E+)	172 (E+)	1
Узбекистан	124 (D+)	133 (DD-)	3

Приложение 6.

Динамика въездного туризма по странам Центральной Азии (2010 - 2016 гг.)[611]

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан	Туркменистан
2010	2,9	0,85	0,16	0,975	0
2014	4,5	2,8	0,213	2	0
2015	6,4	3,05	0,414	1,9	0
2016	6,5	2,9	0,315	2	0
2018	8	6,9	1,155	6,4	0

[610] Таблица составлена автором на основе данных *Digital Diplomacy Review 2016/2017.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digital.diplomacy.live/

[611] Данные по Туркменистану отсутствуют.
Диаграмма составлена автором на основе открытых данных национальных статистических служб государств ЦА, статистики Всемирной туристической организации. *См.:* UNWTO Tourism Highlights 2017 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419029 ; International tourism, number of arrivals – The World Bank. [Electronic resource]. – Mode of access: https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?end=2016&locations=KZ-KG-TJ-UZ-TM&start=1996&view=chart